ISSN 2313–612X

DOI: 10.22378/kio.2019.1

Крымский научный центр
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

К Р Ы М С К О Е ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

CRIMEAN HISTORICAL REVIEW

Научный журнал
Scientific journal

**№ 1
2019**

Казань – Бахчисарай

Учредитель и издатель:
Государственное бюджетное учреждение
«Институт истории имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Журнал основан в апреле 2014 г. решением Ученого совета Института
истории им. Ш. Марджани АН РТ

Свидетельство о регистрации СМИПИ № ФС77–59824
от 17 ноября 2014 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

Главный редактор
Р. С. Хакимов (Казань)

Заместитель главного редактора
Э. Х. Сейдаметов (Симферополь)

Редактор английских текстов
Л. С. Сейтхалилова (Симферополь)

Редактор крымскотатарских текстов
Н. С. Сейдаметова (Симферополь)

Редактор татарских текстов
Л. Р. Муртазина (Казань)

Редактор турецких текстов
Ш. Э. Сеит-Маметов (Симферополь)

Редакционный совет:
М. Г. Крамаровский, И. М. Миргалеев,
И. В. Зайцев, Г. Р. Альтин

Редакционная коллегия:

Н. М. Акчурина-Муфтиева (Симферополь), Г. Т. Бекирова (Симферополь),
Брайан Глин Вилльямс (Дартмут, США), Г. Ф. Габдрахманова (Казань),
А. И. Галенко (Киев, Украина), А. Н. Гаркавец (Алма-Ата),
М. М. Гибатдинов (Казань), Идиль Измирли (Вашингтон, США),
Ильяс Кемалоглу (Стамбул, Турция), И. А. Керимов (Симферополь),
В. П. Кирилко (Симферополь), Ионуц Кожокару (Бухарест, Румыния),
Г. Н. Кондратюк (Симферополь), Р. Д. Куртсеитов (Симферополь),
Эдвард Лаззерини (Блумингтон, США), А. М. Меметов (Симферополь),
У. К. Мусаева (Симферополь), А. А. Непомнящий (Симферополь),
П. Н. Петров (Казань), Р. Р. Сабитов (Париж, Франция), Р. Р. Салихов
(Казань), Э. И. Сейдалиев (Симферополь), Н. С. Сейтягьяев
(Симферополь), Д. В. Сень (Ростов-на-Дону),
Элизабет Титмаер (Берлин, Германия), Грета Лин Улинг (Мичиган, США),
Т. Б. Усеинов (Симферополь), А. М. Эмирова (Симферополь)

Технический редактор

С. А. Сеитмеметова (Симферополь)

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А,
Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Тел./факс (843) 292-84-82 (приемная)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=54363

E-mail: crimeanhr@gmail.com
<http://www.crimeanreview.ru>

Founder and Publisher:
**State Budgetary Institution “Marjani Institute
of History of Tatarstan Academy of Sciences”**
(7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation)

Journal was founded in April 2014 by the decision of the Scientific Council
of Sh. Marjani Institute of History of AS RT

The certificate of registration of mass media ПИ № ФС77–59824 given
by Roskomnadzor on 17 November 2014

Published 2 times a year

Editor-in-chief
R. S. Khakimov (Kazan)

Deputy Editor-in-Chief
E. Kh. Seydametov (Bakhchisaray – Simferopol)

English texts editor
L. S. Seytkhalilova (Simferopol)

Crimean Tatar texts editor
N. S. Seydametova (Simferopol)

Tatar texts editor
L. R. Murtazina (Kazan)

Turkish texts editor
Sh. E. Seit-Mametov (Simferopol)

Editorial council:
M. G. Kramarovsky, I. M. Mirgaleev,
I. V. Zaytsev, G. R. Altin

Editorial board:

N. M. Akchurina-Muftieva (Simferopol), G. T. Bekirova (Simferopol),
Brian Glyn Williams (Dartmouth, USA), G. F. Gabdrakhmanova (Kazan),
A. I. Galenko (Kiev, Ukraine), A. N. Garkavets (Alma-Ata),
M. M. Gibatdinov (Kazan), Idil P. Izmirli (Washington, USA),
Ilyas Kemaloğlu (Istanbul, Turkey), I. A. Kerimov (Simferopol),
V. P. Kirilko (Simferopol), Ionut Cojocaru (Bucharest, Romania),
G. N. Kondratyuk (Simferopol), R. D. Kurtseitov (Simferopol),
Edward J. Lazzerini (Bloomington, USA), A. M. Memetov (Simferopol),
U. K. Musaeva (Simferopol), A. A. Nepomnyashchiy (Simferopol),
P. N. Petrov (Kazan), R. R. Sabitov (Paris, France),
R. R. Salikhov (Kazan), E. I. Seydaliev (Simferopol),
N. S. Seytyagyaev (Simferopol), D. V. Sen' (Rostov-on-Don),
Elisabeth Tietmeyer (Berlin, Germany), Greta Lynn Uehling (Michigan, USA),
T. B. Useinov (Simferopol), A. M. Emirova (Simferopol)

Technical editor

S. A. Seitmemetova (Simferopol)

Editorial Office Address:

420111, Kazan, 7A, Baturin St.,
Sh. Marjani Institute of History of AS RT Tel./Fax (843) 292 84 82

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=54363

E-mail: crimeanhr@gmail.com
<http://www.crimeanreview.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

История и современность

Лариса Королева. Александр Львович Бертье-Делагард – картограф.....	8
Лейля Сейтхалилова. Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории (Brian Glyn Williams)	18
Yücel Öztürk. Altınordu imparatorluğ'undan osmanlı imparatorluğu'na bir doğu Avrupa beşkenti Kefe	45
Амет-хан Шейхумеров. «Крымское искусство»: о малоизвестных аспектах набеговой деятельности крымских татар и ногайцев	71

Литература и язык

Исмаил Керим. «Медет сенден, эйлер исенъ ихсанлар» (Хабибулла Керемнинъ (1848–1913) иджадына даир).....	96
Таир Киримов. Художественный психологизм произведений Мемета Нузета.....	110

Культура

Лилия Габдрафикова. Народное врачевание крымских татар глазами путешественников (вторая половина XIX века)	124
--	-----

Наследие

Рефат Абдужемилев. Национальные символы в публикациях О. Акчокраклы (комментарии к статье «К вопросу о флаге»).....	135
---	-----

Рефат Абдужемилев. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 3.147

Илья Зайцев. Письма Исмаил-бея Гаспринского
А. С. Суворину и П. П. Вяземскому 175

Новые издания: рецензии, отзывы

Дмитрий Ломакин. Удачный опыт памятниковедческого исследования. Рецензия на: Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; под ред. Р. С. Хакимова. Т. 3: «Симферополь». Белгород: Константа, 2018. 392 с.180

Рефик Куртсеитов. Рецензия на книгу: Неменко А. В. Крым 1941–1944. Обратная сторона войны. Отдельные аспекты истории оккупации Крыма. Симферополь: ООО «Издательство «Доля», 2018, 420 с., илл.189

Хроника

События января – июня 2019 г.
(С. А. Сеитмететова, Э. И. Сейдалиев, Ш. С. Сейтумеров)197

История и современность

УДК 528.91 (477.75)

DOI: 10.22378/kio.2019.1.8-17

Александр Львович Бертъе-Делагард – картограф

Лариса Королева

(ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»)

Аннотация. Данное исследование призвано на основании документальных материалов из фондов Центрального музея Тавриды осветить деятельность известного ученого Крыма Александра Львовича Бертъе-Делагарда по теме истории картографирования Крыма и Юга России. Эта тема в историографии никем не освещалась, хотя наследие ученого в разных областях истории и культуры активно и плодотворно изучается и сегодня. Помимо этого, сама по себе тема по истории картографии Крымского полуострова на сегодня мало разработана, и Бертъе-Делагард был одним из первых, кто стал эту тему разрабатывать. Деятельность ученого в этом направлении изучается по двум направлениям: в первую очередь рассматривается деятельность Бертъе-Делагарда как крупнейшего коллекционера карт Крымского полуострова и Юга России в начале XX века. Во-вторых, реконструируются научные разработки ученого по теме история картографирования Крымского полуострова от гомеровских времен и до XVIII века. Очевидна уникальность его личной коллекции карт (численность – около 700 ед., уникальные экземпляры, тематическая подборка). Серьезным исследованием по теме стал доклад, зачитанный Александром Львовичем в Ялтинском техническом обществе. Подготовительные материалы к этому докладу хранятся в фондах Центрального музея Тавриды. Черновик дает представление ученого об основных этапах истории картографирования Северного Причерноморья, характеристику этапов, рассматривается история картографирования Северного Причерноморья в русле развития картографирования Европейского региона.

Ключевые слова: история картографирования Крымского полуострова, Юга России, Черного моря в античный период, средние века и в новое время; Александр Львович Бертье-Делагард – картограф, коллекционер карт; коллекция карт Крыма и Юга России дореволюционного периода в фондах Центрального музея Тавриды.

Для цитирования: Королева Л. И. Александр Львович Бертье-Делагард – картограф // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 8-17. DOI: 10.22378/kio.2019.1.8-17

Александр Львович Бертье-Делагард – ученый, который исследовал самые различные направления крымоведения, что отображено в современной историографии. Но есть темы, которые на сегодняшний день остались неосвещенными и заслуживают отдельного исследования. К таким направлениям можно отнести тему: А. Л. Бертье-Делагард – картограф.

Географические и исторические карты Крыма ученый рассматривал как важный документальный источник, изучение такого рода источников входило в круг научных интересов ученого. Поэтому изучение картографии Крыма невозможно представить без исследований Бертье-Делагарда.

Как многие исследователи истории картографии, Бертье-Делагард начинал с коллекционирования карт. Помимо личной библиотеки в 6 тысяч томов, исследователь на момент 1917 года имел в своем собрании около 700 единиц карт [8, с. 114–145]. Коллекция карт вместе с библиотекой ученого вливается в библиотечное собрание Центрального музея Тавриды в 1924 году. Судьба коллекций ученого трагична: лихолетья революции и войн нанесли им ущерб, значительно сократили их фонд.

Постепенно пополняя свою коллекцию, исследователь попутно изучает другие известные коллекции карт нашего региона. Как правило, исследуя их, ученый расширял свой кругозор по теме картографии, также попутно мог выявлять новые картографические источники, заказывать точные копии в виде факсимиле с заинтересовавших его экземпляров карт.

На протяжении более 20 лет Александр Львович был вице-президентом и фактическим руководителем Одесского общества истории и древностей. В рамках деятельности этой организации ученый издает в 1888 году библиографическую разработку по картографии – составленный им указатель картографических материалов музея ООИД [2]. Как объясняет исследователь, после переезда коллекций общества в другое помещение «обнаружились потери и хаос в картографическом отделе, отсутствие систематизации затрудняет пользование картами» [2].

На одном из заседаний Одесского общества в 1896 году Бертье-Делагард сделал сообщение о виденных им нумизматических коллекциях и о карто-

графических документах Архива Главного штаба (так назывался с 1867 по 1906 гг. Российский государственный военно-исторический архив). Ученый отмечает, что «никакие исследования южнорусской земли не должны обходиться без полного пересмотра этого обширного собрания» [3, с. 63–67]. Ученый объяснил свой интерес к этому архиву в связи с тем, что сам он «составляет обширную коллекцию картографических работ, касающихся Крыма». Ему удалось пересмотреть часть материалов по крымской картографии. На основании увиденного исследователь сделал вывод о том, что «это единственное, не имеющее себе подобного собрание рукописных карт и планов прошлого века (XVIII в.), явившееся результатом всех наших войн и дипломатических сношений и сопровождавших их съемок, изысканий и донесений» [3, с. 63–67]. Ученый подчеркивает, что «помимо карт военных в архиве существует серия карт-планов древних городов (1771–1790 гг.), рисованные с чисто археологической целью, что удивительно для военного времени», отмечает точность и скрупулезность их выполнения. Более всего его заинтересовали планы Херсонеса, Старого Крыма, Карасубазара, Мангуп-Кале, Ялты, Судака. Некоторые из виденных карт ученый планирует приобрести в виде точных факсимиле для своей коллекции [3, с. 63–67].

В рамках деятельности на посту председателя Крымского горного клуба Александр Львович участвует в организации Крымской выставки, устроенной Крымским горным клубом в 1893 году в Одессе. На выставке в отделе археологии, истории и библиографии Крыма ученый представил стенд по истории картографии Крыма. Сюда, как указал автор стенда, «были включены 27 карт Крыма и Черного моря, начиная с первых компасных карт XIV века и по конец XVIII века <...> по недостатку места выставлено не более десятой части коллекции» [7, с. 7]. В издаваемом клубом журнале в этом же году появляется сообщение под названием «Выставка Крымского Горного клуба», подписанное двумя буквами: «А», «Б» [3, с. 24–28.]. Не подлежит сомнению, что сообщение составил сам экспонент карт. И лучше, чем кто бы то ни было, смог рассказать о своих экспонатах. Из сообщения мы узнаем, что коллекция Александра Львовича составляла на момент 1893 года приблизительно 250 единиц карт, касающихся Крыма. Идея этой небольшой выставки: «по возможности отобразить исторический ход картографии Крыма, до наступления в начале XIX века точных инструментальных картографических работ». Самые ранние карты Крыма, из представленных, это компасные карты (портоланы) итальянских авторов, на выставке представлены в виде точных факсимиле. Особо автор отличает карту Петро Весконте 1318 г., за точность ее береговых очертаний, отмечает, что эти карты могут дать много полезной информации для исторической географии нашего региона. Следующий этап истории картографии Крыма представлен картами Птолемея от конца XV века, к которым обратились ученые того времени, преклоняясь

перед античным наследием. Характеризуя этот период, ученый отмечает неточность и ошибки этих карт по сравнению с итальянскими. Отображает этот момент в истории картографии на выставке редкое издание птолемеевских карт 1513 года на отдельных листах. С этого момента, как утверждает ученый, среди ученых картографов наметились два противоположных направления в европейской картографической науке. Одно из них основано «на простом инструментальном исследовании», другое – «на блестящей идее определения географических точек координатами (долготой и широтой), за которой не видны явные ошибки школы Птолемея». К несовершенству карт Птолемея впоследствии прибавляются исторические обстоятельства, как то: Черное море становится внутренним морем Турции, что привело к созданию очень далеких от действительности карт Крыма и Черного моря. Карты Меркатора и Ортелиуса конца XVI века еще довольно хорошие, по словам ученого, но более поздние – Сефтера и Воганди – худший вариант картографирования Крыма [3, с. 24–28].

Некоторая часть из представленных на выставке карт отображала не только один Крым и Северное Причерноморье, но и Россию. Эти карты помещены были здесь ввиду своей особой исключительности. Среди них известные в картографическом мире карты России Герарда 1614 г., Фишера 1651 г. Но особую ценность и редкость, как отметил экспонент, представлял на выставке «экземпляр карты России графа Брюса и генерал-майора Менгдена, изданной Тессингом в 1689 г. по повелению Петра Великого, печатанной золотом и представляющей едва ли не единственный известный экземпляр» [3, с. 24–28].

В сообщении, помещенном на страницах журнала Крымского горного клуба, видна попытка исследователя впервые проанализировать историю картографирования территории Крыма и Юга России в русле истории общеевропейской картографической науки.

Но первой серьезной печатной работой исследователя по истории картографии Крыма должен был стать доклад Александра Львовича, зачитанный им в Ялтинском техническом обществе 5 марта 1906 года на тему «О развитии картографических понятий о Крыме» [6, с. 51]. В журнале общества тема доклада сопровождалась комментарием: «Сообщение это, на котором были продемонстрированы редчайшие старинные карты Крыма, имеющиеся в библиотеке докладчика, будет напечатано в одном из ближайших выпусков «Известий Ялтинского технического общества». Но журнал более не издавался, текст доклада не найден.

Попытка выяснить, не сохранились ли черновики или подготовительные материалы к указанному докладу в архиве А. Л. Бертъе-Делагарда, основная часть которого хранится в фондах Центрального музея Тавриды, оправдала ожидания. Несмотря на разные названия у выявленного документа [4] и до-

клада из журнала, очевидно, что перед нами черновик доклада, зачитанного в Ялтинском техническом обществе. При сопоставлении данных журнала «Известия Ялтинского технического общества» и содержания дела № 54 из фондов музея видим совпадение, а именно: в журнале «Известий...» отображена последовательность выступления докладчиков [6]. Такую же последовательность случайно обозначил в своем черновике Бертъе-Делагард: «В этом смысле говорил Иосиф Каземирович Сикорский про гидрологию, а Иван Мартинович Педакас по геологии. Если изволите, я буду руководить беседой, которую можно было бы озаглавить «Географические сведения о Крыме во времени и пространстве» [4]. На тот период, когда слушалось сообщение, в 1906 г., тема по истории картографии Крыма автором не была достаточно разработана. Она имела другое название – «Географические отрывки из далекого и близкого прошлого Тавриды, Южного Берега и Ялты с краткими пояснениями». Перспектива публикации этого сообщения наметилась лишь в 1909 г., когда начал издаваться журнал «Известия Ялтинского технического общества». Александр Львович существенно переработал свои материалы и предложил к публикации в 1909 г. доклад под другим названием «О развитии картографических понятий о Крыме». Материалы же дела из архива Бертъе-Делагарда являлись начальной стадией исследования.

Материалы дела № 54 из фондов Центрального музея Тавриды размещены на семи листах, текст машинописный с двух сторон листа – черным шрифтом с правками автора, от руки, карандашом, корректура, дополнения и примечания – на полях и в тексте.

Анализируя содержание дела, его можно условно разделить на три части. В первую часть вошли два списка карт, выстроенных в хронологическом порядке (всего 88 ед.). Здесь даны названия карт, зачастую имя составителя и год издания. К некоторым картам прилагаются обширные комментарии. Первый список карт отображает в основном картографирование Европы и Черноморского региона от античности и до XVII века включительно. Во втором списке указаны карты, относящиеся к истории картографирования России и Северного Причерноморья XVIII века.

Во второй части документа Бертъе-Делагард приводит список изобразительных материалов (42 ед.): портреты полководцев, государственных деятелей, известных политиков. Все эти личности связаны с историей Крыма периода XVIII века: Потемкин, Екатерина II, Суворов, Шагин Гирей и др. Некоторые изображения передают различные виды Крыма, тему, связанную с путешествием Екатерины II в Крым, сцены и костюмы крымских жителей. Как мы видим, ученый планировал более подробно проиллюстрировать историю картографирования Крыма и Юга России XVIII века не только картами, но и различными изображениями, относящимися к истории этого времени.

К третьей части можно отнести тезисы предполагаемого доклада, которые частично развернуты в начале и достаточно схематичны во второй половине. Черновик доклада не завершен. Неохваченным остался XVIII век.

Автор начинает свое изложение со времен древних греков и ставит здесь вопрос о том, с какого времени они достаточно знали Черное море и берега Тавриды. Рассуждая, приходит к выводу, что «южные берега были известны Гомеру в IX веке <...> в VI веке греки достаточно знали полуостров, но, тем не менее, Геродот в V веке не знает полуостровности Тавриды, считая ее мысом». Современные исследования дают нам картину развития картографии античного мира по следующей схеме. Первый период не научный – философский, когда картографией реально занимались не геометры (землемеры), а философы. Их интересовала природа Земли, которую они представляли по-разному: как плавающий в море диск или как шар. Подобная академическая деятельность вызывала насмешки моряков и путешествующих ученых вроде Геродота. Научный подход в картографии начинается на втором этапе, вместе с деятельностью в IV–II вв. до н. э. Дикеарха, Эратосфена, Гиппарха. С этих ученых автор начинает свой рассказ о развитии европейской картографии. Эти ученые дали миру понятие о широте и долготе. На следующей ступени истории науки вырастают другие две фигуры: Марин из Тира и Птолемей из Александрии I–II вв. н. э. Бертъе-Делагард именно Птолемею приписывает первенство теории проекции, хотя этот момент в современной историографии спорный [1, с. 26]. Далее Александр Львович характеризует римскую цивилизацию, ее отдельные особенности: «римляне были мастера по дорогам, в этом видели основу владения другими странами». Автор обозначил в своем рассказе самую известную и на сегодняшний день карту римского периода – Пейтингера-Кастория VI века. Римлян, в отличие от греков, мало интересовали достоинства той или иной проекции, система координат. Их интересовали практические вопросы, связанные с расстоянием между пунктами, точное описание военных и торговых путей. Таким характеристикам отвечала карта Пейтингера-Кастория [1, с. 33–34]. Следуя далее, автор выделяет период некоего хаоса в картографировании Тавриды. Он охватывает «время активной смены народов в средиземноморском и черноморском регионах, вплоть до эпохи крестовых походов». Это было время, «когда карта создавалась на основе легенд, а не реальных наблюдений <...> Крестовые походы пробудили любовь к плаваниям, более свободной торговле <...> Морские общины (Венеция, Генуя, Пиза) освободились от власти Византии, стали конкурировать друг с другом, явились извозчиками для крестовых походов <...>». Завоевание Константинополя крестоносцами в 1204 г. ученый назвал «открытием Черного моря». С XIII века, как отмечает далее Александр Львович, «в картографической науке наметилось необычайное событие: появление компаса». Как известно, в классические времена обычным

навигационным руководством были периплы, или «прибрежные лоции», в которых содержались описания путешествий и указания шкиперу. Их следует рассматривать как текстовые описания путешествия, здесь обычно приводились описания берегов и гаваней, расстояние между портами, упоминались страны, лежащие далеко от побережья. Иногда периплы вмещали в себя руководство по навигации: сведения о рифах и скалах, о приливах, силе прилива, направлениях ветра в течение года [1, с. 60–63]. Бертье-Делагард отмечает в своем черновике, что плавание в Черном море долгий период времени «от Митридата и до самых последних времен» были вдоль побережья. С распространением компаса старые периплы сменились средневековыми портоланами – особыми руководствами по навигации от порта к порту или даже по пересечению открытого морского пространства. Эти новые карты стали известны также и как компасные или румбовые. Наиболее характерной чертой подобных карт является сетка румбовых линий, позволяющая штурману прокладывать курс от одной гавани к другой [1, с. 65–66]. Ученый правильно отметил особенности новых карт: «способ их черчения очень сложен и большая верность берегов, грубость и сокращенность внутри (континента)». Далее Бертье-Делагард очень схематично, отдельными словами и словосочетаниями приводит исторические обстоятельства развития картографических представлений о нашем регионе: «<...> взятие Константинополя, греки в Италии, уния, переводы, ренессанс, открытие пути в Индию и Америку, перевод Птолемея, взятие турками проливов, взятие Крыма <...>». Особо останавливается на наследии Птолемея: «восторг ученых и злобредность его влияния, борьба двух направлений, только при нас закончившаяся». Эти два направления в европейской картографии исследователь обозначил, характеризуя в свое время картографический стенд Выставки Крымского горного клуба. Заканчивается черновик доклада упоминанием имен «редких путешественников к монголам»: Рубрук, Джовани да Лука, Д'Асколи, Броневский. В последнем предложении идет перечисление: «Меркатор XVI–XVIII, Петр, Миних, Екатерина».

Для доклада Бертье-Делагард отобрал ряд карт (88 ед.) из своей коллекции. Из наличия двух списков карт мы можем заключить, что ученый также планировал исследовать отдельно и подробно развитие картографии Юга России в XVIII веке. Но размышления исследователя по этой теме на сегодняшний день оказались нам не доступны.

Вывод: подводя итог сказанному, отметим, что в круг научных интересов ученого входила и тема по истории картографии Крыма и Юга России, она охватывала временной промежуток от Гомера, IX в. до н. э. и до конца XVIII века – времени появления точных инструментов картографических работ. Александр Львович начинал деятельность в этом направлении со сбора кол-

лекции. Очевидна уникальность его коллекции (численности карт – около 700 ед., уникальные экземпляры, тематическая подборка). Активно пополняя свое собрание, исследователь попутно изучает различные картографические коллекции, близкие по теме к истории картографии Крыма. Систематизирует их, выявляет ценные экземпляры. Работает как популяризатор (создание стенда на Выставке Крымского горного клуба). Постепенно изучая картографический материал, Александр Львович приходит к необходимости серьезного научного исследования по истории картографии Крыма. И это закономерно, имея на руках ценный документальный источник, такой как карта. Таким серьезным исследованием стал доклад, зачитанный Александром Львовичем в Ялтинском техническом обществе. Нам удалось обнаружить подготовительные материалы к этому докладу в фондах Центрального музея Тавриды. К сожалению, они обрывочны и отсутствует часть тезисов. Но, тем не менее, они позволяют восстановить некоторые основные мысли исследователя по интересующей нас теме. В черновике можно отследить основные этапы истории картографирования Северного Причерноморья (донаучный греческий период, непосредственно научный греческий, этап римской картографии, легенды и сказки средних веков, ренессанс культуры и науки, возврат к античности и преклонение перед ней, с этого момента две школы в картографии, вплоть до конца XVIII века, времени появления точных инструментальных работ). Ученый рассматривает историю картографирования Северного Причерноморья в русле развития картографирования Европейского региона. Исследуя материалы черновика, можно выявить основные обстоятельства и факторы, повлиявшие на развитие картографических представлений о Юго-Восточной Европе. Ученый считал, что на развитие картографических знаний и представлений в значительной мере могут влиять исторические обстоятельства, наряду с достижениями в области науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Багров Л.* История картографии. М., 2004. 386 с.
2. [*Бертъе-Делагард А. Л.*] Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1888. 359 с.
3. *Бертъе-Делагард А. Л.* Сообщение о виденных в Петербурге нумизматических коллекциях и о картографических документах архива Главного штаба // ЗООИД. 1896. Т. 19.
4. Географические отрывки из далекого и близкого прошлого Тавриды, Южного берега и Ялты с краткими пояснениями // Архив Бертъе-Делагарда А. Л. Хранится в фондах ГБУ РК «Центральный музей Тавриды». Оп. 5. Д. 54.
5. Записки Крымского горного клуба. 1895. № 2.

6. Известия Ялтинского технического общества. Вып. 1. Ялта, 1909.
7. Каталог Крымской выставки, устроенной Крымским горным клубом в октябре 1893 г. Одесса, 1893. 23 с.
8. *Непомятый А. А.* Подвижники крымоведения. Симферополь: СГТ, 2006. 354 с.

Сведения об авторе: Королева Лариса Иосифовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); koroleva.klarisa@list.ru

Alexander L. Bertier-Delagard – a cartographer

Larisa Koroleva

(SBEEHE RC “Crimean Engineering and Pedagogical University”)

Abstract. On the basis of documentary materials from the funds of the Central Museum of Tavrida, this study is intended to highlight the activities of the famous Crimean scientist Alexander L. Bertier-Delagard on the history of mapping of the Crimea and southern Russia. This topic has not been covered in historiography by anyone, although the heritage of a scientist in various areas of history and culture is actively and fruitfully studied today. In addition, the topic on the history of cartography of the Crimean peninsula itself is little developed today, and Bertier Delagard was one of the first to develop this topic. The activity of a scientist in this direction is studied in two directions: first of all, Berthier-Delagard is considered as the largest collector of maps of the Crimean peninsula and southern Russia in the early 20th century. Secondly, the scientific developments of the scientist on the topic of the history of mapping the Crimean peninsula from Homer’s times to the 18th century are being reconstructed. The uniqueness of his personal collection of cards is obvious (the number is about 700 units, unique copies, and thematic selection). A serious study on the topic was a report read out by Alexander L. Bertier-Delagard in Yalta Technical Society. The preparatory materials for this report are kept in the collections of the Central Museum of Tavrida. The draft provides the scientist with an idea of the main stages in the history of mapping the Northern Black Sea region, a characteristic of the stages, and the history of the mapping of the Northern Black Sea region as part of the development of mapping in the European region.

Keywords: the history of mapping of the Crimean peninsula, the South of Russia, the Black Sea in the ancient period, the Middle Ages and the new time;

Alexander L. Bertier-Delagard – a cartographer, card collector; a collection of maps of the Crimea and southern Russia of the pre-revolutionary period in the funds of the Central Museum of Tavrida.

For citation: Koroleva L. I. Alexander L. Bertier-Delagard – a cartographer Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.8-17. DOI: 10.22378/kio.2019.1.8-17

REFERENCES

1. Bagrov L. *Istoriya kartografii* [History of cartography]. M., 2004. 386 p.
2. [Alexander L. Bertier-Delagard] *Katalog kart, planov, chertezhej, risunkov, hranyashchihsya v muzee imperatorskogo Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej* [Catalog of maps, plans, drawings, stored in the Museum of the Imperial Odessa society of history and antiquities]. Odessa, 1888. 359 p.
3. Alexander L. Bertier-Delagard. *Soobshchenie o vidennyh v Peterburge numizmaticheskikh kollekciyah i o kartograficheskikh dokumentah arhiva Glavnogo shtaba* [Report on numismatic collections seen in St. Petersburg and on cartographic documents of the archive of the General staff] *ZOOID* [Notes of the Odessa Society of history and antiquities]. 1896. T. 19.
4. *Geograficheskie otryvki iz dalekogo i blizkogo proshlogo Tavridy, yuzhnogo berega i Yalty s kratkimi poyasneniyami* [The geographical passages of the distant and near past of Tauris, the South coast and Yalta with brief explanations] Stored in the funds of the State Budgetary Institution of the Republic of Crimea “Central Museum of Taurida”. Inventory 5. Case 54.
5. *Zapiski Krymskogo gornogo kluba* [Notes of the Crimean mountain club]. 1895. No 2.
6. *Izvestiya Yaltinskogo tekhnicheskogo obshchestva* [News of Yalta technical society]. Vyp. 1. Yalta, 1909.
7. *Catalog of the Crimean exhibition, organized by the Crimean Mountain Club in October 1893*. Odessa, 1893. 23 p.
8. Nepomnyashchij A. A. *Podvizhniki krymovedeniya* [Devotees of the Crimean studies]. Simferopol’: SGT, 2006. 354 p.

About the author: Larisa Iosifovna Koroleva – Cand. Sci. (history), associate professor of the Chair of History, SBEEHE RC “Crimean Engineering and Pedagogical University” (295015, Uchebnyy lane, 8, Simferopol, Crimea, Russian Federation); koroleva.klarisa@list.ru

Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории. (Brian Glyn Williams)

Лейля Сейтхалилова

*(Крымский научный центр Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ)*

Аннотация. Данная статья представляет собой перевод с английского языка научной работы профессора истории ислама, кафедры истории Университета Массачусетса в Дартмуте (США), Брайан Глин Вильямса. Перевод сделан по научной работе: "The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation" («Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории»). Источник: Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series, Vol. 11, № 3 (Nov., 2001), pp. 329–348. В статье рассматривается вопрос этногенеза крымских татар, природа их общественной идентичности и социально-экономических условий деятельности. На основе всего изложенного автор приходит к выводу о необходимости пересмотра основательно не изученной истории крымских татар.

Ключевые слова: этногенез, крымские татары, Крымское ханство, земледелие, садоводство, ремёсла, реинтерпретация, общественная идентичность.

Для цитирования: Сейтхалилова Л. С. Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории. (Brian Glyn Williams) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 18-44. DOI: 10.22378/kio.2019.1.18-44

С распадом коммунизма в Восточной Европе Запад предстал перед фактом существования в этом регионе нескольких малопонятных мусульманских этнических групп, спорная историография которых прослеживается в Османской империи и ещё глубже в глубинах истории. Находившиеся вне поля зрения этнические группы, такие как болгарские турки-босняки, помаки, косовары, чеченцы и крымские татары, стали объектом пристального внимания как со стороны западных учёных, так и со стороны общественности. Огромный интерес обращён к вопросу идентичности этих мусульманских общин и их формированию, как к определённым этническим группам.

История формирования этих этнических групп во многих случаях являлась спорной теорией, так как власти Болгарии, например, пытались в 1980-х доказать, что болгарские турки на самом деле были «отуреченными болгарями» правительство Греции пыталось продемонстрировать, что помаки (славянские мусульмане) были на самом деле греками, принявшими ислам (исламизированными греками), а босняки своими сербскими националистическими недругами назывались «тюрками», вопреки своему славянскому происхождению.

Такого же рода дебаты велись вокруг идентичности одной из наименее исследованных мусульманских этнических групп Европы – крымских татар. В то время как крымские татары (которые были тотально высланы Сталиным со своей родины с 1944 по 1989 год) позиционировали себя коренным народом своей обожаемой полуостровной Родины, имея корни, которые прослеживались в ещё домонгольский период, в западных и советских источниках их представляли как «монгольских завоевателей» XIII века.

В своей работе, озаглавленной «Очерки по истории Крыма», П. Н. Надинский заявляет, что «Крым был превращён в грабительское логово под крылом турецкого императора» [1].

Затем Надинский продолжает лукаво опровергать притязания крымских татар на законную государственность и цивилизованную социально-экономическую активность. Согласно Надинскому: «Крымские татары стали приобщаться к мирной экономической деятельности неохотно и в очень небольшом количестве. Большинство же из них занималось бесконечными войнами и набегами с целью грабежа и получения прибыли» [2].

Большую часть своей истории крымские татары были, и как мусульмане, и как кочевники, представлены «иными» в христианской Европе, как ужасающие монгольские кочевники Чингисхана и как вторгающиеся армии османского султана, с которым крымские татары были союзниками. Совсем немного усилий было потрачено, чтобы критически проанализировать подобного рода представления о крымских татарах и дать реинтерпретацию истории народа, который до сих пор изображался как кочевые мародёры и постоянная угроза восточно-европейской аграрной цивилизации.

Происхождение. Древние народы Южного Крыма

Можно оспаривать то, что крымские татары являются древнейшей тюркской этнической группой Европы, но этот народ не смог проявить свою современную национальную идентичность вплоть до советского периода. Как часть обширной политики построения нации среди этнонациональных групп в течение 1920–1930-х годов в СССР, Советы построили практически однородную крымскотатарскую общность, которая вскоре займёт своё место в социалистической «дружбе народов». В этот период был организован кирил-

лический алфавит для крымских татар. Крымскотатарская культура (вернее, советизированная версия крымскотатарской культуры) обеспечивалась в Крымской АССР, и географические, лингвистические и этнические различия, которые на полуострове издавна разделяли несколько крымскотатарских субэтносов, начали постепенно распадаться. Этот гомогенный процесс был усилен депортацией всего крымскотатарского народа в Среднюю Азию в 1944 году. Рассредоточение крымскотатарского народа на таком отдалённом расстоянии привело к разрыву многих устоявшихся в регионах обычаев, диалектов и табу, которые когда-то разделяли этот гетерогенный народ у себя на родине. Данный факт очень хорошо просматривается в современном гибридном (смешанном) языке крымских татар, он представляет собой смесь ранее отчётливых диалектов Северного и Южного Крыма, который известен как «язык средней полосы» – *Orta Yol*.

В то время как современные крымские татары стали сравнительно гомогенны в результате опыта, полученного в период Советской власти, они явно имеют комплекс этноистории и были веками отдельными народами. Нигде эта сложная структура не видна так отчётливо, как в крымскотатарском языке, который содержит элементы и огузского, и кипчакского вариантов тюркского языка (*Oghuz Turkic* и *Kipçak Turkic*). Традиционно крымские татары северных степей Крыма известны как *Nogais* или *Çöl Halqi* – «ногаи» или «степной народ» (*the steppe People*), говорили на чисто кипчаком языке, известном как ногайский, который близко родствен казахскому языку. Те, которые жили в центральном регионе, говорили на гибридном, смешанном языке, в который входил меланж лексики из кипчак-тюркского и огуз-тюркского языков. Крымские татары, проживающие на скалистой поверхности Южного берега Крыма, говорили на языке, известном как *Qrim Tatar* – крымскотатарский, который был чисто огузским и относился к *Osmanli* (*Ottoman* – османский) [3].

Причина такого сложного положения кроется в уникальной географии Крыма и сложной истории заселения полуострова. Две трети северной территории Крымского полуострова является продолжением Евразийской степи, и кочевые группы, мигрирующие с востока, такие как скифы, сарматы, гунны, хазары, печенег, кипчаки (**половцы** в русских источниках и **куманы** (*Cumans*) в венгерских источниках) и монголы, обнаружили, что эти места являются прекрасными пастбищами для их стад. Крымская равнина простирается в южном направлении, однако на её пути встречаются предгорья и горы, и вследствие этого регион является менее гостеприимным для пасторального образа жизни кочевников. Для степных пастухов, обожающих широкие открытые пространства Евразийской степи, долины и зубчатые ущелья южной горной цепи, составляющие треть Крымского полуострова, явно представляли препятствия во время пути их следования.

Как и в Кавказских горах, жители высокогорного региона мудро избегали открытых столкновений с могущественными степными наездниками и предпочитали обороняться за крепостными валами горных крепостей. Роль Крымских гор в истории Крыма, таким образом, можно сравнить с регионом горной цепи Кавказа, который был описан как «заповедник народов». Мириады древних племён или этнических групп искали прибежища в недоступных долинах высокогорных цитаделей горных гряд Кавказа, а в некоторых регионах Кавказа в каждой долине проживали различные этнолингвистические группы. В большей части своей истории такая ситуация доминировала и в Крыму. Путешественник, который в тринадцатом веке посетил Крым, монах Уильям Рубрук (Friar William of Rubruck) так писал об этом регионе: «Вдоль морского побережья расположены высокие мысы, начиная от Херсона (Западный Крым) и до устья реки Танаис (Дон), и между Херсоном и Солдайей (Судаком) расположены «Сорок поселений», почти каждое из которых имеет свой собственный диалект: в состав населения входит много готов, язык которых – немецкий» [4].

В то же время этот источник может иметь в виду и горную крепость, известную в татарском как *Kirk Yer* («Сорок мест, посёлков»), его описание лингвистического многообразия этой местности может быть поистине интернациональным. Большая часть такого разнообразия происходит из факта, что в поиске лучших пастбищ кочевые племена были вынуждены бежать в южные крымские горы, преследуемые более сильными кочевыми группами. Те, которые бежали в горы, как, например, иранские скифы, часто смешивались с более ранними поселенцами этого региона. Как и многие будущие кочевые союзы, скифы были разгромлены сарматами, более могущественной кочевой группой, пробивающейся на запад в поисках пастбищ. Иранские сарматы были, в свою очередь, разгромлены германскими готами, которые сами потом были обращены в бегство, казалось бы, непобедимыми гуннами. Как часто происходило в кровавых сражениях за территории на равнинах окраины Европы, гунны отодвинули разгромленные племена готов далее на запад, где они прорвали ослабленную оборону Римской империи и разгромили Римскую державу на западе. Разрозненные остатки остроготов (Ostrogoths, Eastern Goths – восточные готы), однако, мигрировали южнее, в горы Крыма, там они смешались с остатками других скифских и сарматских племён (наиболее вероятно, сарматские племена, известные как аланы), поселившиеся в этом регионе после того, как их самих вытеснили из степи [5].

Из своих горных цитаделей, таких как Мангуп в Юго-Западном Крыму, крымские готы доминировали в Южном Крыму, земле, которая тысячелетие назад, по современным западным источникам, была известна как *Gothia Maritima* (*Готия Морская*). В то время как хозяева крымских равнин менялись с бешеной скоростью (вслед за гуннами последовала тюркская феде-

рация, такая как кок-тюрки, хазары, чёрные булгары и, наконец, кыпчаки), присутствие готов в Крымских горах оставалось неизменным. Только когда тюрко-кыпчакские кочевники приобрели контроль над Крымской равниной в 1000-х годах, ситуация в западной степи, с тех пор известной как **Дешт-и-Кипчак** (*Desht-i-Kipçak*), стабилизировалась.

Народы крымского Южного побережья.

Греки, итальянцы и армяне

Как бы ни были могущественны хозяева Крымских равнин, тюрко-кыпчакские кочевники оказали очень мало культурного влияния на горных готов, которые были более глубоко задеты процессами, происходящими на Южном побережье Крыма. Доминирующее влияние в регионе имели греки, которые контролировали эту тёплую южную территорию, известную грекам как «*Climata*» ещё со времён Гомера. Греки-мореплаватели появились на Северном побережье «*Pontus*» (греч. «Чёрное море»), включая и Южный берег Крыма, в VI веке до нашей эры как колонисты [6].

Веками греческие поселенцы оказывали культурное и социальное влияние на своих горных соседей – «варваров», таких как тавры и киммерийцы (о которых мы знаем очень мало), скифов, сарматов и, наконец, готов.

Начиная с VI века и далее правители ортодоксального (православного) христианства византийских греков получили контроль над Южным побережьем, и греческий язык, который был так переплетён с восточными ортодоксальными ритуалами, начал распространяться среди готов прилежащих гор. Многие ставшие греками православные готы фактически оказались под контролем Византии, когда византийский император – экспансионист Юстиниан (Justinian, 527–565) и его преемники построили крепости на побережье таких городов, как Алустон (современная Алушта), Горзувита (Гурзуф), Боспор (Керчь), Херсон (окрестность Балаклавы), чтобы усилить контроль над этим стратегическим регионом.

В X веке русские язычники обосновали княжество у подножья Кавказа на Таманском полуострове, который был расположен как раз напротив Крыма через узкий Керченский пролив. Из этого княжества, известного как Тмутаракань, русские более века оказывали значительное влияние на Восточный Крым (Керченский полуостров) [7].

Влияние, однако, не было односторонним. После подавления бунта в византийской Анатолии великий русский князь был обращён в православное христианство в крымском городе Херсоне, после того как женился на дочери императора Василия II в 988 году. Крымский полуостров с тех пор имел большое историческое значение для русских христиан, которые следовали пути своего правителя по принятию восточного обряда.

В то время как вопрос о влиянии славян на культуру и облик Крыма в средние века является весьма спорным, влияние греческого присутствия на облик крымского полуострова неоспоримо. В течение этого периода Южное побережье полуострова было густо населено греками из Анатолии, которые искали религиозную и политическую свободу (особенно в период иконоборческого движения) [8].

Включение Крыма на карте X века в состав Киевской Руси было бы введением в заблуждение, крымское побережье большую часть раннего средневековья было неотъемлемой частью византийского греческого мира. Города, такие как Херсонес, фактически прямо управлялись из Константинополя как провинцией [9].

Византийско-греческое влияние на южные территории Крыма оставалось неизменным уже половину тысячелетия, когда пограничные солдаты построили свои ряды против языческих соседей.

Погребальный звон для византийского политического влияния прозвучал фактически не со стороны беспокойных языческих племён территории Понты (Ponti), а со стороны своих же собратьев – христиан из земель католического Запада. В 1204 году западные крестоносцы в ходе сражения с неверными Святой земли обратили свои усилия на более выгодную задачу грабежа столицы восточных – православных «еретиков», на Константинополь. С распадом византийского влияния на Южный Крым западные купцы из республики Венеция и Коммуны Генуи начали состязаться за право контроля над доходной возможностью торговли на Чёрном море [10].

Находясь в разное время в союзе с обоими латинскими правителями, завоёванной столицы – Константинополя и византийским императором, который искал возможность восстановить контроль над прежней столицей, итальянские торговые империи постепенно приобрели контроль над могущественным византийским транзитом торговли на берегах Чёрного моря [11].

Из-за стен городов-крепостей, таких как венецианский порт Судак, генуэзский порт Каффа (современная Феодосия), Лупико (современная Алушта), Чембало (Балаклава), враждующие итальянцы правили греческим прибрежным населением Крыма и достигли процветающих торговых отношений с племенами отдалённых районов акватории Чёрного моря [12].

Более двух сотен лет генуэзцы (со временем получившие преимущество в этом регионе) и их более слабые венецианские соперники поддерживали нестабильную власть над одной из первых в мире колониальных империй, они оба воевали и торговали с соседними православными готами и кочевыми племенами кыпчаков внутренних равнин Крыма [13].

Первоначально эта власть не подвергалась угрозе, когда монголы захватили власть над кыпчаками северных равнин. В 1230-х годах монгольские

армии Бату-хана (которые по этническому составу в большей части были тюркскими) прокатились в северном направлении и поглотили более древние племена кыпчаков Южной Украины и севера Крымской равнины. Когда монгольская правящая верхушка начала вступать в смешанные браки с доминирующим тюрко-кыпчакским элементом и приняла ислам, этому кочевому племени был дан этноним *татары* (до сих пор не известно, как название потерпевшего поражение монгольского племени – *татары* – в те времена достигло западных степей).

К середине 1300-х годов исламизированные, говорящие на кыпчак-тюркском языке степные кочевники завершили свой этногенез, и татарские ханства, управляемые потомками Чингисхана, сформировались в Астрахани, в Казани на Волге и в Крыму к середине 1400-х годов.

Несмотря на случайные, вспыхивавшие время от времени стычки кыпчаков с татарскими кочевниками, итальянцы Крыма более двухсот лет управляли многоязычным населением греческих фермеров, греко-готских горных пастухов и достаточно большим армянским населением. С распадом армянского царства в восточной Анатолии, во время нападения тюрков-сельджуков в XI веке, армянские мигранты начали прибывать на берега Крымского полуострова в поисках пристанища [14].

К 1400-м годам две трети великого генуэзского центра торговли переместились на южные берега Крыма, например, в Каффе были армяне, и Крымский полуостров в различных источниках того времени именовался как «Армения морская», или «Армения Магна» [15].

Армянские переселенцы в Крыму строили монастыри, обрабатывали землю и в этом процессе стали важным этническим компонентом Южного берега Крыма.

Подъём Татаро-Османского альянса (союза)

Modus vivendi между правящими прибрежными итальянцами и татарами с равнин, которые постепенно приобретали власть над соседними горными регионами, начал распадаться в начале пятнадцатого века. К 1400-м годам государство татар, известное как Золотая Орда, правящее землями к северу от итальянского побережья, потеряло свою сплочённость, в то время как большие татарские кланы стали воевать за доминирование в этом и других периферийных регионах, таких как Крымский полуостров. К 1430 году могущественные крымскотатарские «кланы» Крыма, особенно Барыны, Аргыны, Ширины и кыпчакские племена, начали замышлять отделение от приходящей в упадок Золотой Орды. Однако, чтобы усилить своё влияние, *бейи* (главы рода) этих кланов Крыма осознали необходимость пригласить править ими *ak söyük* («белая кость»), т. е. происходящего из королевского

рода Чингисхана. Таким образом, приглашение править Крымским юртом было сделано претенденту, потерпевшему поражение в притязаниях на трон Золотой Орды и живущему в Литве, – Гераю (1443–1460) [16].

Хаджи Герай хан искал возможность приобретения контроля над могущественными поселениями генуэзцев, чтобы усилить положение нового государства *vis-à-vis* к Золотой Орде. Особенно он хотел использовать мощь генуэзского порта Каффа, имея целью приманить в своё государство мощные кочевые племена из степной части Крыма (к XIV веку это были кочевые племена, известные как *ногаи*). Для крымских татар стены Каффы, однако, представляли непреодолимое препятствие, т. к. у татар не было осадных технологий, чтобы пробить грозную оборону итальянцев.

Итальянцы, упорно держась за свои колонии, пытались одновременно играть с одной из политических партий татар против другой во время частых гражданских войн среди населения. Во время одного из таких конфликтов, после безвременной смерти Хаджи Герай хана, некая партия попросила помощь у Османской империи (которая в это время быстро расширяла своё влияние на христианских Балканах) против назойливых генуэзцев. Было вполне естественно, что тюрко-мусульманские татары Крыма обратились к самой могущественной военной державе в Восточной Европе того времени, восходящей империи мусульман, османским туркам за помощью в своей внутренней борьбе со всё ещё сильными итальянцами. Правящий османский султан Фетих Мехмет (Мехмет II «Завоеватель») показал мощь нового османского артиллерийского корпуса при завоевании Константинополя в 1453 году, амбициозный султан горел желанием использовать свои устрашающие бомбардировщики против остатков христианского правления в регионе Чёрного моря. В 1475 году сам оттоманский садразам (великий везирь) Гедик Ахмед Паша отплыл с флотом в три тысячи вёсел в Крым, чтобы искоренить последнюю точку опоры упрямых итальянских колонистов в северной части Чёрного моря и вмешаться в борьбу за право престолонаследия между несколькими сыновьями Хаджи Герай хана. После высадки на берег Крыма с помощью татар Гедик Ахмед не стал терять много времени, чтобы атаковать христианские прибрежные крепости. Одна за другой пали устаревшие оборонительные сооружения итальянских городов под яростной атакой новых, мощных пушек великого везира. Большая часть генуэзского правящего класса была насильственно переправлена в Стамбул, но многие сбежали в земли крымского хана, который провёл большую часть жизни в Каффе [17].

После завоевания генуэзских крепостей и высылки итальянских правящих классов турецкие захватчики присоединили завоёванные земли на Южном побережье (и другие стратегические места на Восточном побережье Крыма, такие как крепость Ени-Кале и Керчь) к Османской империи. Находящееся

в эмбрионном состоянии Крымское ханство династии Гераев с тех пор стало делить Крым с новым могущественным соседом – Османской империей.

В юго-западных горах Крыма греко-готская династия, давно правящая за стенами горного плато города Мангуп, не имела защиты против пушек султана, и этот последний остаток древних остроготов пал перед могущественным османским завоевателем в 1478 году. За короткий промежуток времени зелёное знамя ислама стало развеиваться над всем Крымским полуостровом, когда союзники татары и турки приобрели власть над Южным берегом, южными горами и северными равнинами полуострова. Османский летописец записал это событие таким образом: «От имени султанов молитва ислама была прочитана (на Мангупе), чтобы жилище неверных стало жилищем ислама» [18].

Впервые за всё зарегистрированное в истории время чувство политического объединения стало превалирующим на разрозненных землях Крымского полуострова в то время, когда доминирующие турки-мусульмане распространили власть над северными равнинами, горами и Южным побережьем.

Татаризация древних крымских рас

Параллельные процессы тюркизации и исламизации этнически разнообразного населения Крыма, которые начались столетиями ранее, ускорились с установлением тюрко-татарского правления на этой прежде разъединённой земле. Греки, армяне и турецкие завоеватели побережья – горные готы, кыпчак-татары с равнин – вскоре начали процесс слияния и адаптации к исламу, и это привело к формированию крымскотатарского этноса. Как и в завоёванных османских провинциях, населённых балканскими христианами, такими как сербы и болгары, незначительное влияние было оказано на христианское население Крыма: армян, греков, греко-готов, чтобы обратить их в ислам. В последующие века, однако, целые деревни в Крымских горах и османских прибрежных провинциях по ряду причин приняли ислам. В своём обзоре демографии Османской прибрежной провинции, которая была установлена на Южном побережье, находящейся под протекторатом Крыма, Алан Фишер пишет: «Так как не существует указания на тенденцию насильственного обращения (фактически в XVI веке Османы выявили отсутствие необходимости насильственного привлечения в ислам, поскольку мусульмане платили более лёгкие налоги, чем немусульмане), можно предположить, что совместный экономический и социальный фактор сделал обращение в ислам более привлекательным» [19].

Как было упомянуто ранее, греческие религиозные инакомыслящие из Анатолии ещё ранее мигрировали на Крымское побережье, чтобы избежать религиозное преследование в Анатолии (особенно в период иконоборства).

Инакомыслящие могли принять ислам по той же причине, по которой боснийские еретики богомилы (Bosnian Bogomil heretics) обратились в ислам и в тот же период, чтобы избежать притеснений со стороны своих религиозных собратьев – христиан.

Османские дефтеры (*defters* – бюрократические, чиновничьи записи) указывают на увеличение мусульманского населения Крыма в течение XVI века. Согласно Джайлсу Вайнштейну (Giles Veinstein), процент мусульман в санджаке Кефе (то есть, турецкая прибрежная провинция Каффы, известная по турецкому названию Кефе) увеличился с двадцати процентов до сорока семи с начала управления османского султана Селима I и до его последователя (наследника) Сулеймана (первая пол. XVI века) [20].

Увеличение мусульманского населения побережья частично отображает миграцию мусульман из Анатолии в новую провинцию Османской империи (процесс, который действительно начался в эпоху сельджуков), но это также указывает и на рост обращения в ислам местного греческого и армянского населения Османской прибрежной провинции [21].

Количество армян, обращённых и записанных как «сыновья Абдуллы» (*Абдуллах* означает слугу или обращённого в веру Аллаха), было особенно отмечено в этот период [22].

Этот процесс сравнивался с более ранним обращением в ислам греко-готов в Крымских горах, которые обратились в ислам и стали «татарами», когда татары начали селиться в Крымском нагорье. В своём рассказе о крымских готах А. Васильев пишет: «К концу XIII века многие народы Крыма, включая готов, татаризировались». Историк продолжает констатировать, что ещё в середине тринадцатого века «готы так татаризировались, что их нельзя было отличить от татар» [23].

Ко времени завоевания Османами в 1475 году цитадели готов на Мангупе многие ранее православные горные готы сменили свою этничность, вступив в этнорелигиозную общину татар. Таким образом, последние следы готов исчезли, перейдя в создание нового крымского народа, исповедующего ислам, который сформировался в период Крымского ханства.

«Таты» Крыма

В конце XIX – нач. XX века немецкие историки и националисты (среди них и Адольф Гитлер) заново открыли утерянную историю своих предков – готов и обнаружили этих своих потомков живущими среди татар. Немецкий источник от 1806 года отмечает, что крымские татары, проживающие в горном регионе, были уверены в своём христианском происхождении [24].

Русский путешественник XIX века в регион юго-западных гор, где проживали готы, был уверен, что «по все вероятности, их (готов) потомками яв-

ляются татары в ряде деревень Крыма, которые резко отличаются от жителей соседних деревень высоким ростом и другими чертами, характерными для скандинавов»[25].

Более недавние исследования, такие как труды Мишеля Казанского о готах, подчёркивают, что «по всей вероятности, остатки крымских готов сохранились в «тюркской» основе татарского населения» [26].

Достаточно интересно, что современные крымские татары видят себя как потомков «черкесов, готов, древних греков, итальянцев и армян» и не идентифицируют себя с монголами [27].

Вполне вероятно, что горные готы фактически приняли ислам и стали «татарами», хотя как мусульмане-единоверцы они были достаточно постепенно приняты кыпчак-татарским кочевым населением степи в свои ряды.

Ганс Шильтбергер (Hans Schiltberger), раб из Баварии, который посетил этот регион в 1396 году, утверждает, что татары прилегающих равнин использовали насмешливый термин «тат» (*Tadd*) при описании своих соседей по побережью, которые приняли ислам [28].

По П. Бруну (P. Brunn), термин «тат» означал религиозный «отступник, ренегат» или «завоёванная раса» на местном тюркском диалекте, и крымские татары применяли насмешливый термин *Tadd* к татарам Южного побережья, потому что не считали их чистого происхождения, вследствие связи их предков с греками и гунуэзцами [29].

Термин имеет тот же корень, что и пренебрежительный этноним «тат», использовавшийся тюрками Кавказа при описании ранее не тюркского населения данного региона, как, например, еврейские горные таты (*Jewish Mountain Tats*). Этот термин появился также и в Средней Азии и использовался кочевыми тюрками по отношению к неоседлым иранцам этого региона (т. е. таджикам). В своём анализе предков крымских татов Эдмонд Шутс (*Edmond Schuts*) пишет: «Антропологическая разница между татарами и татами совершенно очевидна, истинные татары – круглолицые, низкого роста и смуглые, среди татов же преобладают два типа: наиболее характерные черты многих из них – это высокий рост, светлые волосы и голубые глаза» [30].

Этот же источник указывает, что наличие кавказских черт среди татар, которые ошибочно стереотипированы как монголоидные, лежит в истории этой субгруппы. Факты специфических антропологических черт, которые резко отличают их от татарского населения, могут быть найдены в более ранней истории Крыма. В свете до сих пор обнаруженных и описанных исторических и географических открытий таты из Байдар и Айселя (*Baidar and Icel Tats*) могут быть классифицированы как этническое смешение населения древних готов и аланов, которые приняли язык правящего класса татарских племён. Это заключение решает проблему скандинавских и иранских особенностей черт характера и внешности татов [31].

Советский археолог и этнограф Б. Куфтин замечает, что с тюркизацией и исламизацией «греков-аборигенов», «греков-готов» и «части армян» культурные и лингвистические различия между этими народами и татарами сократились [32].

В данном процессе эти древние народы начали амальгамировать, и на Крымском полуострове возник отчётливо *крымский* вариант «татарской» этнической группы, который во многих отношениях отличался от татарского населения татарских ханств Казани, Астрахани и чистокровных татарских кочевников степей Украины и Северного Кавказа, известных как ногаи. Так же, как и босняки, и помаки были сформированы на Балканах, когда местные славяне в течение четырёх столетий османского правления приняли ислам (процесс, известный среди балканских христиан как «превращение в турков»), новая этничность сформировалась на земле Крыма, когда более древние греки, готы, армяне и итальянское христианское население приняли ислам и «стали татарами» [33].

Не надо, однако, заблуждаться, видя в татарах, сформировавшихся на Крымском полуострове, гомогенную этническую группу. Субэтнические различия в образе жизни, диалекте, внешности и экономической деятельности между тат-татарами побережья, гор и кыпчак-татарами равнин (к пятнадцатому веку известными как *ногаи*) оставались вплоть до XX века. В моих интервью с крымскими татарами в Крыму и Узбекистане в 1997 году несколько крымских татар мне говорили, что тат-татарам с Южного берега часто запрещали жениться или выходить замуж за ногай-татар с побережья вплоть до тотальной депортации народа в 1944 году! [34]

Светлокожие, имеющие европейскую внешность, с экономикой, основанной на горном ступенчато-террасном (step terracing) и отгонном овцеводстве, образ жизни горных тат-татар значительно отличался от кочевых ногай-татарских пастухов, которые кочевали по открытым равнинам северных степных земель Крыма. Ногаи северных крымских равнин и степей Южной Украины могли быть представлены, в отличие от татов с юга, как другой этнос. Кочевые ногаи, вероятно, приобрели свой этноним от амира Ногая, могущественного полководца татар, который играл роль создателя трона Великой Орды в 1280–1299 гг.

Название «*ногай*» (по-монгольски, «собака») относится к монгольскому тотему, а ногаи были кыпчакизированными монголами из великого клана монголов Мангыт (Mongol Mangit clan). Странствуя двумя обширными ордами, которые могли включить армии в 200 000 всадников, ногаи доминировали в кыпчакских степях от Волго-Уральского междуречья и до устья реки Дунай большую часть XV и XVI веков.

Ногайские конфедерации фактически были такими мощными, что могли разгромить и уничтожить крымского хана Мехмед Герая (1515–1523 гг.), когда его экспансия за пределами Крыма были восприняты как угроза их независимости [35].

К XVII в. ногайские орды, однако, попали под влияние со стороны буддийских джунгар монголов и вторгающихся казаков и в поисках протекции крымского хана и его мощного османского сюзерена начали входить в Крым. Таким образом, ногаи стали жизненно важным компонентом Крыма, но всё ещё продолжалась тенденция, когда тат-татары Южного берега Крыма, говорившие на более доминирующем огузском языке, смотрели на них, как правило, несколько свысока. В то время как язык прибрежных татар после завоевания Османами в 1475 году, был турецким, происходящим от огузской ветви тюркского языка, язык горных татов оставался под сильным влиянием кыпчакской ветви тюркского языка, на котором говорили ногайские кочевники крымских степей, и считался татами, живущими на побережье, грубым и неудобным. Вдобавок жители прибрежной османской провинции, сконцентрированные в провинциальной столице Кефе, адаптировали высокую османскую культуру турецкой Анатолии, когда волны тюрков поселились в этом регионе (особенно во время восстания джелали, разрушившего в XVII в. Анатолию).

Принявшие ислам жители побережья придерживались многих своих древних греческих и армянских традиций и сельскохозяйственных навыков, постепенно они стали известны горным татам и кочевым ногаям как *ялыбою таты* (*Yaliboyn* – жители побережья), термин, который отличал их от соседних групп татар. Хотя ялыбою-татары (или *ялыбою таты*) действительно содействовали развитию этнического компонента развивающейся крымскотатарской нации, они, тем не менее, подтверждали греческий, итальянский и армянский тип внешности и многое из культуры своих предков – мореплавателей, которые проживали на этих берегах ещё на рассвете истории.

Крымские татары, таким образом, могут быть рассмотрены как гетерогенная этническая группа, имеющая свои корни в глубочайшей крымской античности и притягивающая на происхождение от огромного множества более ранних этнорелигиозных групп, которые занимали разнообразные территории Крымского полуострова. В самом деле, процесс разрыва более старых географических идентичностей среди крымских татар ещё не был завершён, когда крымские татары были оторваны от своей родины в 1944 году, но основа более широкого понятия крымскотатарской групповой идентичности была заложена с исламизацией этого народа в XV–XVI веках.

Анализ культуры крымских татов

Как становится совершенно ясно, отчётливый субэтнос, известный как *таты*, возник на юге Крымских гор и на защищённом Южном побережье с XIII по XVI века. Будучи тоже мусульманами, этот субэтнос не имел ничего общего с кочевыми татарами, которые перемещались по северным равнинам

Крыма и прилегающим степным землям украинского материка. В то время как кыпчак-татарские кочевники равнин (т. е. *ногаи*) были известны своими разбоями и набегами за рабами на земли украинцев, поляков, молдаван и черкесов, оседлое население крымского южного побережья не могло быть описано как «степные волки». Вопреки факту, что не существует статистики Крымского ханства, имевшего какое-либо отношение к этому досовременному населению, становится совершенно очевидным, что редконаселённые кочевые степи Крыма содержали меньше населения, чем южнобережные горные и прибрежные районы полуострова. Южный регион описывался как «уникальная колыбель формирования коренного этноса» [36].

Крымские татары правы в своих притязаниях, что они формировались в южных горах, поскольку это были именно оседлые крымские татары, насмешливо именуемые «*таты*» гордыми кочевыми *ногай-татарами* крымских равнин, которые снабжали ханство многочисленными ремесленниками, мастеровыми, чиновниками, фермерами и, одним словом, создавали этому растянутому государству административное ядро. К. Конгоншвили (K. Kongonshvili) пишет: «Исламизация коренного населения произошла, и горно-лесные зоны полуострова стали центром формирования этноса, этноса крымских татар» [37].

Эти оседлые тат-татары готского, аланского, генуэзского, армянского, итальянского, греческого, анатолийско-турецкого и кыпчак-татарского происхождения были уверены в своей отдельной идентичности и даже были признаны самим крымским ханом как народ, отличающийся от *ногай-татар*. Обладая королевским титулом (*royal title*), крымский хан Джанибек Герай, например, заявляет: «Быть Великим Падишахом (султаном) Великой Орды, великого юрта (в смысле татарского государства), Дешт-и-Кыпчака, трона Крыма, правого и левого крыла, множества татар и многочисленных *ногаев*, *татов*, *тавгачей* (это слово среднеазиатского происхождения и в этом контексте непонятное) и горных черкесов» [38].

Среди официальных лиц крымского хана интересно отметить наличие министра ведающего делами *татов*, известного как *Tat ağası* (*Tat ağasi*), («Господин *татов*») [39].

Преобладание татарского элемента на Южном побережье было продемонстрировано фактом, что эта территория была известна как *Tat-ili* (Земля, страна *татов*) в татарских и османских источниках [40].

С течением времени различие между татарами, которые поселились в Бахчисарае, Карасубазаре, многочисленных сёлах в южных горах или на османском побережье, и всё ещё кочевыми *ногаями* крымских степей усугублялось вопреки тому, что они исповедали одну религию – ислам. Например, *ногаи* степных кланов, таких как *найманы*, *конраты*, *карлуки*, *кереиты*, *аргуны* и *кыпчаки*, продолжали сохранять свой образ жизни, в то время как

татары юга приняли образ жизни оседлых греков, армян, евреев-караимов, турок и потеряли многие свои клановые связи. В то время как ногаи сохраняли свой «истинный» степной образ жизни, исламские традиции османов создали прецедент среди оседлых крымских татар юга.

Прибрежное население османской провинции Каффа (известное как *ялыбою*, «прибрежное») попало под сильное влияние Анатолии во время османского доминирования в этом регионе (1475–1783), и было очень мало различий между обычаями и диалектом этой субгруппы с теми же турками. Прибрежный тат-татарский, анатолийско-огузский, тюркский диалекты отличались от кыпчак-тюркского диалекта степных ногаев, и этот лингвистический барьер, конечно, увеличивал разницу между двумя народами. В то время как крымские татары в целом характеризовались «как степные волки», вероятно, что именно дерзкие ногай-татары продолжали набеги на соседние земли и обеспечивали отважную кавалерию крымского хана во время его всё более ограниченных набегов на хорошо охраняемые земли русских и поляков. Ногаи современниками считались «врождёнными всадниками» как результат своего кочевого образа жизни и составляли кавалерийские силы *par excellence*, в то время как долго собирающиеся (организующиеся) таты были менее приспособлены к верховой езде и степным сражениям. Более поздние источники отмечают разницу в искусстве верховой езды тат-татар и ногаев. Согласно источнику XIX века: «Горцы неуклюжие всадники, в чём они схожи с северными татарами. Их соседи (ногаи) ездят очень смело и хорошо. У меня была возможность видеть двух ногайских мальчишек-пастухов, которые гнали своих коней галопом около Koslof (Gozleve) и проявляли сноровку и проворство, которые были действительно удивительными» [41].

Источники подчёркивают тот парадокс, что «основная масса крымских татар во время нападения состояла в большей части не из крымцев, а из обитателей причерноморских степей» [42].

Кажется, «что мирная идеология земледельцев, пастухов и пахарей должна была стать преобладающей в Крыму, и первые свидетельства этой победы стали заметны к XVII веку» [43].

В процессе заселения и смешивания с народами юга Крымских гор Вильям Макнейл (William McNeill) говорит о более «мирном» и «аристократическом» обществе, возникшем среди крымских татар, которые чувствовали соблазн оседлого земледелия [44].

В своей статье XVII века о крымских татарах Г. Н. Левицкий писал таким образом: «Крымские татары потеряли воинственные тенденции, постепенно осели на полуострове и стали привычными к оседлому образу жизни и привязались к земле» [45].

А. Андреев заявляет, что к 1700-м годам большинство жителей Крымского

полуострова были уже оседлыми с сельскохозяйственным образом жизни [46].

Ко времени завоевания Крымского ханства Российской империей Тунманн так писал о крымских татарах: «Они все оседлые и живут в домах, деревнях и городах, кроме некоторых ногаев, которые недавно перебрались в Крым. Они заняты выращиванием зерна, винограда и садоводством, хотя всё ещё не так усердно, как надо бы» [47].

Русский историк Елена Дружинина упоминает о противоречиях во времена ханства в социально-экономических условиях жизни северных районов Крыма, населённых ногаями и теми, что жили на юге. Дружинина отмечает, что в «горах и плодородных долинах юга выращивание зерна достигло очень высокого уровня развития» [48].

Турецкий историк Кемал Карпат также в своей работе подчёркивает это различие и пишет таким образом о крымскотатарском народе периода ханства: «Это население жило в основном в двух совершенно разных географических регионах, и две разновидности населения, хотя и говорили на одном языке, разделяли одну религию, культуру, но проявляли совершенно разные социальные и профессиональные характеристики. Население прибрежных районов, преимущественно жители Восточного побережья, вели хорошо развитый городской образ жизни и были заняты торговлей, а также интенсивно занимались сельским хозяйством» [49].

Роль татов в истории Крыма

В то время как татарский историк Этхем Фейзи Гозайдин (Ethem Feyzi Gozaydin) описывает ногаев или кыпчак-татарских кочевников степи очень напоминающими своих ближайших сородичей, казахских кочевников Азии, с их «монгольским» обликом, кочевой культурой и кыпчакским языком, он указывает, что жители Южного побережья были очень похожи на фермеров Кавказа [50].

Это может быть отнесено к историческим связям между Кавказом и Крымом, которые прослеживаются в миграции древних народов с этой горной гряды на полуостров [51].

Более чёткий анализ «ядра» оседлых татар Крымского ханства, описание культуры крымских татар и привязанности к земле также рассеивают понятия, которые позже пропагандировались советскими источниками, что «главным занятием крымских татар были войны и грабежи с целью получения прибыли» [52].

В своём описании Крыма, например, русский историк Анатолий Якобсон пишет: «Вовлекшись в прямые и ежедневные отношения с местными жителями этого региона, в первую очередь с греческими земледельцами, оседлые татары не только начали медленно ассимилировать в сельские социальные

структуры, сформировавшиеся здесь ещё в средние века в виде деревенских сельскохозяйственных коммун, они приняли также и важные элементы древней материальной культуры, технику сельского производства и особенно технологию выращивания винограда и фруктов, технические методы работы ремесленников, так же как и форму планирования двухэтажных домов – с первым каменным этажом и вторым кирпичным, с древней формой корпуса здания, в котором часть секции дома висит над первым этажом» [53].

Этнос, известный как крымские татары, был большей частью сосредоточен в ряде деревень вдоль южных и северных отрогов Крымских гор, прикрепившихся на склонах гор и во внутренних долинах, таких как Акмесджит, Алушта, Судак, Карасубазар и Гурзуф. В своих исследованиях экономической географии этого региона Дэвид Линч (David Lynch) отмечает: «Хан жил в горном регионе Крыма, и здесь его непосредственные подданные, крымские татары, жили и поддерживали свойственный им образ жизни, в первую очередь – ирригационное сельское хозяйство» [54].

На землях, населённых деревенскими общинами тат-татар, персики, груши и другие фрукты выращивались очень искусно, виноградники культивировались на тёплых южных склонах *Ялыбою* (Yaliboyn – побережье), табак выращивался и для домашнего пользования, и на экспорт, производился мёд. В историческом отчёте так говорится о татарах: «Они были великими мастерами сельского хозяйства, развели сотни сортов яблок и груш, персиков, айвы, миндаля, инжира, были непревзойдёнными мастерами культивирования дынь, табаководства и овцеводства» [55].

Кемал Карпат пишет: «Татары, проживающие на побережье, или, как их называют, Yaliboyn, занимались торговлей и культивированием фруктовых деревьев, в то время как крестьяне, живущие на засушливых землях и внутренних степных землях Перекопа, снимали разнообразный урожай с засушливых земель» [56].

Крестьяне-мусульмане южных гор были особенно искусны в возделывании виноградников путём искусственного орошения. Согласно русскому отчёту (источнику): «Татары и турки были большими мастерами ирригации. Они могли искусно обработать малейший ручеёк, отстойник, заполненный водой, и направить по вырытым в земле каналам к большим прудам... Они могли с помощью системы артерий орошать виноградники и сады на склонах гор» [57].

Тат-татары этого региона особенно славились своим умением искусственного орошения. Русский источник, Евгений Марков, описывает адаптацию тат-татар к этой уникальной окружающей среде таким образом: «Только в горах, и особенно в жарких скалистых горах, таких как в Крыму, человек в состоянии понять, что означает вода для жизни... Татары ищут источники, словно это золото, и ценят их как золото. Они вскрывают малейший кусочек

влажной земли в каменных стенах и постепенно превращают его в источник... Татары мастера ирригации и прокладывания водных путей» [58].

Среди продукции, производимой крымскими татарами, был и табак. Табак, производимый и экспортируемый крымскими татарами, курили и казаки в станицах Украины, и в чайханах (*chaikhanas*) Стамбула. Ещё один местный продукт, мёд, собирали с горных пастбищ и привозили с гор в местных телегах на экспорт из южных портов. Главными потребителями крымского мёда были турки, и интересно отметить, что османские султаны не употребляли никакой другой мёд, кроме как производимый в крымских горах села Османчик (с. Холодовка. – Прим. пер.) [59].

Описание крымских татар

В то время как степная родина ногай-татар представляет две трети Крыма, это были именно южные горы и холмы, которые считала своей родиной большая часть населения крымских татар. Люди, посетившие эти горные земли Крыма, представляют понимающее описание жителей региона, и это описание указывает на древние корни народа и подтверждает их аграрные связи с землёй. Отчёты рисуют также картину народа, который, несмотря на разделяемое исламо-турецкое наследие с ногай-татарами, говорящими на кыпчакском, они, тем не менее, продолжали устанавливать крепкие общественные идентификации с группой субэтнуса тат-татар. В своём отчёте, сделанном как раз перед Крымской войной, Чарльз Скотт (Charles Scott) чётко очерчивает различие между степными ногай-татарами и татами юга: крымские татары подразделяются на два вида: те, которые проживают на равнинах, и те, которые проживают в горных регионах. Не только это отличает их в обычаях, образе жизни и роде занятий, но ещё и сама раса: первые рассыпались по всей степи северной части полуострова, культивируют землю, разводят скот и лошадей, строят грубые дома из необожжённой глины. Вторые занимаются многими видами промышленного, индустриального ремесла, любят садоводство, культивируют табак, лён и вино, а внешне представляют облик кавказской расы. Они имеют более густые бороды, чем другие, и они выше среднего роста. Предположительно, они являются смешением рас, которые ранее обитали в Крыму, они похожи на турок или других европейцев, у многих из них каштановые волосы, и они светлокожие. Они утончены в манерах, благородно держатся, с естественной для них вежливостью и гостеприимством, честны в торговых и иных отношениях, экономны в еде» [60].

Ещё к середине XIX века степные и южные крымские татары отличались в диалектах, внешнем облике, средствах производства и в своём мнении друг о друге. Об этих горных жителях Паллас (Pallas) пишет, что кочевники но-

гай-татары не считают жителей гор истинными потомками своей расы и «называют их насмешливой кличкой *Таты*» [61].

Другой английский источник девятнадцатого века Х. Д. Сеймор (H. D. Seymour) при описании горных крымских татар сообщает нам: «Достаточно интересно, что волосы и бороды у этих горных жителей почти у всех одинаково светло-рыжие или льняные. Это обстоятельство, редко имеющее место в Крыму. Очевидно, все жители, которые в настоящее время проживают в деревнях, расположенных на Южном побережье, хотя и рассматриваются как татары, тем не менее являются отпрысками других народов, которые или приплыли сюда, или были согнаны с внутренних территорий (материка), и которые были здесь чужими для более поздних рас, но особенно для монголов: следовательно, аборигены *Crim Tatory* (крымские татары) считают их чужаками (пришлыми) и выделяют насмешливым именем *tam (Tat)*» [62].

В своём отчёте XIX века Ф. А. Фёдоров пишет: «Крымские татары должны быть подразделены на две группы: горные и степные татары. Суть горных татар – это смешение с древними обитателями Тавриды, с готами и греками. Они, в целом, имеют хороший рост, телосложение, и они темноволосы; черты лица правильные, внешность и манера держаться экспрессивны, они свободны и великодушны в обращении, а в речи вдумчивы и благоразумны» [63].

Описание горных татар в источниках девятнадцатого века часто разграничивает горных татар Крыма от татар Волги, а также от ногаев.

О. Воропонов писал об этих горных татарах следующее: «Среди них не было явных широких, высоких скул, с узкими глазами, которые постоянно встречаются среди татар, живущих близко к Волге. Наоборот, здесь у всех овальные лица и прямые длинные носы, то есть те, которые напоминают племена ариев (*Aryan tribes*)» [64].

Все аспекты образа жизни тат-татар, начиная от их смешанного огуз-кыпчак-тюркского диалекта с явными следами более древних языков, до особой фермерской технологии, разработанной их древними предками, были отшлифованы самой почвой и природой их засушливой горной или прибрежной родины. Многие из обычаев горных и прибрежных татар были отчётливо крымские и имели доисламские языческие или христианские корни. Крымские татары этого региона, например, праздновали такие весенние праздники, как Тепреч, Дервиза, Хыдырлез – чествование природы и земли, которые имеют слабое отношение к великим исламским праздникам [65].

На *Хыдырлез*, отчётливо христианский праздник с языческим или христианскими корнями, праздник почитания душ павших в боях (известный как «*Aziz Şehitler*», «*Святые Мученики*») поминались в православии в День Святого Георгия, 25 апреля, конными забегами, состязаниями по борьбе, с поеда-

нием на открытом поле специально приготовленного хлеба. Память христианских святых сохранилась также в древних названиях татарских деревень и гор, таких как Ай-Василь, Ай-Гурзуф, Ай-Даниль, Ай-Петри, Ай-Тодор.

О домах горных тат-татар путешественник XIX века Эдвард Кларк (Edward Clarke) писал: «Татары (the Tahtars) находят удовольствие в том, чтобы их дома полностью утопали в зелени листвы. Каждое из этих жилищ состоит только из одного этажа, с низкой плоской крышей, под деревьями, простирающими свои могучие ветви над всем зданием; так что деревня издали визуально определяется только по гребешку рощицы, под которой она спрятана» [66].

Путешественники также отмечают обычай горных татар встраивать свои дома в землю на склонах террасированных гор. В своём отчёте XIX века Ф. А. Фёдоров писал: «В южной части Крыма крымские татары не любят строить свои уникальные жилища там, где горы плоские, вместо этого они размещают их на склонах скал и устраивают их так, что им приходится строить только три стены, четвёртую составляет гора, на которую опирается дом. По подобному же способу строительства татарские дома всегда расположены на горных скалах, и расположены они в форме амфитеатра. Крыши домов плоские, формируют террасы и, поскольку они питают отвращение к протеканию, строятся дома самым тщательным способом. Терраса представляет для крымских татар почти весь дом; здесь они отдыхают после работы, здесь же они принимают гостей» [67].

Земли, заселённые террасированными деревнями тат-татар, составляют южную треть Крымского полуострова и состоят из прибрежной известняковой горной цепи, известной как *Яйла* (*Yaila*) (летние или горные пастбища татар). Известняковые (меловые) горы яйлы достигают высоты в 5000 футов и имеют постепенный склон на северной стороне перед резким обрывом на южном участке.

Эта цепь образует резкую заднюю часть или «стену» для узкого побережья, которое имеет множество «амфитеатров», на которых татары строят свои террасированные деревни. Путешественники, совершавшие визит в *ялыбою*, обнаруживали, что коренное население побережья напоминало жителей Греции и Италии. Этнические, лингвистические и культурные отложения более ранних христианских народов, таких как греки, генуэзцы, армяне, чья кровь и культура вошли в становление прибрежных тат-татар, прослеживались даже в девятнадцатом веке. Русский путешественник Евгений Марков, например, так писал о женщинах и детях *ялыбою* тат-татар: «Их лица совершенно европейские; белолицые, с правильными чертами, иногда румяные и полные огня, с тенистыми ресницами. Их дети особенно схожи с нашими детьми. В них нет ни капли монгольской крови. Когда вспоминаешь обычаи южнобережных крымских татар, свободу поведения их женщин,

празднование некоторых христианских праздников и традиций, их любовь к оседлому образу жизни, невозможно не прийти к убеждению, что так называемые крымские татары так же близки к племенам Кавказа, как и мы» [68].

Согласно Тунманну (Thunmann), ко времени аннексии Крыма русскими потомки великих генуэзских родов Гримальди, Дориас и Спинолы, которые, вероятно, приняли ислам, всё ещё получали привилегии от крымского хана» [69].

Эдвард Кларк (Edward Clarke) заявляет, что «на юге Крыма остатки генуэзского языка не совсем исчезли. Порой слетают с уст даже татар (Tahtar) выражения, очевидно, происходящие от этого народа» [70].

Например, татары с побережья использовали итальянский термин *fortuna* при описании морского шторма (фуртуна – по-крымскотатарски «шторм». – Прим. пер.), «парикмахер» был известен итальянским словом *berber*, а термин *macramé* был известен как слово, обозначающее «полотенце».

В отчёте конца XVIII Питер Паллас указывает, что итальянские слова, такие как *camera* (комната), *fenner* (лампа), *sciorbi* (глотать), *baril* (баррель) и многие другие были всё ещё в обиходе среди татар побережья. Паллас также упоминает, что татары использовали много греческих слов (таких как *ufatma* и *katavolat*) в вокабулярии виноградарства [71].

С осторожностью можно также отметить, что в случае с итальянскими словами многие из них появились также и в османском. Например, *fener* в турецком языке означает «лампа» и, возможно, вошло в крымскотатарский язык как заимствованное слово из Средиземноморского Леванта «Лингва Франка» (Mediterranean – Levantine lingua franca), основанного на итальянском. Вопреки этим лингвистическим особенностям археолог Б. А. Куфтин заявляет, что южнобережные татары деревень «Алупка, Ялта и Гурзуф разговаривают почти полностью на чисто южном турецком» (то есть на анатолийском – огуз-турецком), и эти формы турецкого распространились в районы окружающих гор, где развился смешанный кыпчак-огузский язык» [72].

В то время как язык *ялыбою* татар мог иметь прослеживаемую основу происхождения от анатолийского, заметного в поселениях этого региона в период Сельджукского султаната (Seljuk Sultanate), многие традиции здесь, как например строительство деревень на террасированных горных склонах (часто описываемых как «амфитеатр»), могут быть обнаружены на близлежащем Кавказе. Крымская приверженность к террасированным горным и прибрежным аулам (деревням) близлежащей Кавказской горной цепи видна из следующего описания деревень татар побережья *ялыбою*:

«Татары Южного побережья живут в деревнях, большей частью пристроившихся тыльной стороной к морю, среди виноградных террас и табачных плантаций, открытых навстречу горячему солнцу, на возвышающихся склонах гор, среди которых сквозь скалы пробиваются родники, которые формируют основную улицу деревни, затеняются местами одинокими деревьями. Они

расположены в живописных амфитеатрах, на фоне одинокого скалистого пейзажа, и в восточной, более открытой части крымского Южного берега деревни расположены далеко от моря, на более высоких подступах долины» [73].

В каждой деревне путешественник принимается с наиболее нежной заботой. Везде в его распоряжение предоставляются самый лучший дом, самые красивые диванные подушки и ковры, и в самых лучших апартаментах ему преподносят кофе и чубук таким образом, что это может быть оценено только теми, кто знает все неудобства, так же как и удовольствия, путешествия по Востоку. В татарских жилищах сёл Токлук, Коз и Отуз, с их плоскими крышами, возвышающимися на фоне холмов, которые обрамляют долину таким образом, что жители общаются друг с другом с террас своих домов. Ничто не может быть более живописным, чем вид этих террас вечером: к тому времени, когда всё население, мужчины, женщины и дети уже готовились к выходу из своих тёмных, прохладных комнат, где они ищут убежища от солнца в дневное время, чтобы устроиться на крышах своих домов. Наиболее приятное оживление следует за полуденным молчанием, громкие разговоры слышны со всех сторон, и очень живописный эффект производят различные группы людей, которые, всё ещё занятые домашними делами, теперь таким образом наслаждаются наступившей прохладой вечера [74].

Резюме

Однако этот анализ истории крымских татар не должен заходить слишком далеко. В то время как там существовало, и как это уже было продемонстрировано, оседлое аграрное ядро или субэтнический крымскотатарский этнос, происхождение которого можно проследить до древних, населяющих Крым домонгольских этнических групп, в Крымском ханстве также присутствовал и сильный кыпчакский кочевой элемент, датируемый 1000 годами, который подкреплялся более поздними ногайскими миграциями. Крымские ханы, которые жили в южном, оседлом регионе Крыма, в долинном городе Бахчисарае (Дворец-сад), действительно набирали из степи кочевых, говорящих на кыпчакском наречии ногай-татар в своё ханство. В то время как многие из великих кланов татар становились оседлыми и смешивались с более ранним крымским населением, ногай-татары сохраняли строго кочевой образ жизни и презирали оседлое население тат-татар. Это был именно кыпчак-татар-ногайский элемент, который дифференцировали по его алтай-монгольским чертам и кочевому образу жизни, с которыми большей частью сталкивались жители западных стран, а не с теми, которые представляли оседлое население (ядро) редко посещаемого Крымского ханства. Заявления со стороны таких, как Джил Флетчер (Giles Fletcher), совершившего визит в Москву в XVI веке, что татары, как кочевники, жили только в *юртах*, на самом деле

относится только к представителям татар-ногай в степи (*Tatar-Nogai*)» [75].

Ещё долго после знаменитого рейда Девлет Герай хана в Москву в 1571 г. эти представители продолжали оставаться угрозой для окружающих оседлых народов. Соседние христианские народы были правы в своих опасениях за стада и набеги за рабами представителей ногайского населения *Дикого поля*, как в то время была известна Южная Украина. Необходимо также признать, что Крым со времени своего основания и до позднего XVII века был центром работорговли, которое лишало соседнюю Россию, Украину и Польшу десятков тысяч крестьян, проданных в Османскую империю.

Однако, как указывает этот труд, татар-ногайский элемент в Крымском ханстве был ограничен крымской степью и соседними равнинами украинского материка и составлял только часть населения Крымского ханства. На самом деле большой процент населения жил в прибрежных деревушках и террасированных горных селениях на юге и во многом управлял Правительством ханства, базарами, исламскими религиозными учреждениями и аграрным сектором. Рассматриваемые в этих социально-экономических условиях, крымские татары были явно более чем просто «ворующие, угоняющие, грабящие соседи», как их рисовали советская пропаганда и традиционные западные источники [76].

Сама природа общественной идентичности и социально-экономической деятельности крымских татар Южного побережья, их привязанность к Крымской земле, как постепенно это становится совершенно очевидным, должны быть пересмотрены. Будучи только предварительным изучением, хочется верить, что настоящая работа приведёт к дальнейшему анализу в комплексе этнологии и истории крымских татар и, возможно, приведёт к более трёхмерному толкованию основательно не изученной истории этого народа.

Bibliography¹

1. P. N. Nadinskii, *Ocherkii po Istorii Kryma* (Simferopol, 1951), vol. 1, p. 78
2. P. N. Nadinskii, *Ocherkii po Istorii Kryma* (Simferopol, 1951), vol. 1, p. 65.
3. S. R. Izidinova, *Iazyki Mira. Tiurkski Iazyki* (Bishkek, 1997), pp. 298–299. Gerhard Doefler actually divides the Crimean Tatar language up into four distinct dialects: Southern Crimean Ottoman, Central Crimean Tatar (found around the Crimean Khanate's capital of Bahcesaray), Northwestern Crimean Tatar and Crimean Nogai. Gerhard Doefler, "Das Krimtatarische", *Philologiae Turcicae Fundamenta*, vol. 1, ed. J. Deny et. al. (Wiesbaden, 1959), p. 369.
4. S. R. Izidinova, *Iazyki Mira. Tiurkski Iazyki* (Bishkek, 1997), pp. 298–299. Gerhard Doefler actually divides the Crimean Tatar language up into four distinct

¹ Оформление библиографий оставлено как у автора.

dialects: Southern Crimean Ottoman, Central Crimean Tatar (found around the Crimean Khanate's capital of Bahcesaray), Northwestern Crimean Tatar and Crimean Nogai. Gerhard Doefler, "Das Krimtatarische", *Philologiae Turcicae Fundamenta*, vol. 1, ed. J. Deny et. al. (Wiesbaden, 1959), p. 69.

5. T. N. Vysotskaia, *Pozdnie Skify v Iugo-Zapadnom Krymu* (Kiev, 1972), pp. 187–188.

6. Elisaveta Todorova, "The Greeks in the Black Sea Trade During the Late Medieval Period", *Etudes Balkaniques*, III (1992), p. 45.

7. George Vernadsky, *Kievan Russia* (New Haven, 1948), p. 37.

8. I. A. Baranov, "O Vosstanii Ioanna Gotskogo", *Feodal'naia Tavrika*, ed. S. N. Bibikov (Kiev, 1974), pp. 151–62, p. 153.

9. Dimitri Obolensky, *Byzantium and the Slavs* (New York, 1994), p. 26.

10. Elie de La Primaudie, *Etudes sur le Commerce au Moyen Age. Histoire du Commerce de la Mer Noire et Colonies Genoises de la Krimee* (Paris, 1848), pp. 5–9.

11. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia*, vol. 35 (1937), p. 306.

12. V. V. Badian, "Torgovlia Kaffy v XII–XV vv", *Feodalnaia Tavrika*, ed. S. N. Bibikov (Kiev, 1973), pp. 174–189.

13. John Meyendorf, *Byzantium and the Rise of Russia* (Cambridge, 1981), p. 49.

14. Berthold Spuler, "Kirim", *Encyclopaedia of Islam*, IV. New Ed., ed. by Bernard Lewis et. al. (Leiden, 1978), p. 136. pp. 136–143.

15. A. Iakobson, *Krym v Srednie Veka* (Moscow, 1973) p. 112.

16. Beatrice Forbes Manz, "The Clans of the Crimean Khanate", *Harvard Ukrainian Studies*, II and III (1978), pp. 282–309. Uli Schamiloglu, "The Qaraci Beys of the Later Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World Empire", *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, IV (1984), pp. 283–299.

17. Halil Inalcik, *Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. The Customs Register of Caffa, 1487–1490*, vol. 1 (Cambridge, Mass., 1996), p. 150.

18. Alexander Vasiliev, *The Goths in the Crimea* (Cambridge, Mass., 1936), p. 255.

19. Alan Fisher, "The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century", *Harvard Ukrainian Studies*, V (1981), p. 141.

20. Giles Veinstein, "From Italians to Ottomans: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century", *Mediterranean Historical Review*, I (1986), pp. 221–238.

21. Ibrahim Kafesoglu, *A History of the Seljuks*, ed. Gary Leiser (Carbondale, 1988), p. 73.

22. Giles Veinstein, "La Population du sud de la Crimée au debut de la domination Ottomane", *Sources and Studies on the Ottoman Black Sea. The Customs Register of Caffa, 1487–1490*, vol. 1, ed. Halil Inalcik (Cambridge, Mass., 1996), p. 150.

23. Vasiliev, *The Goths*, op. cit., no. 16, pp. 175–176.

24. V. E. Vozgirin, *Istoricheskie Sud'by Krymskikh Tatar* (Moscow, 1992), p. 93.

25. V. E. Vozgirin, *Istoricheskie Sud'by Krymskikh Tatar* (Moscow, 1992), p. 94.

26. Michel Kazinski, *Les Goths Ier-VIIe Apres J.-C.* (Paris, 1991), p. 124.

27. Etham Feyzi Gozaydin, *Kirim. Kirim. Turklerinin Yerlesme ve Gocmeleri* (Istanbul, 1948), p. 30.
28. J. Buchan Tefler, *The Bondage and Travels of Johann Schiltberger* (London, 1879), pp. 50, 176.
29. J. Buchan Tefler, *The Bondage and Travels of Johann Schiltberger* (London, 1879), p. 176.
30. Edmond Schutz, "The Tat People in the Crimea", *Acta Orientalia, Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXXI (1977), p. 96.
31. Edmond Schutz, "The Tat People in the Crimea", *Acta Orientalia, Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXXI (1977), p. 97.
32. B. Kuftin, "Iuzhnoberezhnye Tatory Kryma", *Zabveniiu ne Podlezhit* (Kazan, 1992), p. 241.
33. Vatro Murvar, *Nation and Religion in Central Europe and the Western Balkans-The Muslims in Bosnia, Hercegovina and Sandzak: A Sociological Analysis* (Brookfield, Wisconsin, 1989), p. 12.
34. The deportation of the Crimean Tatars and their subsequent exile in Central Asia had a homogenizing effect and sub-ethnic distinctions based on dialect, physiognomy and geography became irrelevant to the scattered Tatars in a short period. For an analysis of this process see: Brian Williams, "The Crimean Tatar Exile in Central Asia. A Case Study in Group Destruction and Survival", *Central Asian Survey*, XVII, 2 (1998); Brian Williams, "A Community Reimagined: The Role of 'Homeland' in the Forging of National Identity", *Journal of Muslim Minority Affairs*, XVII, 2 (1997), and *A Homeland Lost: Migration, the Diaspora Experience and the Forging of National Identity* (Leiden, 2000).
35. Peter Golden, *An Introduction to the History of the Turkic Peoples* (Weisbaden, 1992), pp. 324–328.
36. Ernst Kudusov, *Istoriia Formirovanniiia Krymskotatarskoi Natsii* (Simferopol, 1996), p. 8.
37. K. Kongonashvili, *Kratkii Slovar' Istorii Kryma* (Simferopol, 1995), pp. 49–50.
38. Mary Ivanics, "Formal and Linguistic Peculiarities of 17th Century Crimean Tatar Letters Addressed to Princes of Transylvania", *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXIX, 2 (1975), p. 215. The term *tavgach* or *tabgach* initially referred to the Turkic or Mongol T'opa Wei dynasty (386–534) of northern China and came to signify China or the East in later periods.
39. Mary Ivanics, "Formal and Linguistic Peculiarities of 17th Century Crimean Tatar Letters Addressed to Princes of Transylvania", *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, XXIX, 2 (1975), p. 215. The term *tavgach* or *tabgach* initially referred to the Turkic or Mongol T'opa Wei dynasty (386–534) of northern China and came to signify China or the East in later periods.
40. Halil Inalcik, "Giray", *The Encyclopaedia of Islam. New Edition*, vol. II (Leiden, 1965) p. 113.

41. Edward Clarke, *Travels in Various Countries of Europe and Asia. Part one. Russia, Tahtary and Turkey* (London, 1816), p. 313.
42. Vozgrin, *op. cit.*, p. 160.
43. Vozgrin, *op. cit.*, p. 160.
44. William McNeill, *Europe's Steppe Frontier 1500–1800* (Chicago, 1964), p. 120.
45. G. N. Levitskii, "Pereselenie Tatar iz Kryma v Turtsiiu", *Vestnik Evropy*, V, pp. 596–539, p. 598.
46. A. R. Andreev, *Istoriia Kryma* (Moscow, 1997), p. 168.
47. Thunman, *Der Krimische Staat (Krymskoe Khanstvo)* (Simferopol, 1936), p. 24.
48. Elena Druzhinina, *Severnoe Prichernomor'e* (Moscow, 1959), p. 111.
49. Kemal Karpat, "The Crimean Emigration of 1856–1862 and the Settlement and Urban Development of Dobruca", *Turco-Tatar Past, Soviet Present* (Paris, 1986), p. 275.
50. Gozaydin, *op. cit.*, p. 30.
51. A. M. Leskov, *Gorny Krym v I Tysiacheletii do Nashei Ery* (Kiev, 1965), p. 155–60.
52. *Bol'shaia Sovetskaia Entsiklopediia*, no. 23, 1953 ed., p. 552.
53. A. Iakobson, *Krym v Srednie Veka* (Moscow, 1973), p. 148.
54. David Lynch, *The Conquest, Settlement and Initial Development of New Russia* (New Haven, 1969), p. vii.
55. K. Kongonashvili, *Kratkii Slovar Istarii Kryma* (Simferopol, 1995), p. 152.
56. Kemal Karpat, *Ottoman Population, 1830–1914* (Madison, Wisconsin, 1985), p. 76.
57. M. Voloshin, "Kultura, Isskysstvo, Pamiatniki Kryma", *Zabveniiu ne Podlezhit* (Kazan, 1992), p. 62.
58. Evgenii Markov, *Ocherkii Kryma* (Simferopol, 1995), pp. 210–211.
59. Evgenii Markov, *Ocherkii Kryma* (Simferopol, 1995), pp. 210–211.
60. Charles Scott, *The Baltic, the Black Sea and the Crimea* (London, 1854), p. 306.
61. Peter Pallas, *Travels Through the Southern Provinces of Russia, 1793 and 1794* (London, 1802), p. 346.
62. H. D. Seymour, *Russia on the Black Sea and the Sea of Azov* (London, 1885), p. 203.
63. F. A. Feodorov, *Krym s Sevastopolem Baliklavoiu* (St. Petersburg, 1855), p. 37.
64. O. Voroponov, "Sredi Krymskikh Tatar", *Zabveniiu ne Podlezhit* (Kazan, 1992), p. 170.
65. B. Kuftin, *op. cit.*, p. 248.
66. Edward Clarke, *op. cit.*, p. 239.
67. F. A. Feodorov, *Krym s Sevastopolem Balaklavoiu* (St. Petersburg, 1855), p. 38.
68. Evgenii Markov, *op. cit.*, p. 212.
69. Thunmann, *Der Krimische Staat (Krymskoe Khanstvo)* (Simferopol, 1936), p. 36.

70. Edward Clarke, *op. cit.*, p. 254.
71. Peter Pallas, *op. cit.*, p. 395.
72. B. A. Kuftin, *op. cit.*, p. 242.
73. B. A. Kuftin, *op. cit.*, p. 244–245.
74. Edward Clarke, *op. cit.*, p. 234–235.
75. Giles Fletcher, *Rude and Barbarous* (Madison, 1968), pp. 197–200.
76. Donald Mackenzie Wallace, *Russia* (New York, 1877), p. 354.

Сведения об авторе перевода: Лейля Сейтхалиловна Сейтхалилова – старший преподаватель английского языка, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation. (Brian Glyn Williams)

Leylya Seytkhalilova

(Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences)

Annotation. This article is the translation of Brian Glyn Williams's work "The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation". Brian Williams is the professor of history of Islam on the Chair of Massachusetts University in Dartmouth, the USA. The source is: Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series, Vol. 11, № 3, (Nov., 2001), pp. 329–348. The article considers the issue of the Crimean Tatar's ethnogenesis, their communal identity, social-economic conditions of the activities. On the basis of the studied material, the author comes to conclusion of necessity of Crimean Tatar's History Reinterpretation.

Keywords: Ethnogenesis, Crimean Tatars, Crimean Khanate, farming, gardening, crafts, reinterpretation, communal identity

For citation: Seytkhalilova L. S. The Ethnogenesis of the Crimean Tatars. An Historical Reinterpretation. (Brian Glyn Williams). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.18-44. DOI: 10.22378/kio.2019.1.18-44

About the translator: Leylya Seytkhalilovna Seytkhalilova – senior English language teacher, laboratory assistant of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Batirin St., 7A, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

Altınordu imparatorluğ'undan Osmanlı imparatorluğu'na bir doğu Avrupa beşkenti Kefe

Yücel Öztürk

(Sakarya Üniversitesi)

Özet. Mevcut makale, başlangıç itibariyle Kefe'nin Osmanlı öncesini ele alma anlayışı üzerine kuruldu. Yazıya odaklandıktan ve epey yol aldıktan sonra başlık kendiliğinden oluştu. Gerçekten, Kefe, sıradan bir şehir değil, bulunduğu coğrafyanın kıtasal ölçekte başkentliğini yapmış bir şehir idi. Başlığı bu anlayıştan ürettik.

Yazının ilerleyen aşamalarında Balard, Veinstein, Malowist ve şahsıma ait monografiyi analiz ettikçe, Kefe'nin Osmanlı öncesi ile Osmanlı dönemi arasındaki niteliği belirginleşti. Bu analizler doğrultusunda makalenin kapsamında bir değişikliğe gidilerek mukayese anlayışı merkezi fikir olarak belirlendi. Bu aşamada, Kefe'nin birbirinden farklı egemenlik periyodlarında hangi unsurlarını koruduğunu, hangilerini kaybettiğini ortaya koyma çabası kendiliğinden belirdi. Bu eğilim bir aşamada tümüyle hakim anlayış haline geldi ve kendimi Ceneviz ve Osmanlı Kefesini mukayese etmede serbest bıraktım. Michel Balard ve Gilles Veinstein'in daha önce baktığım, ancak, fazla üzerinde durmadığım, “devamlılık ve değişme” üzerine kurulu kapsamlı makalesini bu anlamda yeniden değerlendirdim.

Mevcut çalışma, önce Kefe'nin tarihsel safhalarını idari ve hukuki açıdan ele almakta, akabinde şehirselleşme perspektifte mekan örgütlenmesini ve demografik yapısını analiz etmektedir. Sonraki aşamalarda Ceneviz ve Osmanlı dönemlerindeki İktisadi, mali ve ticari yapı hakkında elde edilen bilgiler karşılaştırmalı olarak analiz edilmektedir.

Anahtar Kelimeler: Kefe, Osmanlı, Kırım, Ceneviz, Altınordu, Ticaret, Nüfus, Para, Hukuk, Karadeniz.

Kefe'nin Jeopolitik Sistem İçindeki Yeri, İdari Sınırları ve Hukuki Statüsü

Kefe'nin yer aldığı Karadeniz, etrafını çevreleyen Volga, Baltık, Balkan, Tuna, Anadolu ve Kafkasya nehir ağlarıyla ile yer kürenin en önemli jeopolitik sahalarından biridir. Doğu Avrupa'yı tarihsel bir alan haline getiren jeopolitik merkez olarak da tanımlanabilecek olan Karadeniz dört taraftan büyük nehir ağlarına entegredir. Bu nehir ağlarından azami ölçüde yararlanan Karadeniz, Doğu'da Ten, Kuban, Çoruh; Kuzey'de Dinyeper, Dinyester, Buğ, Prut; batıda

Tuna, güneyde Sakarya, Kızılırmak, Yeşilirmak havzaları ile bütünlük içindedir. Karadeniz etrafında tarih boyunca birbirini çevreleyen halkalar halinde şehir ağları gelişmiştir. Bu şehir ağlarının esasında söz konusu nehir ağlarının oluşturduğu ticari ağlar olduğu tespit edilebilmektedir.¹

Çalışmamızın konusu olan Kefe, Kırım Yarımadası'nın tartışmasız en önemli kenti ve Osmanlıların Kuzeydoğu Avrupa hakimiyetinin kilidi idi. Daha Bizans zamanında kıtalararası ticaret yollarının geçiş yeri ve Kırım - Karadeniz – Baltık sahasını İstanbul'a bağlayan merkez olan Kefe, Bizans'ın çöküşüne, büyük Altınordu İmparatorluğu'nun Doğu Avrupa'ya hakim olmasına ve Latin şehir cumhuriyetlerinin gelişimine bağlı olarak farklı dönemlerde farklı fonksiyonlar üstlenmiş, ancak, ticari, askeri, idari öneminden fazla bir şey kaybetmemiştir. Kefe, bu fonksiyonlarına ilaveten, tüm Ukrayna, Moskova, Lehistan, Kafkas illerini idari ve iktisadi olarak Osmanlı başkentine, İstanbul'a bağlayan merkez olarak kalmıştır.

12. yüzyılda Kırım Yarımadası'nın hakim gücü Kumanlar idi. Kumanların merkezi Solhat olmalıydı. Cenevizlilerin Kefe'ye yerleşmesinden önce Yarımada'nın ticaret merkezi Kefe değil Soğdak idi. Soğdak, adından da belli olduğu üzere Soğd halkının yaşadığı bir ticaret merkezi idi. Yarımada'nın sahil kesimlerinde Kıpçaklara tabi olarak Gotlar, Yunanlılar, Ermeniler ve Yahudiler yaşıyorlardı. Yarımada'nın Kumanlara bağlı etnik unsurları XIII. Yüzyılın ilk yarısında, 1249 civarında Altınordu hakimiyetine girdiler.²

Kefe'nin jeopolitik merkez olarak yükselmesi Altınordu hakimiyeti zamanında, Cenevizlilerin ticari faaliyetlerinin merkezi üssü olması ile başlar. Cenevizliler Altınordu hanı Mengü Timur (1266-1280)'un izni ile Kefe'ye yerleşmişler, Altınordu Hanlığı'nın siyasi yapısında ortaya çıkan istikrarsızlıklardan yararlanarak hakimiyet sahalarını geliştirmişlerdir. Ceneviz tüccarlarının Kefe'ye yerleşmeleri merkezi Ceneviz hükümeti ile yaptıkları bir nevi izin ve yetki belgesi niteliğindeki kontrat ile gerçekleşiyordu. Ceneviz hükümeti ile ilk kontratını yapmış olan Paolino D'Oria'nın Şubat 1287'de Kefe'ye hareket etme hazırlığında olduğu, iki yıl sonra ise Kefe'nin ilk konsülü olarak atandığı bildirilir [3, s. 199]. Cenevizliler hukuken Altınordu'ya tabi olan Kırım Yarımadası'nda Altınordu'nun Berdibek Han sonrasında girdiği iktidar savaşlarından yararlanarak Hanlığın arazisinden bir kısmında fiilen kendi özerk idarelerini meydana getirmişlerdir.

¹ Jeopolitik perspektifte Karadeniz Havzası için bkz. George I. Bratianu [11, s. 46]. Karadeniz hakkında ayrıca bkz, Yücel Öztürk [37, s. 5] vd.

² Balard – Veinstein, Kumanların merkezinin Soğdak olduğunu ima ediyor. [5, s. 81]. Bu bize göre doğru değildir. Soğdak, adından da belli olduğu üzere Soğdluların idi. İbn – i Bibi'ye göre Kırım Yarımadası bu dönemde kesin surette Kıpçak melikinin tasarrufunda bulunmakta, Kırım sahilindeki önemli ticaret merkezlerinden biri olan Soğdak'da ise Soğd halkı yaşamakta idi. Kıpçaklara bağlı olan Soğdluların kendilerine ait bir ordusu bulunmakla beraber, bunun büyük bir ordu olmaktan ziyade kale gücü niteliğinde olduğu anlaşıyor. Kıpçak alanının bittiği yerde ise Ruslar yaşıyordu. [16, s.328].

Kefe ile başlayan Ceneviz alanına Soğdak, Calamita (İnkirman), Kerç (Vosporo) gibi yeni koloniler eklendi. Ceneviz aynı zamanda Azak yakınlarındaki Tana'ya da yerleştiler. Tana'da hakim olan Venedik tüm gücüyle Ceneviz'i engellemeye çalıştıysa da başarılı olamadı.³

Canibek Han'ın 1357'de ölümünden sonra Mamay'ın baş belirleyici aktör olduğu iktidar savaşları, Kefe ile Hanlık arasındaki ilişkiyi başka bir boyuta taşımıştı. Kefe yönetimi Mamay'ın gücünün zirvede olduğu dönemde onunla ilişkilerini üst düzeyde tutarken, gözden düşmesine bağlı olarak ilişkilerini değiştirmiştir. Mamay, Toktamış'a karşı kaybettikten sonra, 1381 yılının Mart ve Kasım ayları arasında Kefe konsülü tarafından öldürtülmüştür [7, s. 157–159; 457].

Kefe Konsüllüğü ile Solhat merkezli Altınordu arasındaki ilişkiler 1382 tarihinden itibaren aşama aşama gerginleşmiş, 1387'de ortaya çıkan çatışmayı Kefe Cenevizlileri kazanmıştır. Bu gelişmelere bağlı olarak Kefe'deki Tatar nüfusunda belli bir azalma meydana gelmiştir. Bu tarihlerde gücünün doruğuna çıkan Kefe, "caput Gazzarie" olarak otoritesini kabul ettirmiş, tüm sahil kesiminin hakimi olmuş, Kerç Boğazı'nı kontrol edebilecek güce ulaşmış, komşu vilayetlerden vergi almaya başlamıştır [7, s. 460–461]. Bu dönemde Kefe'ye gelen Hanın elçileri ile Kefe konsüllüğü arasında yapılan antlaşma ile eskiden beri Gothie⁴ olarak tanımlanan sınır kesimlerinde yer alan ufak 18 kale ve kasabanın Kefe konsülünün hakimiyetinde olduğunu belirleyen önceki antlaşma teyid edilmişti. Yeni antlaşmaya göre Kefe konsüllüğü Altınordu hanına tabi olduğunu kabul etmiş idi [39, s.10; 7, s. 458].

Hacı Giray'ın Solhat'a yerleşerek Kefe konsüllüğü ile giriştiği mücadelelerin Kırım Hanlığı'nın kuruluşuyla sonuçlanması sürecinde Kefe konsüllüğünün hukuki statüsünü belirleyen güç merkezi Altınordu değil Kırım Hanlığı olacaktır. Hacı Giray ile konsüllük arasında 1420 sonrasında başlayan ve Ceneviz'in 1434'de kesin mağlup olduğu savaşlar yeni bir antlaşma ile sonuçlandı [39, 10; 29, 4]. Ceneviz'in mağlup olarak sulh teklifinde bulunması sonunda gerçekleşen ve maddeleri hakkında ayrıntı bulunmayan antlaşmaya göre Kefe konsüllüğünün Kırım Hanlığı'nın üstünlüğünü ve Hacı Giray'ın şartlarını kabul etmiş olduğu anlaşılıyor [15, s. 373].

Altınordu ve Kırım Hanlığı zamanında yapılan ikili antlaşmalarda hukuki statüyü belirleyen maddeler bulunuyordu. İkili antlaşmalarda yer alan iki madde, Kefe konsülünün hakimiyet alanında Altınordu ve Kırım hanlarına hukuki yetkiler tanıyor, dolayısıyla Kefe konsülünün mutlak egemenliğini sınırlıyordu. Söz konusu

³ Ceneviz'in Kırım'da yükselişinin önünü açan önemli faktör, Venedik'in İstanbul'dan çıkarılması idi [29, s. 3, 4].

⁴ Hunların gelişinden önce Kırım Yarımadası'nın güney sahil kesiminin tamamı Gotların ülkesi anlamında Gothie idi. Procopius'a göre Hun istilası sonrasında Gotların bir kısmı göç ederken kalanlar savunması sağlam olan yerlere çekildi [42, s. 40]. Ceneviz zamanlarında Cembalo (Balıklava)-Soğdak arasında yer alan sahil kaleleri ve kasabaları Gothie olarak anılıyordu [39, s. 13].

düzenlemelerin amacı, daha önce Altınordu Hanlığı'na tabi olduğu halde Ceneviz hakimiyeti altında yaşamak zorunda kalan Tatar nüfusunun her türlü hukuki haklarının Kefe tudununun uhdesinde olduğunun belirlenmesiydi. Önce Altınordu sonra Kırım Hanlığı'nın Kefe'deki valisi konumunda olan tudun'un hanlara tabi reaya üzerindeki haklarında güç mücadelelerinin tarihi seyrine bağlı olarak değişiklikler yapılmasına rağmen söz konusu sınırlamalar varlığını muhafaza etmiştir. 1449'da yapılmış yeni Kefe yasalarına göre tudun'un Kefe'deki han tebaası üzerindeki hakkı bir yıl ile sınırlanıyor, bir yıldan fazla bir süre Kefe'de oturan her kim olursa olsun Kefe yasalarına tabi addediliyordu [7, s. 459].

Hacı Giray'ın 1453 tarihinde neşrettiği yarlığında Kırım Hanlığı'nın egemenlik alanı şöyle belirleniyordu: "Kırk Yer'de ve Kırım'da , Kefe'de ve Kerç'de ve Taman'da ve Kopa'da ve Kıpçak'da ve benim hükmüm yeten her yerde. " [25, s. 67] Hacı Giray'ın egemenlik alanını en geniş şekliyle Altınordu egemenlik alanını belirleyen "Deşt – i Kıpçak" olarak tanımlaması, Kırım Hanlığı'nın daha kuruluş aşamasında kendine biçtiği misyonun göstergesi ve belgesidir.

Evliya Çelebi, Kefe konsüllüğü ve ona bağlı idari sahanın Osmanlılar tarafından fethedilmesinden sonra Kırım hanı Mengli Giray ile sadrazam Gedik Ahmet Paşa arasında sınır belirleme çalışmasının yapıldığını naklederek, biraz muğlak ifade ile, Osmanlı sadrazamının Ceneviz'den aldığı yerleri Osmanlı toprağı olarak tanımlarken, kuzey bozkır sahasını Mengli Giray'a bıraktığını, iki tarafın anlaşıp yemin ettiklerini belirtir. Söz konusu antlaşmanın yazılı metni günümüze ulaşmamış olmasına rağmen, Osmanlı – Kırım sınırlarının belirlenmesinde bir ilkenin takip edildiği ve başından sonuna kadar buna riayet edildiğinde şüphe yoktur. Bu, Evliya Çelebi'nin de belirttiği üzere Osmanlıların Ceneviz'e ait olup savaş ile fethettikleri yerlerin Osmanlılara, Yayla Dağları'nın kuzeyinde kalan bozkır kuşağının da Kırım'a bırakılması demek idi [26, s. 48].

1475 yılında fethedilen ve bir sancak olarak organize edilen Kefe aynı yıl Rumeli Eyaleti'ne bağlanmıştır [13, s. 34]. II. Bayezid ve Yavuz Sultan Selim zamanlarında şehzade sancağı olmuş, XVI. yüzyılın ikinci yarısında Astarhan Seferi sırasında Eyalet statüsüne çıkarılmıştır. Kanuni zamanında düzenlendiği tahmin edilen tarihsiz bir defterde Rumeli Eyaleti'nin 34 sancağından biri olarak kaydedilen Kefe'nin Mankub, Taman, Azak, Soğdak ve Kerş olmak üzere beş kazası bulunuyordu [10, v.119a-b.]. 1520 ve 1542 tarihli tahrir defterlerine göre Kefe'nin idari yapısı şöyle idi. Kaza-ı Kefe, kaza – ı Mankub, kaza – ı Kerş, kaza-ı Taman, kaza-ı Azak. Kefe'ye iki adet şehrsel nitelikte ancak kaza statüsünde olmayan, "nefs" olarak belirlenmiş Balıklağö ve İnkirman kaleleri bulunuyordu. Bu iki "nefs" statüsündeki yerleşim yerinin Mankub'a bağlı olduğu hakkında bilgiler bulunmaktadır[8, No: 370 s. 481 – 490, No: 214, s. 21, 93, 129, 156, 171, 199, 207, 213; 33, s. 158].

Kefe'nin Surları, Mahalleleri ve Nüfusu

Grek kolonisi olduğu zamanlardaki Theodosia, Ceneviz kolonisi olduğu zamanlarda Caffa, Osmanlılar zamanında Kefe, Rus hakimiyetine girdikten sonra Feodosia isimleriyle anılan Kefe'nin Ceneviz ve Osmanlılardaki ismi aynıdır. Greklerdeki ismi ile Kefe arasında bir etimolojik bağ yoktur. Kefe isminin kesin olarak hangi tarihte ortaya çıktığı belli değilse de, en az onuncu yüzyılda bu isimle anıldığına dair bilgiler bulunmaktadır. Ortaçağ Kefe'sinin en eski Grek kolonisi olan Theodosia'nın üzerinde kurulduğuna dair yazılı bir kaynak yoktur. Şehrin eski Grek mekanı üzerinde kurulduğu hakkında tek kaynak, üzerinde Bizans stiliyle 819 (6327) yazısı bulunan bir kolondur [5, s. 81].

Tipik bir Ortaçağ şehri olarak kurulan Kefe, iç kale (castrum) ve dış kale olarak iki kısımdan oluşuyordu. Kamu binaları iç kalede yer alıyordu [39, s. 205]. Tüm Ortaçağ kale ve şehirlerinde görülen “kule” ve “kapı” unsurları Kefe’de de hakim unsurlar olarak kayıtlara girmiştir. Bu kuleler ve kapılar XIV. yüzyılın ilk çeyreğinde başlamış ve ilk yarısında tamamlanmıştır.

Tepesinde saat kulesi bulunan iç kaleye Saat Kulesi denmiştir. “Papa Kulesi” ile “Christ” kuleleri şehrin merkezi kuleleri idi. Kefe “civitas”ı⁵ başlangıç dönemlerinde toprak tümsekler eşliğinde tahta çitlerle çevrilmiş bir alanda meskun idi. Çitlerin çevirdiği alan 1342 – 1352 tarihleri arasında duvarla örülmüş, akabinde duvar kulelerle güçlendirilmiştir. Kule yapımları değişik tarihlerde gerçekleştirilmiştir. 1375’de gümrük kapısı da olduğu anlaşılan Köşe Kule, ona yakın tarihlerde aynı zamanda silah deposu olarak kullanılan Stantalis kulesi, Saint Antonie kapısı’nın yer aldığı Saint Antoine kulesi, darı ambarı olarak kullanıldığı için “Darı kulesi” ismini almış “Stagnoum kulesi”, Sainte – Marie kulesi ve Bisagno kuleleri yapılmıştır [39, s.17, 20, 21, 24, 38, 51, 57]. Kulelerin dizildiği sur boyunca bir çok kapı bulunuyordu. Bilinen kapılar şunlardı: Christ kapısı, Saint Nicolas kapısı, Stangnonum kapısı, Bisagno kapısı, Gorgi veya Cochi kapısı, Saint Andre kapısı, Ermeni kapısı, Vonitica kapısı [7, s. 208, 209; 5, s. 92] .

Ceneviz ve Osmanlı gibi iki farklı kültür, din ve medeniyetin şehrsel mekanı olan Kefe'nin tabiiyet değişimi ile nasıl bir mekânsal değişime uğradığı şehir tarihçileri açısından hayli merak konusu olacak ehemmiyettedir. Gilles Veinstein, tarihçilerin Cumhuriyet ile imparatorluk arasındaki farkları genellemek ve abartmak suretiyle mutlak bir kopuş, eskinin silinmesi gibi bir sonuca varmalarına katılmaz. Cenviz zamanındaki şehrsel mekan anlayışının Osmanlılar zamanında da devam ettiğini düşünür [5, s. 94]. Biz de Veinstein ile aynı kanaatteyiz.

Kefe'nin Osmanlılar eline geçişi aşamasında şehir büyük tahribata uğramamış, yalnız mabetler, yani kiliselerin camiye çevrilmesiyle yetinilmişti. Osmanlılar,

⁵ Kefe'nin sosyal yapısı iki temel sınıftan oluşuyordu. Bunların hakim ve önemli olanı, soylulardan oluşan ve “cives” olarak adlandırılan sınıf, daha kalabalık olan ikinci mertebede olanı ise “burgenses” ismi taşıyordu [29, s. 5].

Ceneviz yerleşim planına sadık kalmışlardı. Ceneviz ve Osmanlılar zamanında süreklilik gösteren yerleşim planı ve mekânsal örgütlenmenin Ruslar tarafından 1784’de değiştirildiği belirtilmiştir [39, s. 25]. Balard’ın Kefe Kalesi hakkında İtalyan arşiv kaynaklarına göre derlediği bilgiler, Osmanlı dönemindeki tasvirlerle uyumaktadır. Kefe Kalesi’nin bir savunma unsuru olarak Osmanlılar zamanına ulaştığı ve büyük çapta ilk şeklini koruduğu anlaşılmaktadır. Evliya Çelebi, iç kale olarak adlandırılan ve “civitas” ın [5, s. 95] yaşadığı yer olan Castrum ve onun dışında şehri çevreleyen dış kaleyi görmüş ve tasvir etmiştir. Meşhur gezgin, Türkler zamanında iç kaleye, yani, Castrum’a Kale – i Frenk Hisarı, dış kaleye ise Kale – i Birun dediklerini aktarır. Ceneviz zamanında soyluların oturduğu iç kalenin en merkezi alanı, buraya bitişik olan Narin Hisarı idi. Bu gözlemler, şahsımız tarafından yapılan tetkiklerde Osmanlı Tahrir Defterleri ile de ispatlanmıştır. Evliya Çelebi, şehre daha sonra eklendiği anlaşılan varoş kısmında Tatarlarla meskun Toprak Kale’den bahsetmektedir. Balard, kulelerle desteklenmiş kapıları sayı olarak vermemiş, ancak, bunların ihtilaflı olanı ayrı tutulursa, 12 adet olduğu görülmektedir. Evliya Çelebi, şehrin sekizi deniz, dördü kara surlarında olmak üzere 12 kapısı olduğunu bildirir. Evliya Çelebi şehirdeki kule sayısının 117 olduğunu belirtir ki, kule kavramını Balard ile aynı anlamda kullanmadığı anlaşılmaktadır [8, No,214, s. 27; 8, No, 370, s. 481; 33, s. 240].

Kefe deniz gümrüğü limandaki gümrük binasında bulunuyordu. Gemiler, gümrük hanenin yer aldığı yere yakın olan “Eleksi” adı verilen mevkiye yanaşır ve yüklerini boşaltırdı [33, s. 242]. Liman ve gümrük hanenin Ceneviz zamanından kalma olduğu tahmin edilebilir.

Koloni’nin sarayı konsülün hükümet ettiği binanın yer aldığı meydana açılıyordu. Burada ibadet haneler de yer alıyordu. Konsülün yaverleri, veznedarlar burada kalmaktaydı. “Geçmelik köprüsü” (introitus pontis) adı verilen bir köprü ile kapan’a varılıyordu. Bazı kayıtlarda “pondus magnum”dan da bahsedilmektedir. Saray meydanının etrafında yer alan mahallede noterler, kağıtçılar, demirciler, baharat satıcısı dükkanlar, bankalar, ayakkabıcılar, yer alıyordu. İç surların dışında başlayan Kefe şehir yerleşimlerini 1385’de tamamlanmış olması gereken dış surlar koruyordu [7, s. 210–212]. Osmanlılar zamanında esir başına tahsil edilen bir gümrük vergisi olduğu gözlenen “Resm – i köprü”nün kapan’a giden yol üzerinde bulunan geçmelik köprüsünde uygulandığı tahmin edilebilir. Anlaşıldığı kadarıyla kara tarafından gelen mallar ve esirlerin gümrüğe tabi tutulduğu yere giden tek geçit yeri bu köprü idi.⁶

Osmanlı iskan anlayışında din, mezhep farklılıkları esas alınıyordu. Bu anlayışın Ceneviz zamanında da mevcut olduğu tespit edilmiştir. Müslüman nüfusun yaşadığı kalelerdeki mahalle adları ve buralarda oturan nüfus hane reislerinin adlarıyla verilmiştir. Mahalleler birkaç istisna dışında cami, mescit ve bunların banilerinin isimleriyle anılmışlardır [33, s. 253, 257].

⁶ Kanunnameye belirtildiğine göre Azak, Kerş ve Taman’dan gelen esirlerden resm - i köprü alınmıyordu [8, s. 3].

1289 – 90 tarihlerinde Kefe halkının batılı – Latin menşeli nüfusunun % 74 ile 79'u Ceneviz ve Liguryalı idi [7, s. 246]. XIV. yüzyıl ortalarında durum hala aynıydı [7, s. 248]. 1290'larda Kefe'de yerli nüfusun en kalabalık kesimi % 50 oranla Yunanlılardan oluşuyordu.⁷ Bunlar yabancılar tarafından *habitatores de Caffa* diye adlandırılmalarına rağmen çoğusu Trabzon, Sinop, Konstantinopol, Solhat, Sivastopol ve bunun gibi hinterlanda dahil yerlerden gelmiş idiler [7, s. 272].

Kefe'de Yunanlılardan sonra gelen Latin olmayan, yerli sayılabilecek topluluk Ermeniler idi. XIII. asrın sonlarında Yunanlılardan fazla olmalarına rağmen XIV. yüzyılda Yunanlıların iyice gerisinde kalmış idiler. Ermenilerin Cenevizlilerin Kefe'yi geliştirmesinden önce Tatar merkezi Solhat'da oldukları ve daha sonra Tatarlarla değil Latinlerle yaşamayı tercih ederek Kefe'ye yerleştikleri bildirilir [7, s. 284].

Ceneviz zamanında Kefe'nin üçüncü büyük nüfusu Türkler ve Tatarlardan meydana geliyordu. 1290'lardan itibaren Cenevizlilerle yaptıkları ticari ve iktisadi ilişkilerle ilgili belgelerden onların izi sürülebiliyor. Türk – Tatar unsuruyla ilgili kayıtlar XIV. yüzyılın sonlarında daha belirgin ve detaylı hale gelmiştir. 1386 – 1387 tarihlerinde Cenevizlilerle Solhat merkezli Tatarlar arasında çıkan çatışmalarda Kefeli Tatarlar soydaşlarının tarafını tutmuş, buna dayalı olarak gelişen gerginliklerden sonra Kefe'den önemli miktarda Tatar nüfusu ayrılmıştı [7, s. 285].

Kefe'de 1290 tarihlerinde 30 kişiden oluşan ve Judecha ismiyle anılan bir Yahudi mahallesi bulunuyordu. Söz konusu Yahudi mahallesinde Yahudi olmayanlar da bulunuyordu. Bunlar arasında Tartası oğlu Tactaşa, Kayni, Kasin, Merdakse (Merv?), Saymark, Sacarbek gibi Türk – Tatar isimlerinin yer aldığı tespit edilmiştir. Bu dönemde isimlendirmede dinsel figürler ağırlık taşıdığı bilindiğine göre, Yahudi menşeli isimler arasında da önemli ölçüde Yahudi olmayanların bulunmasının muhtemel olduğu anlaşılr.⁸ Bu farklı etnik unsurların Hazar bakıyesi Karaylar olması kuvvetle muhtemeldir [7, s. 279]. Kefe'de Ceneviz zamanında belli miktarda Suriyeli, Tebrizli yabancılar, Kuman, Çerkez, Gürcü ve Rus nüfusunun olduğu tespit edilmiştir [40, s. 288]. Bunlara muhtemelen Ruthen ve Eflak asıllı az sayıda nüfusu da eklemek gerekir [29, s. 5].

Balard, 1385 – 86 tarihlerinde Kefe'nin toplam nüfusunu 20000 olarak tespit etmiştir. Bu nüfusun yaklaşık 530'u kölelerden oluşuyordu ki, toplam nüfus içinde %3'e tekabül eder [7, s. 301].⁹

⁷ Malowist, Kefe nüfusunun büyük çoğunluğunun Yunanlılardan oluştuğunu söyler. Ermenilerin Kırım'a Moğol istilasını sonunda Anadolu'dan göç ettiğini iddia eder [29].

⁸ Sichiłtberger'in 1394 – 1427 tarihleri arasında gerçekleştirdiği gözlemlerine göre Kırımda Rabbaniler ve Karaylar olmak üzere dört bin hane kadar iki Yahudi topluluğu ve onlara ait iki ayrı sinagog bulunuyordu. [40, s. 274].

⁹ Kefe'nin 1340'larda İbn Battuta, Onbmeşinci yüzyıl başlarında Schiltberger'e ait abartılı nüfus verileri için bkz. [5, s. 82].

Şehirsel mekan anlayışında sorduğumuz soruyu nüfus bahsinde de tekrarlamalıyız. Osmanlılar eline geçtikten sonra Kefe'nin nüfus kompozisyonu tümünden bir değişme uğramış mıydı, yoksa, bazı değişimlerle eski kompozisyonunu muhafaza mı etmişti?. Gilles Veinstein'e katılarak, şehrin fethedilmesi esnasında aman ile teslim olan nüfusun büyük bir kayba uğramadığını düşünüyoruz [5, s. 94]. Aşağıda görüleceği üzere şehrin Müslüman olmayan nüfusunun tedricen azalması söz konusudur. Kefe'nin Müslüman nüfusu, 1520 tarihlerinde 5644, 1542 tarihlerinde ise 7419 olarak tespit edilmiştir. Söz konusu nüfusun, ilk tarihte 1325'i, ikinci tarihte ise 1125'i vergi harici, yani muaf nüfustan oluşuyordu. Vergi harici tutulan nüfusun tamamına yakınının ilmiye ve askeri sınıflarına ait nüfus olduğu rahatlıkla belirtilebilir [33].

1520'de Kefe'nin nüfusunun büyük kısmı Müslüman olmayanlardan meydana geliyordu. Şehir içindeki mevkileri kesin olarak belirtilmiş olmamasına rağmen, bazı kayıtlardan, Rum ve Ermenilerden oluşan gayr -i Müslim nüfusun İç Kale, Dış Kale ve varoş olarak da tanımlanan Toprak Kale'de Müslümanlardan ayrı olarak tanzim edilmiş kendi mahallelerinde yaşadığı anlaşılmaktadır. Müslümanlarda cami, mescit ve kurucularının isimlerinden oluşan mahalle adları, Ermeni ve Rumlarda, cemaat adları veya cemaat liderlerinin adlarıyla anılıyordu. 1520 tarihlerinde Kefe'de 7358 Ermeni ve 2756 Rum nüfusu olmak üzere toplam 10114 adet Hristiyan nüfus yaşıyordu. Kefe'de bunlardan başka, 55 adet Yahudiyan – 1 Efrenc, 442 adet Cemaat-ı Yahudiyan, 59 adet Cemaat – ı Çerkesan – ı Otuzlar (Yahudi), 171 adet Cemaat – ı Rusyan olmak üzere 727 adet gayr – ı Müslim nüfus bulunuyordu. Cemaat – ı Yahudiyan ismiyle kaydedilen zümrenin Karay Türkleri olduğu anlaşılmaktadır [33, s. 266, 268]. Hristiyanlara Yahudi, Karay, Çerkes ve Ruslar eklendiğinde toplam gayr – ı Müslim nüfusun 10841 olduğu anlaşılmaktadır., Ermenilerin Rumların yaklaşık üç katı olduğu görülüyor ki, Balard'ın yaptığı mukayeseyi taratışmalı hale getirdiği açıktır.

1542 tarihinde Kefe'nin 14 adet gayr/i Müslim mahallesi veya cemaatına Trabzonlular cemaatı eklenmiştir. Nüfus toplam olarak 8174'e gerilemiştir [33, s. 271]. Müslüman nüfusun ciddi olarak artmasına rağmen, gayr – ı Müslimlerin trajik olarak düşüşü söz konusudur. Kefe'nin bir İslam – Türk şehri olarak geliştiğini rahatlıkla belirtebiliriz.

Osmanlılar Zamanında Kefe'nin Etnik ve Dini Dağılımı [33, s. 274].

Topluluklar	1520	%	1542	%
Müslüman	5644	34	7419	46
Ermeni	7358	45	5778	35
Rum	2756	17	2396	15
Diğer cemaatler	727	4	703	4
Toplam	16485	100	16296	100

Balard'ın 1386'larda 20000 olarak verdiği nüfusun yaklaşık 150 yıl sonra 16000'lere düşmesi trajik bir gerilemeye işaret etmektedir. Bu gerilemenin sebeplerini farklı açılardan irdelemek gerekir. 1290'larda Kefe nüfusu içinde Latin – batılı nüfus adedi 1544 olup bunun % 79'unu Latin – Liguria nüfusu meydana getiriyordu. Kefe nüfusu içerisinde batılı Latinlerin son derece azınlık oldukları görülüyor [5, s. 83]. Ermeni ve Rum nüfusunda da belirgin azalma olmakla beraber, Ceneviz zamanındaki nüfusun Osmanlılar zamanındaki düşüşünü izah edecek boyutta değildir. Kefe'nin Cenevizliler zamanında 20000 olan nüfusunun normal bir seyir izlemesi halinde, Osmanlılar zamanında en az 80000'lere çıkmış olması gerekirdi.¹⁰ Böylesine bir nüfus kaybını, Kırım Hanlığı'nın gelişmesi sürecinde Kefe nüfusunun teşkil eden gayr- i Müslimlerin tedricen şehirden ayrılmalari ile açıklayabiliriz. Dikkate alınması gereken diğer husus, Latin kaynaklarının kesin verileri içermemesi, istatistiki bir nitelik taşıması, tahmini verilere dayanmasıdır. Osmanlı arşiv kaynakları ise kesin istatistiki veriler sunmaktadır [5, s. 94].

Ceneviz'den Osmanlı'ya Kefe'nin İdari ve Mali Yapısı

Ceneviz'in doğudaki koloni yönetimlerinin daimi bir değişim ve gelişim içinde olduğu görülmektedir. Kolonilerin başına atanan en yüksek amirler ilk safhada papazlardan veya vikontlardan seçilmiştir. XIII. Yüzyıldan itibaren Pera ve Kefe örneklerinde iyice belirginleştiği şekilde, “podesta” ve “konsül” şehrin en yüksek amiri olmuştur. Kefe, Dominik tarikatına bağlı Katolik diyosezi (diocés) tarafından yönetilirdi [29, s. 5]. Podesta veya konsül, ihtiyaca göre oluşturulmuş çeşitli komisyonları idare ederdi. Şehrin adalet, maliye, ticaret, güvenlik ve benzeri ihtiyaçlarına göre farklı komisyonlar mevcut idi [7, s. 354, 355].

Kefe konsüllüğünün varlığı hakkındaki ilk belgeler 1281 tarihlidir. Bu tarihte konsül podesta'nın altında yer alıyordu. 1300'de podestanın vesayetinden kurtulmuş ve özerlik kazanmıştır. Kefe'nin hukuksal kökleri askeri ve dini nitelikli idi [39, s. 18]. Ancak, Kefe konsülünün yaptığı işlerle ilgili belgelerden anlaşıldığına göre, tarih içinde hukukçu veya askerden ziyade ekonomik karakteri ağırlık kazanmıştır. Kendisi de tüccar olan Kefe konsülü ilişkilerinin bozulduğu şehir veya yönetimlere ekonomik ambargo koyma tehdidinde bulunuyordu [7, s. 368–369]. Konsül, Pera'daki podesta gibi, Komün hükümeti tarafından (merkezi Ceneviz hükümeti) bir yıllığına atanırdı ve genellikle görevi uzatılmazdı. Kefe'nin tüm yönetimi Ceneviz'in tam bir kopyası idi. Bir yıllığına seçilen ve bir delege (vicarius) tarafından vekalet edilen konsül yönetimin başı olarak politik kararları alır, silahlı kuvvetleri kumanda eder ve hakimlik görevini yürütürdü. 1453'e kadar

¹⁰ Türklerin Kefe'yi zaptettiği aşamada yapılan sayıma göre Kefe'de 8000 hane ve 70000 nüfus olduğu belirtilir [29, s. 4]. Balard – Veinstein Florentine'lı tüccar Benedetto Dei'ye ait bu bilginin abartılı rakamlar içerdiği görüşündedirler [5, s. 83]. Balard'ın verdiği 1385-86'ya ait 20000 kişilik nüfustan hareket edildiğinde yüz yıla yakın sürede bu artış normal kabul edilebilir.

Officium Gazariae (Khazaria – Crimea)¹¹ adı verilen, Genova’da oturan ve onun atanmasına karar veren bir organa bağlı idi [29, s. 5]. Askeri varlığı olan Kefe garnizonu, Ceneviz’in Karadeniz’deki diğer kolonilerine askeri yardım ve destek yapmakla görevli idi [7, s. 370]. Şimdiye kadar yalnız siyasi olaylarla ilgili olarak verilen “tudun”un Kefe nüfusu içinde yaşayan Tatar nüfusunun mali ve hukuki haklarının korunmasından sorumlu olduğu bu noktada hatırlanmalıdır. Kanaatimize göre Kefe konsüllüğü ister tam özerklik anlayışında olsun, ister Officium Gazariae tarafından yönetilsin, Altınordu ve Kırım Hanlığı’na bağlı tudun’un yetki alanına müdahale etme hakkına sahip değildi. Tudun’un yetkileri ikili antlaşmalar ile garanti altına alınmıştı.¹²

Podesta ve konsül yerli ve yabancı halkla ilgili ceza verme ve infaz etme yetkilerini kendisinde taşıyordu. Atanma aşamasında Ceneviz yasalarına göre adaleti sağlayacaklarına yemin eden podesta ve konsülün verdiği kararlar ancak merkeze bağlı *syndic* adı verilen organ tarafından temyiz edilebilirdi.¹³ Suçluların yakalanması ve adalete teslim edilmesi güvenlik güçlerinin işi idi. Gece bekçileri kamu güvenliğini sağlar, ölüm ve yaralanma vakalarında gerekli müdahaleleri yapar, konsül veya podesta’nın askerlerinin yürüteceği soruşturmanın ön bilgilerini toplardı. Kötü biten bir kavga sonunda suçlu görülen taraf derhal tutuklanır, podesta ve konsülün adamlarına teslim edilir, askerlerden oluşan görevliler olayları soruşturma işini yürütürlerdi. Ceneviz hukukunda işkence uygulaması vardı, işkence uygulaması yargıcın bulunduğu ortamda tatbik edilmek zorunda idi. Ceza kararı podesta veya konsül’e aitti. Hırsızlık cezaları, para cezası, kırbaçla dövme, kulağını veya başka bir uzvunu kesme, kızgın demirle dağlama gibi uygulamaları içermektedir. Daha ağır suçlarda başın kesilmesi suretiyle ölüm cezası uygulanırdı. Suçluların cezaları halkın önünde uygulanır, suçlular infaz edilme aşamasında halkın göreceği adalet sütunu önüne götürülürdü. Sivillerle ilgili davalar çok fazla miktarda olduğundan onları podesta ve konsüle bağlı alt komisyonlar yürütürdü. Karar mercii yine podesta ve konsül idi [7, s. 432–433].

Officium Gazarie, Pera’da 1308 ve 1317’de yapıldığı gibi, 1316’de Kefe’nin idari sistemini tanımlayan bir kanun yapmıştı [6, s. 36; 7, s. 357]. 1270’lerden itibaren Ceneviz’in Karadeniz kıyılarında kurmuş olduğu tüm koloniler, konsülleri aracılığı ile Pera’daki podestaya tabi idi. “Caput Gazarie” olarak nitelenen ve özerkliğini elde etmiş olan Kefe tek istisna idi. XIV. yüzyılda Pera’daki podestanın gerileyişine paralel olarak Kefe konsülünün yükselişi söz konusudur [5, s. 84].

¹¹ Gazarie, İtalyanların Kırım’a verdikleri isimdir [4, s. 8].

¹² Osmanlı’nın Kefe’yi fethetmesiyle sonuçlanan seferin açılmasında en önemli rolü Kırım’ın Kefe tudunu olan Eminek oynamıştı. Şirinlerin beyi olan Eminek Mirza Fatih’i sefer yapmaya davet etmişti [17, s. 185–229].

¹³ Ceneviz merkezi hükümeti, Officium Gazarie, yani Kefe, kanun ve adalet bakımından üst düzeyde dejenerasyona uğrayan yönetimlerin başında geliyordu. Konsül ve üst organı Sindicamento, kendi kanunlarına uyma sorumluluğu duymuyordu [24, s. 36; 7, s. 431].

Pera Karadeniz konsüllerinden ancak Sinop'u muhafaza etmiş görünürken, Amasra (Amastris) ve Samsun (Simisso)'un Kefe konsülünün otoritesi altında olduğu görülmektedir. Pera'nın statüsünün düşmesi ve Kefe'ninkinin yükselmesi, iktisadi güç ile alakalı idi. XV. yüzyılın başında Kefe Pera'dan daha fazla vergi ödemişti [29, s.360]. 1343'de ekonomik gücü doruğuna çıkan Kefe, "tüm Gazarie'li Cenevizlilerin konsülü" payesini kazanmıştı. Bu tarihlerden itibaren Pera ve bazı istisnalar haricinde Ceneviz'e tabi olan tüm Karadeniz kolonileri Kefe'ye bağlanmıştı. Samsun, Cembalo, Trabzon, Samastri, bütünüyle Kefe konsülünün denetimine girmiş idi [7, s. 373].

Konsül, iki danışma organının yardımı ile kasabayı ve kolonileri yönetirdi. Bu organlardan birisi belediye hakimlerinden (magistrates) oluşan, "Concilium Octo Antianorum" isimli konsül, diğeri daha geniş, çeşitli idari işlerden sorumlu kurum üyelerinden meydana gelen konsül idi [29, s. 6]. Kefe konsüllüğü 24 adet üyeden oluşan büyük konsey, bunlar içinden seçilen 6 kişilik küçük konsey olmak üzere iki ana yapıdan oluşurdu. Büyük konsey, kendi içinden 6 kişilik küçük konseyi belirlerdi. Bunlar konsülün en yakın idari elemanları idi. Altılar konseyi denilen bu organ tümüyle soylu Cenevizlilerden oluşmak zorunda idi. Kefe konsüllüğünün adalet, maliye, finansman işleri bu altılar konseyi tarafından yürütülürdü. Konsülün naibi tüm alanlarda konsülün yardımcılığını yürütürdü [7, s. 371]. Yüksek hacimli işe ve büyük meblağlı para organizasyonları dört üyeli "Officium Provisionis", "Officium Monetæ" ve benzeri kurullar tarafından onaylanmalıydı [29, s. 6]. Kefe konsülünün astları, zabıt katipleri, muhasebeciler, defterciler, tellallar, adalet subayları, tercümanlar, mübaşirler, lisan hocaları, hekimlerden oluşmaktaydı. Askeri görevliler, mahalle, sur, deniz işlerine göre ayrı ayrı tanzim edilmişti. Kefe'de kalabalık gemi muhafızları bulunmaktaydı [7, s. 373].

Kefe, Osmanlı hakimiyetine geçtikten sonra kısa bir süre şehzade sancağı oldu ve akabinde orta düzeyli bir sancak olarak sancakbeyi uhdesine verildi. XVI. yüzyılın ikinci yarısında ise Beylerbeyilik statüsünü kazandı.¹⁴ Sancak beyi ile konsülün mukayesesı öğretici olacaktır. Osmanlı tarih otoriteleri sancağı Osmanlı Devleti'nin temel idari ünitesi olarak belirlemişlerdir. Fatih Sultan Mehmet'ten itibaren Osmanlı anayasal sisteminin temel prensiplerini belirleyen padişah kanunnameleri ve sancak kanunnameleri tanzim edilmiştir. Sancak kanunnameleri, ait olduğu sancağın tüm hukuki mevzuatını belirleyen temel hukuk külliyyatıdır. Söz konusu mali, idari mevzuatın sancaklar adına tanzim edilmesi sancağın temel idari birim olduğunu ortaya koyan verilerden biridir [22, s. 233].

XVII. Yüzyıl ortalarına kadar devam eden Osmanlı klasik sistemi içinde sancağın yürütmeden sorumlu amirinin sancakbeyi, yargıdan sorumlu amirinin ise kadı olduğu

¹⁴ Ceneviz zamanında Kefe'nin Tatar nüfusunu temsilen Kefe'de bulunan tudun ile aynı fonksiyonu yürütmek üzere Osmanlı zamanında da Kefe'de Kırım hanına bağlı bir kadı bulunuyordu. Bu husus, Kırım Hanlığı'nın Ceneviz zamanındaki haklarını Osmanlılar zamanında da koruduğunu gösteriyor. [33, s. 264; 5, s. 106].

genel olarak kabul edilmiş ise de, kadının görev sahasının yargı ile sınırlı olmadığı, yürütme, maliye ve bürokrasi ile de ilgili olduğu belirlenmiştir [12, s. 1266 –1274]. Kadının mali, idari, mülki işlerden sorumlu olduğu hakkında arşiv kayıtlarında yeterli bilgi bulunmaktadır. Mühimme defterleri ve kadı sicillerine dayanılarak yapılan araştırmaların ortaya koyduğuna göre, kadının görev sahasını kesin olarak tanımlamak mümkün değildir. Kadı, yargıdan mali işlere, bürokrasiye uzanan her alanda merkeze arz sunmak ve merkezden gelen emirleri uygulamakla sorumlu idi. Osmanlı taşra örgütünde yargı görevini yürüten kadının kendi başına ceza verme, infaz etme gibi yetkileri yoktu. Cezanın nevi ve boyutunun taktiri kesinlikle merkezden belirleniyor, infaz edilmesi ise duruma göre merkez veya taşrada yapılabiliyordu.¹⁵

Sancakbeyi Osmanlı şehrinin tüm güvenlik birimlerini yöneten, şehir güvenliği ile ilgili kadının aldığı tedbirleri yürürlüğü koyan, savaş zamanlarında emrindeki tüm askeri birimlerle emredilen yer ve zamanda hazır bulunmakla yükümlü idi. Sancak beyinin nezaret ettiği sancak divanları bulunuyordu. Sancak divanlarında istihdam edildiği tespit edilen tezkireci, çavuş, muhızır, ruznamçeci, katip gibi elemanlar bulunuyordu [33, s. 183]. Sancak divanlarının işleyişi, yapısal fonksiyonları hakkında bilgi edinilebilecek defterler ya mevcut olmamış, ya da günümüze ulaşmamıştır. Sancakbeyleri görev alanlarına giren her konuda merkeze bilgi vermekle yükümlü idiler. Taşradan merkeze ulaşan bilgiler genellikle "arz", "mektub" veya "mühürlü tezkire" formlarıyla iletilmişlerdir [31, s. 191]. Osmanlı merkez ve taşra organlarının koordineli şekilde çalışmasını, söz konusu bilgi akışını sağlayan mekanizmalarda aramak gerekir. Bu bağlamda yalnız sancakbeyi değil, tüm taşra yönetim birimleri merkeze muntazam bilgi akışı sağlamakla yükümlü idiler. Merkez taşra hakkındaki tüm kararlarını, hukuki direktiflerini bu bilgiler doğrultusunda gerçekleştirirdi.¹⁶

Sancağın gelir ve giderlerinin yönetimi ve kayıtlarıyla ilgili yüksek otoritesi olan nazır veya hassa harç emini sancakbeyinden bağımsız idiler [33, s. 184]. Merkezden taşraya mali konularla ilgili olarak gönderilen hükümlerin muhatabı nazır veya hassa harç emini idi. Mali konularda nazır yetkili olmasına rağmen, sancakbeyi ona yardımcı olmakla yükümlü idi [33, s. 190].

Osmanlı hakimiyetinde kadı, muhtesip ve altılar meclisi, nazır, hassa harç emini uhdesinde yürütüldüğü görülen maliye ve adalet mekanizması, Ceneviz zamanında 24 kişilik üyeden oluşan ve konsül nezaretinde çalışan konsüllük uhdesinde idi. Adli, mali, askeri konuların tamamı bir bütün olarak konsülün nezaretinde çalışan konsüllüğün elinde idi [33, s. 190]. Türk şehir yönetiminde ise bu mekanizmalar parçalanmış ve her biri kendi içinde müstakil olmak üzere merkezi yönetim kurumu olan Divan – ı Hümayun’a bağlanmış idi.

¹⁵ Bu yöndeki arşiv kayıt örnekleri için bkz., Kefe, Mankub, Soğdak kadılarına, 26 Ağustos 1567 tarihli hüküm, [9, VII, 43 / 124]. Kefe beyine, 22 Ekim 1565 tarihli hüküm, [9, V, Tıpkıbasım, 17 / 423; 33, s. 210].

¹⁶ Bahsdelen merkez – taşra ilişkisi hakkında tüm Mühimme Defter kayıtları kaynak niteliğindedir.

Türk şehirciliğinin mali – beledi teşkilatının en önemli elemanı muhtesiptir. Abbasilerden beri İslam şehir – pazar idaresinde rol oynadığı gözlenen muhtesibin asli görevi pazar yerindeki tüm ticari – iktisadi işlemlerin hukuka uygun olup olmadığını denetlemek idi. İhtisap Türk – İslam şehirlerinde şehrin her türlü üretim ve pazarlama alanını kuşatan ve esnafın her türlü faaliyetini kapsayan geniş bir mali alandır. Kefe tahrir defterlerinde ihtisap rüsumu ile ilgili uygulamalar ihtisap başlığı altında ayrıntısı ile verilmiştir. Kefe kanunnamelerinde İhtisaptan sorumlu olan muhtesibe de yer verilmiştir. Kefe’de İhtisap rüsumu, cezalardan alınan vergiler, bal ve yağ gibi gıda maddeleri, et, balık, hububat, taze meyve, esir, ölçme ve tartma, nakliye, nikah gibi ürünler ve işlemlerden alınan vergilerden meydana geliyordu [21, s. 53; 33, s. 232, 233, 342, 343].

Belediye ve Pazar alanına giren ihtisap uygulamalarında muhtesip dışında daha pek çok aktör yer alıyordu. Pazar işleyişinde üretici esnaf, tüketici halk ve bu iki aktörün iktisadi ilişkisini yöneten devlet olmak üzere üç farklı aktör rol oynuyordu. Şimdiye kadar ele alınan kadı, muhtesip ve ona bağlı güvenlik örgütü devleti temsil ediyordu. Üretim işinden sorumlu olan aktör, türleri altmışı aşan esnaf idi. Üretici sınıflar anlamına gelen esnaf, şehrin tüm gıda, meyve, kap – kakak, çalışma hayatında ihtiyaç duyulan alet, giyim alanında kullanılan her türlü tekstil ürününü üreten ve pazarlayan kesimlerden oluşurdu. Esnafın örgütlenmesi, Osmanlı’da da bir esnaf şeyhi, bir kethüda, bir yiğitbaşı, bir işçibaşı, ve iki ehl-i hibredan meydana gelen ve altılar meclisi adı verilen unsurlardan oluşurdu [12, s. 1272; 18, s. 216; 33, s. 235].

İdari ve hukuki açıdan Ceneviz ve Osmanlı uygulamalarını kısaca mukayese etmek yararlı olacaktır. Ceneviz ile Osmanlı uygulaması arasında dikkat çeken en belirgin farklılık, konsül ve sancak beyinin yetkilerindeki farklılıktır. Konsül hem idari, hem de yargı – adalet işlerinden sorumlu idi. Konsül yargıçların yürüttüğü tahkikat sonunda cezayı taktir etme ve infaz etmek yetkisine sahipti. Osmanlı’da ise sancakbeyi askeri, kadı ilmiye olmak üzere farklı sınıfsal köklere sahip idiler. Osmanlı idari sistemi sancak beyi ve kadıya yalnız tahkikat yetkisi vermiş, ancak, cezanın taktir yetkisini kendisinde tutmuştur. Şimdiye kadar kadının yargı ve cezalandırma göreviyle ilgili olarak binlerce şeriiye sicili transkripsiyona tabi tutulmuş, ayrıntılı dökümleri yapılmış, ancak, kadının suçları tespit etme dışında, bu suçları işleyen faillere hangi ceza verdiği hususunda bir bilgi bulunamamıştır. Buradan anlaşıldığı kadarıyla Osmanlı hukukunda cezanın tayini kesin olarak padişah’a ait idi.

Kefe’de Ceneviz’den itibaren süreklilik gösterdiği tespit edilen “altılar meclisi”, üzerinde durulması gereken önemli bir mali yapıdır. Ortaçağ’da Ceneviz hakimiyetindeki Kefe’ye ait esnaf teşkilatlanma anlayışının Yeniçağ başlarında Kefe’de Osmanlı hakimiyetinde devam ediyor olması çarpıcı bir süreklilik olgusudur. Altılar meclisinin Ceneviz dışında modern öncesi Avrupa şehir yapılarında görülüp görülmediğinin tespiti oldukça öğretici olacaktır.

Osmanlı Kefe'sinde mali yapının devamlılık arzettiği diğer alan, metroloji idi. Hemen hemen tüm ölçü ve tartı birimlerinin Ceneviz ile devamlılık gösterdiği tahrir ve muhasebe defterlerinde yapılan tedkikat sonunda tespit edilmiştir [33, s. 354–361].

Mali yapıda Ceneviz döneminden Osmanlı'ya doğru devam eden bazı süreklilik unsurlarının İktisadi alanda da devam ettiği görülecektir.

Altınordu'dan Osmanlı Dönemine Kefe Parasının Seyri

Altınordu zamanında Kırım'da cari olan paranın tarihi Berke Han'a kadar inmektedir. Ceneviz zamanında Kefe'nin dahil olduğu para sistemi, Gazarie akçesi (aspres) olarak nitelenen, saum ya da sommo isminde bir gümüş para idi. Üretildiği yere göre sıfatı değişen bu akçe, Kefe'de baricat akçe idi [7, s. 658]. Bu unvan, paralarının üzerine Arapça yazılar koyduran Berke Han (1257 – 1267)'ın ismini göstermektedir. 1290'larda bir sommo 120 aspre'ye denk düşüyordu. Tatar akçesi olarak belirtilebilecek olan aspre, tüm Tatar ülkelerinde ve Latin hakimiyetine tabi yerlerde kullanılan saygın, sağlam bir para idi [7, s. 659].

1329'dan itibaren noter belgelerinin verilerine göre Altınordu'nun Kefe'de kullanımda olan parasında ciddi değer kayıpları yaşanmıştı. 1333'de bir sommo'dan 120 akçe değil 150 akçe elde ediliyordu. 1340'larda ise bir sommo 190 aspre ediyordu. 1344'lerden sonra artık baricat akçesi yerine bir sommo'ya 200 oranında kesilen 1,09 gram saf gümüş içeren yeni akçeden bahsediliyor. Anlaşıldığı kadarıyla Altınordu parası yarım yüzyıl içinde % 40 değer kaybına uğramıştır [7, s. 660].

Kefe'deki hazinedarlar maaş ödemeleri ve diğer önemli ödemelerde sommo'yu esas almışlar, gerçek para'yı (piyasa değeri ile gerçek değeri aynı olan kullanımdaki para) ise ödemelerde kullanmışlardır. Hesap parası ve gerçek para olarak da nitelendirilen bu iki para, birinden diğerine geçişte hususi hesaplar kullanılırdı. Bunlar, hazinenin kar etmesini sağlardı. Sommo, 1391'de 150, 1399'da 193, 1409'da 200 ile 237 arasında akçe'ye denk düşmekteydi. Sürekli değer kaybına uğrayan Altınordu parasından dolayı zarara uğrayan Kefe konsülü Han'ı temsil eden Solhat beyi Kottolboğa (Kutlu Boğa?) ile yaptığı görüşmelerde Cenevizlilerin zararını engellemek için Altınordu parasının değerinin yükseltilmesini istemiş, ancak, bu talep karşılık bulmamıştı [7, s. 661].

Kefe konsülü bunun üzerine para darbına baş vurmuştur. 1423'ten itibaren geçerli olan bu paranın bir yüzünde Ceneviz kapısı ve Kefe'nin adı, diğer yüzünde ise tamga veya Tatar hanlarına ait Arapça rakamlar, Arapça harflerle isim, unvan bulunuyor, bu suretle çift dilli bir para birimi oluyordu. 1,10 gram ağırlığında olan bu akçe'nin 200 adedi bir sommoya denk düşmekte ve 1409 – 1410 yıllarının resmi muhasebelerinde esas alınmaktaydı [7, s. 662].

Ceneviz, Venedik ve dünyanın her yerinde gümüş paranın rayicinin altına göre

belirlendiği bilinmektedir. XIII. yüzyılın sonlarından XV. Yüzyılın başlarına kadar geçen dönemde gümüşün altına oranı 1/ 9 ile 1/ 24 arasında değişmiştir [7, s. 649, 650]. Venedik'in florin ve ducat, Ceneviz'in genovino, ve Bizans'ın hyperperé isimli altın paraları kullanılmıştır [7, s. 644].

XIV. yüzyılın sonu ve müteakip yüzyılın başlarında Ceneviz hakimiyetindeki Kefe'nin bütçe gelirleri Balard tarafından ayrıntılı şekilde tespit edilmiştir. Bu tespitlere göre Kefe'nin 1402 tarihindeki toplam gelirleri içinde gümrüğün payı (aspre olarak) 417.611, vergiler 887.411, topluluğun muhtelif malları, 55.750, para cezasından elde edilen gelirlerin payı 23.861, tahıl üzerinden edilen karın payı 35.725 aspre idi. Bu kalemlerin bütçe içindeki yekunu 1.420.358 aspre idi [7, s. 420].

Kırım sahasında Altınordu zamanında Kefe'den başka Solhat ve Azak'ın da yaygın para darbı yapılan yerler olduğu belirlenmiştir [1; s. 47; 43, s. 111; 32, s. 210; 23, s. 86, 87; 33, s. 362]. Altınordu, Ceneviz, Kırım Hanlığı ve Osmanlılar zamanında Kefevi akçe olarak varlığını devam ettiren gümüş sikkenin Barikat akçesi olduğu belirtilebilir. Sözkonsu akçenin sembolik figürü olan dişli yabanın Hazarlardan itibaren kullanılan, Ceneviz zamanında da muhafaza edilen bir sembol olduğu anlaşılmaktadır [1, s. 52, 148].

Osmanlılar zamanında Kefevî akçe ismiyle anılan bu para tarih içinde bir çok farklı türlere sahip olacaktır. Kefevi akçenin rayici Osmanî akçeye, Osmanî akçenin rayici ise sikke – i hasene adı verilen Osmanlı altınına göre belirlenirdi. Osmanlı altını “altın”, “sikke – i hasene” veya “sultanî” isimleriyle anılırdı. Venedik dukasına “hasene – i Efrenciyye”, Mısır altınına ise “hasene – i Eşrefiyye” denilirdi [38, s. 227; 14, s. 70; 33, s. 370]. Ceneviz zamanında olduğu gibi hesap akçesi daima Osmani akçe olmuştur. Bu nedenle bütçe gelir ve giderlerinde rakamlar daima Osmani ve Kefevi olarak ayrı ayrı verilirdi. Değişik tarihlerde Kefevi akçenin Osmani'ye oranı 1 / 2, 1 / 5, 1 / 3, 1 / 10, 1 / 12, 1 / 20, 1 / 24, 1 / 40, hatta, 1578 – 1579'larda 1/48'e kadar düşmüştür [33, s. 361–364]. Bu oranlar ile Ceneviz zamanındaki oranlar arasında belli bir paralellik kurulabilir. Aspre Kefevi, sommo ise Osmani akçe ile mukayese edilmelidir [20, s. 186]. Kefevi Akçe Osmani akçe karşısında değer kaybına uğradığında eski akçelerden ayırd edilebilmesi için isimlerinde bazı değişikliklere gidilmiştir. Bu suretle, tarih içinde, Kefe, Kefevi, Kefe-i cedit, Kefe-i atik, cedit-i kadim-i Kefevi, cadid-i halis – i Kefevi gibi farklı Kefevi akçe türleri ortaya çıkmıştır [33, s. 364].

1520 tarihinde Kefe bütçesi olarak tanımlanabilecek bir yıllık gelirler içinde gümrüğün payı 790000; esirin payı 690000; Osmanlılar zamanında genel olarak ihtisab kalemi içinde değerlendirilen üretim , pazar ve kira gelirlerinin payı 1120499; cizye, ispenç, öşür, ceza gibi vergi gelirlerinin payı 71113 Osmanî akçe idi. Kefe'nin Ceneviz ve Osmanlılar zamanındaki iktisadî yapısı göz önünde bulundurulduğunda gümrük, esir ve vergi gibi temel gelir dilimlerinin toplam gelir içindeki paylarının paralel seyir izlediği görülmektedir. Osmanlılarda ihtisab olarak nitelenen Pazar, üretim ve diğer vergi gelirleri Ceneviz zamanında olduğu

gibi toplam bütçe içinde en büyük paya sahip olma durumunu koruyordu [33, s. 382].

Ceneviz'den Osmanlı'ya Kefe'nin Ticari Yapısı

Balard, Karadeniz havzasının ticari örgütlenme ve yönetim merkezlerinin tarihsel safhalarına ışık tutan önemli tespitlerde bulunmuştur. 1290'lara kadar Ceneviz'in büyük ticari imparatorluğunun yönetim merkezi Pera idi. Oysa, XIV. yüzyıl boyunca Pera'nın yerini ve fonksiyonlarını Kefe üstlenmiştir. Yani, Kefe, kuzeyde Baltık havzası, uzak doğuya entegre Don – Volga havzaları, güneyde Tebriz üzerinden Uzakdoğu'ya bağlı tüm kuzey Anadolu limanlarını bünyesinde toplayan Karadeniz havzasının ticari anlamda idare merkezidir [7, s. 141].

Astarhan – Tana yolunun zayıflamasına kadar Kefe merkezli uluslar arası ticaret, yerli halklarla evrensel ticari aktörler arasındaki ilişkilere dayanıyordu. Pera ve Kefe'deki batılılar arasında Cenevizliler ve Venediklilerden başka Katalanlar, Floransalılar yer alıyordu. Büyük sermaye ve güç sahibi kişilerden çıkmış olan bu batılıların yerli ortakları Tatarlar, Yunanlılar, Ermeniler, Alanlar ve başka yerli halklara dahil tüccarlardan oluşuyordu. Batılılar genellikle şarap ve kumaş satın ipek, tahıl, balık, kürk, inci ve köle satın alıyorlardı. XIV. yüzyıl boyunca ticaret ve ticari aktörler bu şekilde devam edecektir [7, s. 156].

Kefe, Anadolu'daki pek çok şehirden, özellikle Samastri (Amasra)'den tahıl alıyordu. 1386'larda Kırım'daki Tatar yönetiminin merkezi olan Solhat (Solgat)'a rakip olmuştu. İki merkez arasında daimi mücadele mevcuttu. Bahsedilen tarihlerde Solhat ile Kefe savaş yapmıştı [7, s. 130]. Kefe, hemen hemen tüm Ceneviz kolonileri ile ticari ilişki içinde idi. Kefe ile Sinop Karadeniz'in kuzeyden güneye uzanan ulaşım hattını teşkil ediyordu. Tana – Kefe üzerinden yapılan köle sevkîyatının Anadolu'ya çıkış hattı Sinop idi. İstanbul ve Anadolu istikametine sevk edilmek üzere doğudan ve kuzeyden getirilen esirler Kefe'de gümrük (commercion) vergisine tabi tutulurdu. Kefe'nin en önemli gelir kaynakları arasında yer alan commercion'dan kaçmak için tüccarlar bazen Kefe gümrüğüne girmeyerek Azak üzerinden Anadolu'ya çıkış yaparlardı. 1387'de Sinoplu bir tüccar gümrükten kurtulmak için Kefe'ye uğramadan Azak'tan Sinop'a çıkmıştı. Hemen her yerde olduğu gibi, ikili bir yönetim içinde yönetilen Sinop kolonisinin Türk tarafına ait temsilcisi Ceneviz yönetimini gümrük kaçağı hususunda uyarmış ve vergilendirilmesini sağlamıştı. Gümrükten kaçan şahıs Sinop koloni konsülüne 21 sommi vergi ödemek zorunda kalmıştı. Kefe'yi atlayarak Sinop'a ulaşan kişiyi ele veren görevli "Sinop başı" olarak zikrediliyor ki, Sinop'un Türkleri temsil eden amiri olarak düşünülebilir [7, s. 131]. Bu bilgilerden, Türk tarafı ile Ceneviz tarafı arasında iktisadi bir ilişkinin de mevcut olduğu anlaşılabilir.

Kefe'nin kuzey ve güney Karadeniz limanlarını ticari bakımdan birbirine entegre ettiği üzerinde durulmuştu. Bu entegrasyon yalnız ticari alanda değil, idari alanda da mevcut idi. Kefe ile kuzey Anadolu limanları arasındaki idari ve

ticari ilişkiyi en iyi belgeleyen bilgiler Simisso (Samsun) ile ilgilidir. 1302'den itibaren Cenevizli konsül tarafından yönetilen Simisso kolonisinin askeri ve idari masraflarını Kefe komünü karşılıyordu. Simisso, Kefe konsülünün talimatları doğrultusunda, iç hinterlandtan sağladığı arpa, darı, bakla ve nohuttan oluşan yükünü Kefe'ye göndermekten sorumlu idi. Simisso'nun müstakil bir koloni olmadığı, idari bakımdan Kefe'nin Anadolu'daki ayağı olduğu anlaşılmaktadır [7, s. 133].

Trabzon'un da aynı ticari ve idari ağ ile Kefe'ye bağlı olduğu anlaşılmaktadır. Tebriz'de de Ceneviz kolonisi mevcut idi. Tebriz ile Trabzon arasında XIV. yüzyıl boyunca işlekliliğini devam ettiren ticaret, Trabzon ve Tebriz'i Kefe'ye bağlayan bir nakliye ve ticaret köprüsü idi. Tebriz'de Ceneviz ticari faaliyetinin kökleri 1300'lere inmektedir. Bu tarihten itibaren gelişen Ceneviz -Tebriz ticareti yüzyılın ortalarına doğru tıpkı Kefe'de ve diğer yerlerde olduğu gibi ipek ve baharat ticaretini kendi tekeline almayı başarmıştı. Trabzon'un böylesine işlek olan ipek baharat merkezine entegre olması, kuzey ve doğu Anadolu refahı açısından önemli bir şans olmalıdır. Trabzon, Simisso, Tebriz ve diğer limanlarda Ceneviz'in böylesine aktif olabilmesi, XIV. yüzyılın kendine has siyasal şartlarına bağlı olduğu kuşkusuzdur [6, s. 31–54]. 1243 sonrasında Anadolu'da tam anlamıyla parçalanmış siyasi yapı egemen idi. Osmanlıların siyasi kudreti merkezi yapıyı tesis etme gücünde değildi. Trabzon Rum İmparatorluğu, Akkoyunlu, İran hanlıkları arasındaki dengelenmiş siyasi güç, Cenevizlilerin yükselmesinde rol oynayan en önemli faktör idi [7, s. 140, 141].

Kafkasya Kefe tüccarları için başlıca esir kaynağı Kafkasya idi. Tüccarlar erkek ve kadın Çerkes ve Gürcü asıllı köleleri buradan satın alıyorlardı. Kafkasya menşeli aşiretler arasında sık sık baş gösteren katliamlarla dolu iç çatışmalar bitmek tükenmez esir temin ediyordu. Dahası, 16. Yüzyılda fakir aileler çocuklarını bu tüccarlara satıyorlardı ve bu trafik hemen hemen bir yüz yıl öncesinde de mevcut idi. Kefe, Kuzey ve doğu istikametlerinden kendisine ulaşan kölelerin Mısır, Avrupa, Bizans istikametlerinde dağıtım merkezi idi [29, s. 10; 7, s. 289].

Kefe'den dağıtımı yapılan nüfusun etnik menşeleri hakkında Ceneviz noter satış belgelerinde bilgiler bulunmaktadır. Abhaz, Laz, Çerkes menşeli köleler çoğunlukta idi. Az sayıda Kuman menşeli köleler de bulunuyordu. Kefe'de kayıtlara geçtiği kadarıyla toplam köle nüfusunun % 44'ünü Çerkezler, %23'ünü Lazlar,% 11'ini Abhazlar, % 3,5'ünü Kumanlar oluşturuyordu. Bahsedilen köleler büyük oranda Kefe'ye yakın olan Kafkas illerinden gelmekteydi. Kefe'de Latinlerin satışa sunduğu köleler arasında Hristiyanlar da bulunuyordu. Papa'nın yasaklamasına rağmen Hristiyan köle ticaretinin yine Hristiyan Latinler tarafından yapıldığı çok sayıda belge ile ıspatlanmıştır [7, s. 290–291].

Kölelerin fiyatları yaş ve cinsiyete göre değişiklik gösteriyordu. 1289 – 90 tarihlerinde 12 yaşında bir oğlanın fiyatları, 300, 430, 500, 675 aspre arasında değişiyordu. 1291'de bir Çerkes kızı Ceneviz'de düzenlenmiş noter belgesine göre

18 Ceneviz livresine (=7,5 denier, 575 aspre) satılmıştı. Bu yaştaki kölenin fiyatı Kefe’de 470 aspre değerinde idi. Aradaki fark, Kefe’nin ilk dağıtım yeri ile varış yerindeki farkı göstermektedir.

XIV. yüzyılda köle fiyatlarında bir artış gözlenmektedir. Balard bunun sebebinin köle arzının azalması ve talebin artmasından değil Ceneviz parasının değer kaybından kaynaklandığı görüşündedir. Bu suretle, 1386’da orta yaşlarda iki kölenin satış fiyatı 670 ve 725 aspre; açık artırmayla satılan genç bir köle 900 aspre idi. Bundan 11 yıl sonra ise genç bir Tatar kızının satış fiyatı 1000 aspre olarak belirlenmişti. Kefe’de bir yılda satılan köle miktarını hesaplamada ölçü olarak köle başına tahsil edilen toplam vergi miktarı kullanılmıştır. Buna göre Kefe’de 11 ay içinde 1365 kölenin satıldığı anlaşıyor. Yıl bazında bunun 1500 kadar olduğu tahmin edilebilir. Ceneviz’in Karadeniz kolonilerinde elde ettiği en büyük karı teşkil eden köle ticaretinde vergiden kaçmak isteyen tüccar, zaman zaman Tana’yu çıkış yeri olarak kullanabilmekteydi [7, s. 295–302].

Ceneviz zamanında bir ucu Çin – Hindistan, diğer ucu Avrupa’nın uzak bölgelerine uzanan ticaretin dağıtım alanı olan Kefe, Osmanlı hakimiyetinde Karadeniz’in kapalı bir havza haline gelmesiyle lojistik örgütlenme merkezi haline gelmiştir [40; 238]. Bununla beraber, Karadeniz tümüyle uluslararası ticarete kapanmamış, Kefe’nin kuzey – güney havzaları ile Ceneviz vasıtasıyla gerçekleştirdiği ticaret, şimdi, Osmanlı’nın büyük coğrafyası ve nüfusu arasındaki ticari ilişkiye dönüşmüştür [33, s. 483–512; 37; s. 105].

Ceneviz zamanında Kefe, Karadeniz havzasının ticari başkenti olarak tüm güney – kuzey karadeniz limanlarını hem idari, hem de ticari bakımdan yönetiyordu. Yani, Kefe ile hinterlandı arasındaki ilişki idari ve ticari bir ilişki idi. Osmanlılar zamanında ise Kefe, kendine bağlı beş – altı kazanın merkezi sancağı olarak kalmış, başka sancakların idari yapısında bir yetkisi olmamıştır. Bu tür ilişki zaten Osmanlı sancak – eyalet anlayışına aykırı idi. Osmanlı’nın sancak üstü yönetimi olan eyalet, askeri ve idari bir yönetim birimi idi [27, s. 201].

Ceneviz’in Kefe merkezinde kuzey – güney limanları ile idari ve ticari zorunluluklarla kurmuş olduğu ilişkilerin ticari boyutu Osmanlılar zamanında daha etkin ve aktif şekilde devam etmiştir. Kefe ile aynı süreçte fethedilen Akkirman ve Kili gibi Tuna ağzı limanları Orta Avrupa ve Baltık sahasından seyreden ticaretin Karadeniz üzerinden Osmanlı başkentine ulaşmasını sağlarken Kefe ve Azak Moskova ve Volga ötesi ticaretin İstanbul’a sevki hususunda değişmez merkezler olmuşlardır [19, s. 278].

Kefe ile Anadolu şehirleri arasındaki ticaret iki kademede yürütülüyordu. Orta, batı Anadolu ve Ege şehirlerinin ticari ürünleri ile Kefe arasındaki bağı kuran temel çıkış ve giriş yeri Sinop idi. Sinop’un Ceneviz zamanında da aynı fonksiyonu üstlendiğine yukarıda değinildi. İstanbul, İnebolu, Ankara, Konya, Sivrihisar, Beyşehir gibi şehirlerin Kefe’ye geçiş üssü Sinop olmuştu [20, s. 114]. Ceneviz zamanında idari bakımdan da Kefe’ye bağlı olan Samsun(Simisso), Osmanlı

zamanında Amasya, Merzifon ve Karahisar gibi iç Anadolu şehirlerinin Kefe ile olan iktisadi ilişki üssü haline gelmişti. Karadeniz'i Kefe'ye bağlayan en önemli ticari üslerden birisi de Trabzon idi [20, s. 114].

Kefe ile Anadolu şehirleri arasında buğday, un, darı, pirinç, zeytin, üzüm, fındık, ceviz, odun, kereste, hasır gibi ürünler ithalat – ihracat ilişkisine sahip idi. Kefe ile bahis konusu ürünlerin ticaretinin gerçekleştiği Anadolu illerinin Bartın, Bayburt, Ankara, Sinop, İstanbul, İzmir, Yunanistan, Tokat, Trabzon, Bursa ve Küre illeri olduğu tespit edilmiştir [33, s. 486]. Bahsedilen ürünlerin çıkış ve giriş yerlerinin neresi olduğu hakkında kesin bilgi bulunmamakla birlikte bunların büyük oranda Anadolu'dan Kefe ve etrafındaki şehirlere gittiği belirtilebilir.

Kefe ile Anadolu limanları arasında gayet aktif şekilde devam eden ticaret, havyar, balık yağı, pastırma, tereyağı, ve peynir ürünleri idi. Bunların da çıkış ve giriş yerleri açıklanmamış olmasına rağmen büyük çoğunlukla Azak, Taman, Kefe gibi limanlardan Anadolu'ya sevk edildiğini anlayabiliyoruz [20, s. 122].

Anadolu şehirlerinden Kefe gümrüğüne girdiği görülen bir ürün alanı da pamuklu tekstil ürünleri idi. Pamuk, dülbent, iplik, kirbas, çadır, yorganlık, döşek yüzü, battaniye, makrama, destar (türban), mücevveze (türban), kündeki gibi tekstil ürünleri Kefe gümrüğüne girmişti. Bunların tamamının Keyseri, Bursa, Kastamonu, İstanbul, Ankara, Samsun, Amasya, Merzifon, Küre, Kastamonu, Sinop, Bolu, Karaman, Niğde, Denizli, Uşak, Gördes gibi Anadolu kentlerinden Kefe'ye giden ürünler olduğunu belirtebiliriz. Bu tablo içinde yer alan müslin(dülbent), tek istisna olarak İran çıkışlı idi [33, s. 488].

Kefe ile Anadolu limanları arasında aynı aktiflik ve yoğunlukta ipekli ve yünlü kumaş, keten, deri, kürk, baharat, boya, şap, şeker gibi tekstil ve gıda ürünleri ve bakır, kalay, demir, çelik yapımı her türlü alet, kap kacak ürünleri ticaretinin gerçekleştiği görülmektedir [33, s. 488].

Kefe'nin en aktif ticari alanı olan köle – esir ticaretinin Osmanlılar zamanında devam ettiği görülüyor. Esir ticaretinin yıllık hacminin tarafımızdan yapılan son değerlendirmelere göre Ceneviz zamanındaki boyutlarına yakın olduğu gözlenmiştir.

Sonuç

Kefe din, dil, mezhep ve kültür bakımından ayrı pek çok devlet ve topluluğun şehrsel mekanı olmuştur. Ceneviz öncesinde büyük bir şehrsel nitelik taşımayan, hatta, Soğdak'ın gerisinde olan Kefe'nin Ceneviz tarafından tarihe armağan edilen ticari bir antrepo olduğu araştırmamızın ulaştığı sonuçlardan biridir. Ceneviz Kefesi ile Osmanlı Kefesi arasında şehrsel mekan, nüfus, üretim, esnaf örgütlenmesi, ticari örgütlenme gibi alanlarda tarihi devamlılık olduğu gözlenmiştir. Kefe, tarihsel devamlılık noktasında en önemli model örneklerden birisidir. Şehrin mekan örgütlenmesi, surları, kuleleri, büyük değişime uğramaksızın Osmanlı zamanına intikal etmiştir. Şehrin Ceneviz zamanında çok etnik yapılı olan nüfusu,

Osmanlı zamanında da aynı etnik çeşitliliğini devam ettirmiş, Osmanlı öncesinde Rumların gerisinde olan Ermenilerin Osmanlılar zamanında en büyük gayr – i Müslim nüfusu oluşturduğu arşiv verileriyle tespit edilmiştir. Osmanlıların şehri kılıçla değil amanla almış olmaları vakıasından hareketle, yerli nüfusta savaştan kaynaklanan toplu kayıp olmadığı sonucuna varılmış, buna rağmen Müslüman olmayan nüfusun önemli oranda azaldığı gerçeğine dikkat çekilmiştir. Kefe Osmanlılar zamanında Karadeniz'in kapalı bir iktisadi alan haline gelmesinden etkilenmiş, ancak, iktisadi canlılığını ve önemini yitirmemiştir. Ceneviz zamanında Kefe'nin esnaf teşkilatında önemli yeri olan altılar meclisinin Osmanlılarda da gözlenmiş olması bahsedilen devamlılık olgusunun en canlı örnekleri arasındadır. Ceneviz zamanında kuzey Anadolu liman kentleri ile iç Anadolu şehirlerini ticari olarak entegre etmiş olan Kefe, aynı fonksiyonunu Osmanlılar zamanında da devam ettirmiştir. Ticaretin aktörlerinin ve unsurlarının da hemen hemen aynı niteliklerini koruduğu en çarpıcı tespitler arasındadır. İtalyan kaynaklarına göre Kefe'nin ihraç ettiği yıllık esir sayısının 1365 olduğu tespitinden hareketle, esir hacminin Osmanlılar ile hemen hemen aynı seviyede olduğuna vurgu yapılmıştır.

KAYNAKLAR

1. *Ağat, Nurettin*. Altın Ordu (Cûcioğulları) Paraları Kataloğu (1250–1502). İstanbul, 1976. 184 p.
2. *Atti Della Società Ligure di Storia Patria*. Volume II, Parte II, Yayınlayan, Cornelio Desimoni, Genova, MDCCCLXII.
3. *Atti Della Società Ligure di Storia Patria*. Volume XIX, Fascicolo I, Luigi Tommaso Belgrano, Genova, MDCCCLXXXVIII.
4. *Atti Della Società Ligure di Storia Patria*. Iscrizioni Genovesi in Crimea ed in Constantinopoli, Volume: LVI, Genova, MCMXXVIII.
5. *Balard, Michel - Veinstein Gilles*. Continuité ou changement d'un paysage urbain ? Caffa génoise et ottomane. Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. 11e congrès, Lyon, 1980. pp. 79–131.
6. *Balard, Michel*. Gênes et la mer Noire (XIIIe – Xve siècles). *Revue Historique*, T. 270, Fasc. 1 / 547 Juillet-Septembre, 1983. pp. 31–54.
7. *Balard, Michel*. La Romanie Genoise (XIIe – Debut du XVe Siecle). I, II, Rome, 1978. 1008 p.
8. *Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA)*. Tapu Tahrir Defteri (TTD). No: 370, 214.
9. *Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA)*. Mühimme Defteri. V, VII.
10. *Bayezid Kütüphanesi*. Veliyüddin Efendi Kitaplığı. No: 1969.
11. *Bratianu, George I*. La mer Noire des origines à la conquête ottomane. München, 1969. 394 p.
12. *Ergenç, Özer*. Osmanlı Şehirlerinde Yönetim Kurumlarının Niteliği Üzerine Bazı Düşünceler. VIII Türk Tarih Kongresi (Ankara 11 – 15 Ekim 1976). Kongreye Sunulan Bildiriler, II, Ankara, 1981. s. 1266–1274.

13. *Fisher, Alan*. Crimean Tatars. California, 1978. 264 p.
14. *Galip, İsmail*. Takvim - i Meskûkat - ı Osmanîyye. İstanbul, 1307. 503 p.
15. *Hasan, Abdullahoğlu*. Ceneviz menbalarına göre XV asır Kırım Hanlığı I-II. Azerbaycan Yurt Bilgisi, İstanbul, 1932, X. s. 332–338; XI. pp. 372–378.
16. *İbn Bibi*. El Evamirü'l - Ala 'iye Fi'l – Umuri'l Ala' iye (Selçuk Name). / Haz. Mürsel Öztürk, Ankara, 1996. 730 p.
17. *İnalcık, Halil*. Yeni Vesikalara Göre Kırım Hanlığının Osmanlı Tabiliğine Girmesi ve Ahidname Meselesi, Belleten, VIII /30, Ankara, 1944. s. 185–229.
18. *İnalcık, Halil*. The Ottoman Economic Mind and Aspects of the Ottoman Economy. The Ottoman Empire, Conquest, Organization and Economy, Collected Studies, London 1978, X, s. 207–218.
19. *İnalcık H., Quataert D.* An Economic and Social History of the Ottoman Empire 1300 – 1914. Cambridge, 1994. 1026 p. + XXXI, maps.
20. *İnalcık, Halil*. Sources and Studies on the Ottoman Black Sea, Vol. I, The Customs Register of Caffa 1487 – 1490, Cambridge – Massachusetts, 1996. 216 p.
21. *İnalcık Halil*. Seçme Eserleri: İslamiyet ve Devlet / Ed. Emre Yalçın, İstanbul, 2016. 256 p.
22. *İpşirli, Mehmet*. XVI asrın ikinci yarısında kürek cezası ile ilgili hükümler. İÜ E. Tarih Enstitüsü Dergisi, XII, 1981–1982'den ayrı basım, İstanbul, 1982. s. 203–248.
23. *Kafalı, Mustafa*. Altın Orda Hanlığı'nın Kuruluş ve Yükseliş Devirleri, İstanbul, 1976. 169 s.
24. *Karpov, S. P.* New Documents on the Relations between the Latins and the Local Populations in the Black Sea Area (1392–1462). Dumbarton Oaks Papers, Vol. 49, Symposium on Byzantium and the Italians, 13th – 15th Centuries. 1995. pp. 33–41.
25. *Kurat, A. Nimet*. Topkapı Sarayı Arşivindeki Altınordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul 1940. 212 s.
26. *Kurat, A. Nimet*. Türkiye ve İdil Boyu. Ankara, 1966. 271 s.
27. *Kılıç, Orhan*. Van Eyaleti'ne Bağlı Sancaklar ve Hukuki Statüleri. Osmanlı Araştırmaları, XXI, 2001. s. 189–210.
28. *Venegoni, Laura*. A Medieval Enameled Beaker from the Staryi Krym Area (Eastern Crimea, Ukraine). Journal of Glass Studies, 54, 2012, pp. 253–256.
29. *Malowist, Marian*. Kaffa – kolonia genuenska no Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475. Varsovie, 1947. pp. 311–313.
30. *Manz, Beatrice Forbes*. The Clans of the Crimean Khanate. Harvard Ukrainian Studies, II / 3, Cambridge, 1978, pp. 282–309.
31. *Mete, Zekai*. Osmanlı Taşrasında Bürokratik Muamelat: Sancakbeyi Belge ve Defterleri. Osmanlı Araştırmaları, XIX, 1999. s. 181–221.
32. *Mübârek Mehmet*. Meskûkat - ı Kadîme - i İslamiyye Kataloğu. İstanbul, 1318.
33. *Öztürk, Yücel*. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). İkinci Baskı, İstanbul, 2014. 568 p.

34. *Öztürk, Yücel.* Doğu Avrupa Mirasının Son Kalesi Kırım Hanlığı. / Ed. Yücel Öztürk, İstanbul, 2015, s. 13–53.
35. *Öztürk, Yücel.* From Tavrıda To Crimea: The Terms Of Crimea And Karaim In Historcal And Etymological Perspectives. Uluslararası Karay Çalışmaları Sempozyumu Bildirileri (5-8 Nisan 2010) / Ed. Mehmet Alpargu, Yücel Öztürk, Bilal Çelik, Bilecik, 2011, s. 111–131.
36. *Öztürk, Yücel.* Halil İnalcık'ın Kırım Tarihi ve Osmanlı Kuzey Siyaseti Araştırmalarına Katkıları. Her Yıl Bir Büyük Türk Bilgi Şölenleri Prof. Dr. Halil İnalcık / Ed. Yusuf Oğuzoğlu, Selçuk Kırılı, Bursa, 2016, s. 164–168.
37. *Öztürk, Yücel.* Karadeniz Ticari Ağları ve Kefe. Archivum Ottomanicum, 34, 2017, s. 89–109.
38. *Sahillioğlu, Halil.* XVII asrın ilk yarısında İstanbul'da tedavüldeki sikelerin rayici. TTK Belgeleri Dergisi, I / 2, s. 227–233.
39. *Skrzinska, Elena.* Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. Atti Della Società Ligure di Storia Patria, Iscrizioni Genovesi in Crimea ed in Constantino-poli, Volume: LVI, Genova, MCMXXVIII, s. 1–135.
40. *Slater, Eric.* Early Western Expansion in the Late Medieval World, 1261–1475. Review (Fernand Braudel Center), Vol. 29/3, 2006, s. 271–283.
41. *Vásáry, Istvan.* Cumans and Tatars Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans 1185 – 1365. Cambridge 2005, 248 p.
42. *Vasiliev, Alexander Alexandrovich.* The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936, 293 p.
43. *Yakubovskiy A. Yu.* Altınordu ve Çöküşü. / çev. Hasan Eren, Ankara, 1992.

Кафа – восточноевропейская столица в эпоху Золотой Орды и Османской империи

Юджель Озтюрк

(Университет Сакаръя)

Аннотация. Кафа не была обычным городом, а представляла собой некую столицу данного региона. Заголовок определен исходя из этого понятия во время написания работы.

Данная статья была изначально основана на идее рассмотрения Кафы в доосманский период. Однако, когда труды Балара, Вайнштейна, Маловиста и моя монография были проанализированы, стала ясна картина Кафы в различные периоды. В связи с этим было принято решение провести сравнительное исследование.

В начале статьи рассматриваются архитектура, улицы и население Кафы.

Далее уделяется внимание различиям в административной и финансовой структуре города в генуэзский и османский периоды. В завершение проведено сравнение полученной информации об экономическом, финансовом и коммерческом устройстве в различные периоды.

Ключевые слова: Кафа, Османская империя, Крым, Золотая Орда, торговля, население, деньги, закон, Черное море.

Для цитирования: Озтюрк Ю. Кафа – восточноевропейская столица в эпоху Золотой Орды и Османской империи // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 45-70. DOI: 10.22378/kio.2019.1.45-70

Сведения об авторе: Юджель Озтюрк – доктор философии, профессор отделения истории факультета естественных наук и филологии Университета Сакарья (Kemalpaşa Mahallesi, Üniversite Cd. Esentepe Kampüsü, 54050 Serdivan / Sakarya, Turkey); yozturk@sakarya.edu.tr

An Eastern European capital city of Caffa from Golden Horde period to Ottoman Empire

Yudzhel' Oz'tyurk

(Sakarya University)

Abstract: The present article was initially based on the thought of evaluating Kefe's pre-Ottoman period. The title shaped itself during the writing process. Kefe was not indeed an ordinary city, but a continental capital city. We have determined the title from this understanding.

As Balard, Veinstein, Malowist, and my monograph were analyzed in the later stages of the writing process, the situation of Kefe between the pre-Ottoman and the Ottoman periods became evident. In accordance with these analyses, a change in the scope of the article was made and the idea of comparison was determined as the central idea.

At this stage, the effort to revive the protected and lost elements of Caffa in different periods of sovereignty emerged all by itself. This tendency became a totally dominant conception after some period, and I felt free to compare Caffa of Genoese and the Ottoman period. In this sense, I have reevaluated Michel Balard and Gilles Veinstein's comprehensive essay on the subject of "continuity and change" that I had reviewed before, but I had not focused on.

The present study at first examines the historical phases of Caffa from an administrative and legal point of view, and then analyzes the organization of the

space and the demographic structure in the urban perspective. In the following stages, the data obtained about the economic, financial and commercial structure in the Genoese and Ottoman periods are analyzed comparatively.

Keywords: Caffa, Ottoman, Crimea, Genoese, Golden Horde, Trade, Population, Money, Law, Black Sea.

For citation: Oz'tyurk Y. An Eastern European capital city of Caffa from Golden Horde period to Ottoman Empire. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.45-70. DOI: 10.22378/kio.2019.1.45-70

REFERENCES

1. Ağat Nurettin. *Altın Ordu (Cücioğulları) Paraları Kataloğu (1250–1502)* [Catalogue of coins of Juchids]. İstanbul, 1976. 184 p.
2. *Atti Della Società Ligure di Storia Patria* [Acts of the Ligurian Società di Storia Patria]. Volume II. Part II. Cornelio Desimoni, Genoa MDCCCLXII.
3. *Atti Della Società Ligure di Storia Patria* [Acts of the Ligurian Società di Storia Patria]. Volume XIX. Dossier I. Luigi Tommaso Belgrano. Genoa MDCCCLXXXVIII.
4. *Atti Della Società Ligure di Storia Patria, Iscrizioni Genovesi in Crimea ed in Constantinopoli* [Acts of the Ligurian Society of Homeland history, Genoese inscriptions in the Crimea and Constantinople]. Volume LVI. Genoa MCMXXVIII.
5. Balard Michel, Veinstein Gilles. *Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa génoise et ottomane* [Continuity or change of the urban landscape? Caffa, the Genoese and the Ottoman]. *Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public. 11e congrès* [Acts of congresses of the society of medieval historians of Higher Education. 11-th Congress of the]. Lyon, 1980. Pp. 79–131.
6. Balard Michel. *Gênes et la mer Noire (XIIIe – XVe siècles)* [Genoa and the Black sea (XIII–XV centuries.)]. *Revue Historique* [Historical Review]. T. 270. Fasc. 1 / 547 Juillet-Septembre 1983. Pp. 31–54.
7. Balard Michel. *La Romanie Genoise (XIIe – Debut du XVe Siecle)* [Genoese Romania (12th-early 15th century)]. Rome, French School of Rome. 1978. 2 Vol. In-8. 1008 p.
8. Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA) [Ottoman archive under the Prime Minister of the Republic of Turkey]. Tapu Tahrir Defteri (TTD) [Land tax census]. No 370, 214
9. Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA) [Ottoman archive under the Prime Minister of the Republic of Turkey]. Mühimme Defteri [The registers of the important Affairs]. V. VII.
10. Bayezid Kütüphanesi [The Library Of Istanbul]. Veliyüddin Efendi Kitaplığı [Library of Valiuddin Effendi]. No 1969.
11. Bratianu George I. *La mer Noire des origines à la conquête ottomane* [The Black Sea from the origins to the Ottoman conquest]. München, 1969. 394 p.
12. Ergenç Özer. *Osmanlı Şehirlerinde Yönetim Kurumlarının Niteliği Üzerine Bazı Düşünceler* [Reflections on the specifics of government in the Ottoman cities].

VIII. *Türk Tarih Kongresi (Ankara 11 – 15 Ekim 1976) Kongreye Sunulan Bildiriler II* [Collection of materials (articles)], Ankara, 1981. Pp. 1266–1274.

13. Fisher Alan. *Crimean Tatars*. California. 1978. 264 p.

14. Galip İsmail. *Takvim - i Meskûkat - ı Osmanîyye* [Catalogue of Ottoman Coins]. İstanbul. 1307. 503 p.

15. Abdullaho in the XV century on the materials of Genoese sources], *Azerbaycan Yurt Bilgisi* [Azerbaijani local lore]. İstanbul, 1932. X, pp. 332–338; XI, pp. 372–378.

16. İbn Bibi. *El Evamirü'l - Ala 'iye Fi'l - Umuri'l Ala'iye (Selçuk Name)* I. Translator Mürsel Öztürk. Ankara, 1996. 730 p.

17. İnalcık Halil. *Seçme Eserleri. İslamiyet ve Devlet* [Selected works. Islam and the State], Ed. Emre Yalçın. İstanbul, 2016. 256 p.

18. İnalcık Halil. The Ottoman Economic Mind and Aspects of the Ottoman Economy. The Ottoman Empire, Conquest, Organization and Economy, Collected Studies. London, 1978. X, Pp. 207–218.

19. İnalcık Halil, Quataert Donald. An Economic and Social History of The Ottoman Empire 1300–1914. Cambridge, 1994. 1026 p. + XXXI, maps.

20. İnalcık Halil. Sources and Studies on the Ottoman Black Sea, Vol. I, The Customs Register of Caffa 1487–1490. Cambridge – Massachusetts, 1996. 216 p.

21. İnalcık Halil. *Yeni Vesikalara Göre Kırım Hanlığının Osmanlı Tabiliğine Girmesi ve Ahidname Meselesi* [Crimea under Ottoman rule and the dispute over the conclusion of the agreement, based on the new documents]. *Belleten*, VIII /30. Ankara, 1944. Pp. 185–229.

22. İpşirli Mehmet. *XVI asrın ikinci yarısında kürek cezası ile ilgili hükümler* [Norms (decrees) concerning penal servitude in the second half of the XVI century]. *İÜ E. F. Tarih Enstitüsü Dergisi* [Journal of the Institute of history]. XII, 1981–1982'den ayrı basım. İstanbul, 1982. Pp. 203–248.

23. Kafalı Mustafa. *Altın Orda Hanlığı'nın Kuruluş ve Yükseliş Devirleri* [The period of emergence and prosperity of the Golden Horde]. İstanbul, 1976. 169 p.

24. Karpov S. P. New Documents on the Relations between the Latins and the Local Populations in the Black Sea Area (1392–1462), *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 49. Symposium on Byzantium and the Italians, 13th – 15th Centuries. 1995. Pp. 33–41.

25. Kurat A. Nimet. *Topkapı Sarayı Arşivindeki Altınordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına Ait Yarluk ve Bitikler* [Labels and bits of the khans of the Golden Horde, Crimea and Turkestan in the Museum archive of Topkapı Palace]. İstanbul, 1940. 212 p.

26. Kurat A. Nimet. *Türkiye ve İdil Boyu* [Along Turkey and Volga region]. Ankara, 1966. 271 p.

27. Kılıç Orhan. Van Eyaleti'ne Bağlı Sancaklar ve Hukuki Statüleri [Legal status of territories (regions) belonging to the province of van], *Osmanlı Araştırmaları* [Ottoman studies]. XXI. 2001. Pp. 189–210.

28. Venegoni Laura. A Medieval Enameled Beaker from the Saryi Krym Area (Eastern Crimea, Ukraine). *Journal of glass studies*. 54 (2012). Pp. 253–256.

29. Malowist Marian. *Kaffa – kolonia genuenska no Krymie i problem wschodni w latach 1453–1475* [Kaffa is a Genoese colony in the Crimea and Eastern problem in 1453–1475 years]. Warsaw, 1947. Pp. 311–313.

30. Manz Beatrice Forbes. The Clans of the Crimean Khanate. Harvard Ukrainian Studies. II / 3. Cambridge, 1978. Pp. 282–309.
31. Mete Zekai. *Osmanlı Taşrasında Bürokratik Muamelat: Sancakbeyi Belge ve Defterleri* [Bureaucracy in the Ottoman provinces: documents and books of sancakbey (governors)]. *Osmanlı Araştırmaları* [Ottoman studies]. XIX. 1999, Pp.181–221.
32. Mübârek Mehmet. *Meskûkat - ı Kadîme - i İslamiyye Kataloğu* [Coin catalog]. İstanbul, 1318.
33. Öztürk Yücel. *Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600)* [Kafa in the Ottoman state]. Second edition. İstanbul, 2014. 568 p.
34. Öztürk Yücel. *Doğu Avrupa Mirasının Son Kalesi Kırım Hanlığı* [Crimean Khanate is the last fortress of Eastern European heritage]. Ed. Yücel Öztürk. İstanbul, 2015. Pp. 13–53.
35. Öztürk Yücel. From Tavrida To Crimea: The Terms Of Crimea And Karaim In Historcal And Etymological Perspectives. *Uluslararası Karay Çalışmaları Sempozyumu Bildirileri (5–8 Nisan 2010)* [Proceedings of the International Symposium on the study of Karaites (5 April 2010)]. Ed. Mehmet Alpargu, Yücel Öztürk, Bilal Çelik. Bilecik, 2011. Pp. 111–131.
36. Öztürk Yücel. *Halil İnalcık'ın Kırım Tarihi ve Osmanlı Kuzey Siyaseti Araştırmalarına Katkıları* [The contribution of Khalil Inalcik in the study of history of the Crimea and Ottoman policy in the North]. *Her Yıl Bir Büyük Türk Bilgi Şölenleri Prof. Dr. Halil İnalcık*. Ed. Yusuf Oğuzoğlu, Selçuk Kırılı. Bursa, 2016. Pp. 164–168.
37. Öztürk Yücel. *Karadeniz Ticari Ağları ve Kefe* [The role of Kaffa in the Black Sea trade]. *Archivum Ottomanicum*. 34. 2017. Pp. 89–109.
38. Sahillioğlu Halil. *XVII. Asrın ilk yarısında İstanbul'da tedavüldeki sikelerin rayici* [The current values of coins circulating in Istanbul during the first half of the 17 th century]. *TTK Belgeleri Dergisi* [Journal of documents of the Turkish historical society (Institute)]. I / II. Pp. 227–233.
39. Skrzinska Elena. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée [Latin Inscriptions of the Genoese colonies in the Crimea]. *Atti Della Società Ligure di Storia Patria, Iscrizioni Genovesi in Crimea ed in Constantinopoli* [Acts of the Ligurian Society of Homeland history, Genoese inscriptions in the Crimea and Constantinople]. Volume LVI. Genoa MCMXXVIII. Pp. 1–135.
40. Slater Eric. Early Western Expansion in the Late Medieval World, 1261–1475. Review (Fernand Braudel Center). Vol. 29 / 3. 2006. Pp. 271–283.
41. Vásáry Istvan. Cumans and Tatars Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans 1185–1365. Cambridge, 2005. 248 p.
42. Vasiliev Alexander Alexandrovich. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts. 1936. 293 p.
43. Yakubovskiy A. Yu. *Altınordu ve Çöküşü* [The Golden Horde and its fall]. Çev. Hasan Eren. Ankara, 1992.

About the author: Yudjel Ozturk – Doc. Sci. (Philosophy), Professor at the Department of History, Faculty of natural Sciences and Philology, Sakarya University (Kemalpasha block, University Avenue, Esentepe campus, 54050 Serdivan/Sakarya, Turkey); yozturk@sakarya.edu.tr.

«Крымское искусство»: о малоизвестных аспектах набеговой деятельности крымских татар и ногайцев

Амет-хан Шейхумеров

(Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. Нападения крымских татар на украинские, русские, польские, черкесские, молдавские земли, проводимые с различной интенсивностью на протяжении трех веков, оказали большое влияние на историю Восточной Европы. Набеги (чапулы) вызывались разными причинами: идеологическими, политическими, социальными, экономическими, при этом роль последних традиционно преувеличивается рядом историков. Нападения на соседние страны были важной составляющей внутренней жизни Крымского ханства, участие в них – предметом гордости, способом обогащения, повышением своего статуса в обществе.

Несмотря на разрушительные последствия вторжений крымской и ногайской конницы для населения региона, было бы ошибочным представлять набеги лишь как однообразные грабежи. Благодаря многочисленным источникам известно, что во время набегов люди могли спасти себя не только посредством бегства или самозащиты, но и сотрудничая с нападающими. И подданные крымских ханов и их жертвы были в первую очередь живыми людьми. Это приводило к ситуациям, когда жертвы могли спастись благодаря собственной находчивости, коммуникабельности и готовности помогать крымцам и ногайцам, которые, в свою очередь, применяли различные методы обращения с враждебным населением. Помимо преобладающего типа отношений (насилия) они иногда гуманно обращались с некоторыми людьми (в первую очередь женщинами).

Ключевые слова: Восточная Европа, коллаборационизм, крымские татары, Крымское ханство, набеги, рабство.

Для цитирования: Шейхумеров А. А. «Крымское искусство»: о малоизвестных аспектах набеговой деятельности крымских татар и ногайцев // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 71-95. DOI: 10.22378/kio.2019.1.71-95

Российский востоковед В. Д. Смирнов метко назвал набеги «крымским искусством» [36, с. 66]. Именно эта сторона крымскотатарской культуры была наиболее известной современникам. Чапулы (мы используем аутентичный татарский термин как синоним слова «набег» [23, с. 420]), проводимые силами Крымского ханства, оказали колоссальное влияние на историю, демографию, внешнюю и внутреннюю политику стран Центрально-Восточной Европы и Кавказа. Масштабные перемещения населения привели к изменениям в быте, психологии, культуре целых народов, способствовали формированию этнических и религиозных стереотипов, не до конца преодоленных по сей день. Историки традиционно обращали внимание на оборону соседних стран от набегов, страдания населения, угоняемого в неволю, вопросы выкупа из рабства и т. д. Однако при всем многообразии и объеме исследований некоторые темы остаются малоизученными. Целью данной работы является освещение ключевых причин набеговой активности крымских татар, проблематика сотрудничества части населения с татарами и малоизвестные последствия чапулов.

Причины набегов. Анализ причин рейдовой активности войск Крымского ханства является весьма обширной темой. Считаем возможным выделить четыре основные группы, дав краткое описание каждой из них.

Экономические. Массовое поступление рабов способствовало оздоровлению экономики, помогало справиться с последствиями голода, неурожая и т. д. Здоровые и красивые рабы – особенно молодые девушки – высоко ценились на невольничьих рынках, использовали их и в хозяйстве. Однако следует оговориться, что популярный тезис о набеге как основе существования крымских татар не имеет под собой научной базы. Это утверждение никогда не сопровождается пояснениями, позволяющими понять, каким образом исследователь пришел к соответствующему выводу. К примеру, Д. И. Прохоров без ссылок на источники пишет, что «наибольший доход за всю историю существования Крымского ханства приносила торговля рабами» [28, с. 397]. Аналогично – одной фразой без каких-либо расчетов экономического характера – определяет роль набегов М. Б. Кизилов: «работоторговля была краеугольным камнем крымской экономики в Раннее Новое время» [55, р. 5–6]. Часто цитируемые сведения о большом количестве захватываемых рабов не дают сами по себе никакой информации о важности работоторговли, так как плохо изучены другие сектора экономики (неизвестны доходы рядовых жителей ханства от скотоводства, земледелия, изготовления и реализации ремесленных изделий и т. д.). Не говоря уже о том, что часть невольников погибала в пути (особенно это было актуально во время зимних нападений, а также в тех случаях, когда в пути заканчивался скот, употребляемый в пищу), и между числом захваченных и доведенных до Крыма людей существовала определенная разница.

Отметим, что до сих пор не известно, каким был средний доход обычной крымскотатарской семьи при каком-либо хане и какую долю от этого дохода составляла прибыль, полученная от продажи ясырей или их трудовой эксплуатации. Невольников следовало содержать за счет хозяина, их отпускали на свободу после нескольких лет службы, а не эксплуатировали до самой старости, что наглядно показывает способность крымцев обходиться без рабского труда. Во время набегов кони часто калечились и гибли, вместе с тем в начале XVII в. невольник в Крыму стоил 20–50 золотых (эквивалентно стоимости 2–3 коней) [30, с. 195], следовательно, вопрос прибыльности нападений заслуживает более детального изучения.

Имеющиеся сведения по османской части Крыма показывают, что в 1520 г. налоговые поступления от продажи рабов составили 23,5% всех доходов [48, р. 143], в 1577–1578 гг. – 29% [53, р. 283–284]: величины, без сомнения, внушительные, но вряд ли способные подтвердить тезис о «набегах как основе существования». Неудивительно, что сторонники гипотезы о «набеговой экономике» намеренно игнорируют вышеприведенные данные. Добавим также, что постоянными нападения стали не с 1441 г. (воцарения Хаджи I Гирея на крымском престоле), а лишь с 1470-х гг. В первые годы существования ханства, в период между 1446 и 1460 гг., через Каффу было продано лишь 404 раба. Стоит согласиться с В. П. Гулевичем, считавшим, что «такие цифры не подтверждают главенство работорговли в хозяйстве татар Крымского улуса/ханства в исследуемое время» [14, с. 104]. В XVIII в. масштаб и эффективность чапулов сильно снизились по сравнению с предыдущими веками [12, с. 209–210], тем не менее нам не известны доказательства того, что уровень жизни крымскотатарского населения в этом столетии сколь-нибудь существенно снизился.

При этом не следует забывать, что степное население проживало в Крыму и ранее. В течение двух столетий, с XIII по XV вв., во время пребывания в составе Золотой Орды, крымчане не знали массовых ежегодных набегов на славянские земли (без учета походов с военно-политическими целями и отдельных чапулов местных удальцов). Более того, с 1530-х гг., с правления Сахиба I Гирея, в Крыму активизируются процессы седентаризации, в то же время интенсивность набегов неуклонно росла. Складывается на первый взгляд парадоксальная ситуация – чем больше в ханстве было кочевого населения, тем меньше было набегов. Чем больше население оседало на землю, тем более частыми становились набеги. К примеру, по подсчетам И. О. Ворончук, на протяжении XV–XVI вв. крупное нападение татар на Волынь происходило раз в три года, в первой половине XVII в. – раз в два года [8, с. 415]. Аналогично обстояли дела и в случае с Россией: во второй половине XVI в. набегов на нее обрушилось значительно больше, чем в первой половине этого же столетия, что было связано в первую очередь с причинами политического характера. Таким образом, утверждение, что интенсивность чапулов была

вызвана особенностями скотоводческого хозяйствования, не представляется нам верным. Сколь ни важен был для экономики приток рабов, основой существования для крымских татар он не был. Реальное значение набегов как фактора, влияющего на функционирование экономики Крымского ханства, еще предстоит выяснить.

Религиозные. Полагаем, что большую роль в воинственности жителей крымского государства играл религиозный фактор. С точки зрения исламского права (шариата), все страны мира делились на Дар ас-салям (земля мира) и Дар аль-харб (земля войны). В первую категорию входили страны, признающие верховенство шариата, во вторую – страны, его не признающие. Согласно исламскому вероучению, мусульмане имели право вести перманентную войну против «земли войны». В военизированном крымскотатарском обществе право на перераспределение собственности из соседних немусульманских стран в пользу мусульман силовым путем считалось само собой разумеющимся делом. По словам польского историка О. Гурки, «татары считали полностью естественным и нормальным положение, когда «неверные», даже за пределами султанской власти, должны были платить упоминки бедным, но энергичным крымцам, а если не хотели платить добровольно, то они брали их в походах грабительских либо военных, просто благодаря своему национальному характеру, ибо любили войну!» [52, р. 292]. Идея войны как богоугодного дела получила распространение в литературных произведениях эпохи Крымского ханства. В крымскотатарской дворцовой литературе «звучат призывы, в основном поэтами-правителями, к джихаду или же газавату, то есть к священной войне борцов за веру (моджахедов) против неверных (гяуров, кяфиров)» [40, с. 103].

Еще один важный факт, связанный с восприятием чапулов, – это освобождение своих единоверцев из неприятельского плена. При описании казацких нападений на мусульманские земли историки постоянно обращали внимание на то, что казаки освобождали христианских невольников из «басурманской неволи». Однако своих пленных стремились освободить и крымцы. Так, в 1527 г. в битве под Ольшаницей, по оценке хрониста Й. Деция, литовцами было отбито 40 тыс. «голов», причем в это число входил рогатый скот и татары, освобожденные своими соотечественниками во время набега [7, с. 20]. В 1659 г., во время вторжения крымского войска в Молдавию, по словам турецкого путешественника Эвлии Челеби, было освобождено более двухсот пленников-мусульман [44, с. 168].

Во время нападения крымских татар на Речь Посполитую в 1648 г. из одного только Бара было освобождено 27 пленных, не считая большого количества «мусульман, остававшихся в плену в руках гяура уже по сорок и по пятьдесят лет... Были прочитаны молитвы и вознесено благодарение, шедшие из глубины сердец, – и нет сомнения в том, что с помощью Все-

вышнего стрелы их молитвословий попали в предполагаемую мишень» [18, с. 31–32]. Истории о состарившихся в польском плену татарах не являются преувеличением. Когда 3–4 октября 1648 г. казаки и крымские татары прибыли в Броды, они отправили в замок письмо с требованием выдать тех татар, что были пленены польским военачальником Станиславом Конецпольским и принуждались к работам по укреплению замка. Всего в Бродах находилось 80 татарских пленников. В обмен союзники пообещали, что не тронут город и замок. Несчастные невольники постарели в плену. Это событие имело важное моральное значение для крымцев, и именно ради освобождения пленных они с казаками подступили к Бродам [15, с. 11–12]. Таким образом, во время набегов десятки и сотни татар и турок возвращались в исламский мир, к своим родным и близким, а в войсках, предпринимавших специальные усилия по их освобождению и, несомненно, воодушевляемых радостью встречи с единоверцами, по этому поводу проводились торжественные молитвы.

Крымские татары из-за своей рейдовой активности в целом негативно воспринимались как в соседних державах (Речи Посполитой, России или Молдавии), так и в христианском мире как таковом. В самом же Крыму, как мы уже упоминали ранее, отношение к набегам было положительным. Но как же к регулярным нападениям крымской конницы на христианские народы относились в мусульманском мире в целом?

Чапулы формировали положительный имидж крымских татар в глазах остальных мусульман, считавших их героями Дар ас-салям. В Османской империи ханство воспринималось как северный форпост исламского мира, защищающий его от внешних угроз. В глазах простого османского населения крымцы являлись непобедимыми воинами [46, р. 41]. Слава крымскотатарских воинов разносилась далеко за пределами Крыма. Сербский историк Т. Катич отмечала: «Татар крымского хана было почти невозможно контролировать. Для многих мусульман они были предметом восхищения и благоговения, символом героизма и воплощением эпических персонажей времен Чингисхана, отличными всадниками и воинами, достойными не только в литературе, но и официальных государственных документах носить эпитеты «легконогие», «быстроногие», «быстрые как ветер», «ловцы неприятеля», «героические» и «мужественные» и т. д.» [45, с. 108–109]. Слова Эвлии Челеби могут служить подтверждением того, что слава крымских татар как героев исламского мира была связана с постоянными нападениями на немусульман: «слава Богу, на народ татарский этого Крымского острова Величайший Творец обратил благосклонный взор. В какую бы сторону они ни обратились, они всегда выходят победителями и приносят в землю неверных беспокойство и суматоху. Все неверные Кыфаристана в страхе и ужасе перед татарами теряют надежду и остаются в безверии. Слава Богу, этот народ татарский – правоверные единобожники, сунниты. Их община подобна полку муджа-

хидов-газиев... С помощью Бога они стали мощной защитой рода Османов, и со всеми неверными они ведут битвы, сражения, войны и смертоубийства» [45, с. 25–26]. Акцентируя внимание на отрицательном отношении христианского мира к набегам, не следует забывать, что последователи другой мировой религии – ислама – считали совершенно иначе.

Политические. С точки зрения крымских элит, разрушительное вторжение было справедливым ответом на задержки в принятии выгодных Гиреям решений, таких как выплата дани, внешнеполитический курс и т. д. По замечанию польского историка А. Гливы, набеги «использовались татарской стороной как альтернативный способ трансляции политической воли крымского руководства, а также способ непрямого влияния на Речь Посполитую и шляхетское сообщество. С этой точки зрения, татарскую активность асимметрического характера можно интерпретировать как форму опосредованного влияния («indirect approach») посредством политико-экономического давления на правящие круги с целью принятия тех или иных решений или ослабления позиции противника в тех или иных вопросах» [11, с. 55].

Чапулы также служили действенным инструментом сдерживания русской и украинской колонизации Дикого поля. Крымские ханы рассматривали полосу степей между собой и своими северными соседями как буферную зону. Отсутствие на ней неподконтрольного Бахчисараю населения служило залогом того, что неприятельские армии не смогут преодолеть логистические трудности, связанные с продолжительным маршем через степь. Таким образом, мнение, что ханство существовало так долго благодаря широкой полосе степных земель, отделявшей его от врагов, следует дополнить. Не только Крымское ханство существовало благодаря Дикому полю, но и Дикое поле существовало благодаря Крымскому ханству. Степь была своеобразной «засечной чертой» Крыма, и крымские татары следили за тем, чтобы она была способна надежно их защитить. Набеги как средство уменьшения народонаселения на северных рубежах государства Гиреев и борьбы с российским «натиском на Юг» доказали на практике свою эффективность. Только в 1736 г. русская армия вступила на территорию Крыма: лишь век спустя после того, как русские вышли к берегам Тихого океана и основали там свои первые поселения.

Крымские татары прекрасно понимали стратегическое значение Дикого поля [35, с. 692]. Поэтому они отрицательно относились к процессам стабилизации границ в XVIII в.: отсутствие у населения страха быть угнанным в неволю и обретение уверенности в завтрашнем дне означали активизацию колонизации. Полагаем, что продвижение оседлого славянского населения на юг способствовало падению ханства в куда большей степени, чем развитие тактики и военных технологий в XVIII в. Во всяком случае, создать достаточную плотность огня, чтобы с высокой долей вероятности отбить кавалерийскую атаку (хотя бы и с использованием табора), русские могли уже

в XVII в., задолго до того, как их реформированные Петром I армии вышли к Перекопу. Оба русских военачальника, командовавшие грандиозными походами на ханство, – В. В. Голицын в 1689 г. и Б. К. Миних в 1736 г. – сумели отразить натиск крымской конницы с небольшими потерями в регулярных войсках (хотя иррегулярные казацкие части при этом пострадали существенно больше). Однако Голицын, начавший поход с территории Слобожанщины, сумел лишь дойти до полуострова, Миних же, опираясь на куда более близкую к Крыму базу в Присамарье, преодолел во время марша сходное расстояние, на пике своих успехов взяв Бахчисарай.

Социальные. Для крымцев вторжения на территорию соседних стран являлись позитивным явлением, способствующим консолидации общества, повышению статуса и благосостояния его членов и направлению энергии на врагов. Подобно тому, как в современном обществе кумирами молодежи становятся спортсмены или деятели искусств, в ханское время образцом для подражания были удачливые чапулбаши (руководители рейдов) и другие храбрецы, обретавшие себе славу и почет в обществе опустошительными рейдами на соседние государства. Характерной в связи с этим представляется история именитых братьев Шахина и Мехмеда Гиреев, которые проводили набеги на польские земли с целью приобретения популярности среди населения [35, с. 476]. Предполагаемое участие в очередном набеге прославившихся во время прошлых рейдов наездников должно было стать для рядовых участников залогом успеха и способствовало проведению действий по привлечению добровольцев [34, с. 42]. Мы согласны с мнением молдавского исследователя Д. И. Хайдарлы, писавшего, что «любое вооруженное действие татаро-ногайской кавалерии на территории любой из соседних стран представлялось в сознании ее участников как акт удалства» [41, с. 73–74].

В глазах крымских мужчин немаловажное место занимал захват чужих женщин. Крымские татары, по словам одной из жен хана Мехмеда I Гирея, шли в набеги, чтобы «чужих жен добывать» [32, с. 364]. Привезенная из далекой страны чужеземная жена было живым свидетельством мужественности и отваги. Рейдовая активность приводила к формированию новых семей и расширению уже существующих (учитывая включение в них невольниц). Набеги воспринимались родственниками воинов как положительное явление: «Лишь надежда на добычу заставляет их действовать и выступать в поход, они надеются на малейшую новость о каком-либо набеге, заранее радуясь благам, которые он им принесет. В этом случае они совершают домашнюю молитву, прося у бога побольше молодых рабов, юношей и девушек для продажи, одним словом, всяческой добычи. После каждого отрывка молитвы их жены, дети, отцы или матери, братья или сестры, которые остаются дома, чтобы смотреть за скотом и т. д., отвечают «Аминь» [29, с. 192].

Подытоживая вышесказанное, отметим, что названные причины пере-

плетались в мотивации ханских подданных в единое целое. По замечанию В. Остапчука, «если экспедиция была неудачной с военной точки зрения, вероятно, в мыслях татарских воинов она могла бы быть скомпенсирована захватом достаточного ясыря; наоборот, без достаточного ясыря победа могла казаться неполной» [23, с. 411].

Последствия. Хотя последствия чапулов ввиду своего разнообразия и значения заслуживают отдельного исследования, мы считаем возможным в рамках данной работы обратить внимание на некоторые обстоятельства психологического и культурного характера, сопровождавшие набеговую деятельность крымских татар.

Психологические. Чапулы были крымским аналогом доктрины Дуэ. «Во время набегов татарские войска использовали разные методы и дестабилизационные приемы для влияния на психику атакованного населения, что непосредственно отражалось на результативности проведенных операций. Использование страха как эффективного инструмента влияния на жертв ордынских набегов занимало не только ключевое место в татарском военном искусстве, но также играло важную роль в политическом и религиозном аспектах. Последнее заключалось в том, что страх «неверных» перед законным применением военной мощи властителей-ордынцев был неотъемлемой составляющей в идеологии крымских ханов» – писал А. Глива [11, с. 62]. Неудивительно, что образ татар в украинском фольклоре связан с опасностью и тревогой. В песне «Злой татарин, адский сын» первые четверостишия заканчиваются словами «Утеcati треба». Ответ на действия нападающих указан в ней простой: «А мы будем утеcati» [38, с. 383].

Возможно, ужас перед страшным врагом, в прямом смысле слова живым олицетворением ночных кошмаров, приводил к тому, что «даже закаленные в боях воины, подобно крестьянам, по ночам переживали чувство страха, вызванного глубоко запечатленным в памяти образом ясного лунного света, сопровождавшего татарские набеги» [11, с. 63]. Следствием чапулов было то, что матери пугали маленьких детей рассказами о злых татарах, которые придут и заберут их из-за непослушания. В польской историографии существует распространенное мнение о психологических проблемах, испытываемых некоторыми польскими воинами в войнах с Крымским ханством. Вероятно, набеги были одной из причин того, что новобранцы в польских войсках второй половины XVII в. боялись татар и обретали уверенность в себе лишь после первых успехов в боях с ними. Польский историк Я. Виммер, отметивший эту любопытную деталь, полагал, что это вызвано поражениями польских войск в битвах под Желтыми Водами и Корсунем в 1648 г. [63, р. 281]. Однако есть указания на существование соответствующего морального аспекта в более раннее время. По мнению Р. Маевского, к бегству польской конницы в битве под Цецорой в 1620 г. привели «боязнь окружения и страх перед та-

тарами» [57, р. 189]. Р. Романьский отмечал: «Умело маневрирующая, подвижная татарская конница была весьма грозным противником для польской конницы. Чамбулы на протяжении долгих десятилетий были единственным противником, кто ходил вглубь Речи Посполитой и наносил ощутимые потери населению. По этой причине население территорий, подвергавшихся нападению этих отрядов, были склонны считать орду непобедимым войском» [58, р. 55]. Как считал К. Шайноха, именно глубоко укоренившийся в сознании польской шляхты страх перед татарами привел к тому, что, желая оправдать свои поражения, поляки приписывали военные успехи татар их колдовству [61, р. 220]. Хотя есть достаточно примеров паники и моральной неустойчивости шляхетского ополчения (посполитого рушения) во время татарских атак, нужно признать, что трудно провести грань между страхом, вызванным боязнью столкнуться именно с татарами и боязнью боестолкновения как такового.

Схожие случаи были отмечены в России. А. А. Новосельский писал, что в 1630-е гг. гарнизон Валуйки страдал от дезертирства, добавляя, что, вероятно, защитники города были деморализованы непрерывными татарскими набегами. Стрелецкий и казачий голова В. Каменев даже публично заявлял: «побежим де по лесам, не усидеть де нам от крымского (царя)» [22, с. 232–233]. Полагаем, что психологические факторы повлияли на формирование высокой репутации крымских воинов.

Культурные. Влияние набегов на русский, украинский или польский языки хорошо известно. Однако соответствующему влиянию подвергся и крымскотатарский язык. Славянские женские имена и слова, обозначающие девушек, у крымских татар эпохи ханства приобрели характерные значения, связанные с подчиненным положением иноземных женщин. Имя «Мария» использовалось для обозначения рабыни [45, с. 222]. Слово «марушка/марушке» в современном крымскотатарском языке означает «русская женщина». Однако есть указания на то, что когда-то так называли жену. Е. М. Бакунина, побывавшая в Крыму в годы Крымской войны, вспоминала о своем опыте общения с крымскими татарами: «Я, с Монтандоном в руках (путеводителем по Крыму), разговариваю с татаринном, спрашиваю, скоро ли у него будет марушка (жена). Он отвечает, что хочет марушку в 100 карбованцев (серебряный рубль)» [5, с. 532].

Можно сделать вывод, что в эпоху ханства Крым посетило столь большое число восточнославянских женщин, что одним и тем же словом крымцы стали называть и жену, и русскую девушку. Согласно остроумной гипотезе польского историка Р. Романьского, из-за татарских набегов на украинских землях даже уменьшалась доля красивых женщин, на протяжении долгих десятилетий регулярно пополнявших мусульманские гаремы [59, р. 10]. Еще одно слово, «тевка/тевка» (происходит от слова «девка») имело среди прочих

значение «служанка» [33, с. 224]. Современный исследователь О. Рустемов полагает, что слово «дюке» (то есть молодая невольница) произошло, вероятно, от слова «девка» [30, с. 56]. Таким образом, регулярные набеги и, как следствие, перемещение женщин на территорию Крымского полуострова обогатили крымскотатарский язык.

Сотрудничество татар с населением. Дабы спастись от неволи, люди избирали различные стратегии выживания. Следуя классификации польского военного писателя XVI в. С. Сарницкого, мы можем выделить три типа поведения: оборону, бегство и сотрудничество [60, р. 436–437]. Оборона от набегов (трех видов: организуемая государственной властью, местной администрацией или простыми жителями) довольно хорошо изучена в научной литературе, ей посвящали целые монографии. Потому мы не будем подробно останавливаться на ней. Массовое бегство населения в ближайшие замки, болота, леса как реакция на угрозу неволи также не является секретом. Намного меньше известно о различных формах взаимодействия, благодаря которым некоторые жители могли сохранить себе жизнь и свободу. Хотя в подавляющем большинстве случаев набег означал для не сумевших бежать или защититься людей неволю или смерть, считаем нужным уделить детальное внимание более редким, и вместе с тем малоизвестным примерам кооперации и коллаборационизма. Мы используем неологизм «коллаборационизм» для обозначения действий некоторых жителей восточноевропейских стран, так как с точки зрения властей этих государств взаимодействие собственных подданных с крымскими татарами, направленное против вооруженных сил и населения соответствующих держав, являлось преступлением и расценивалось как измена. Подобное восприятие делает, по нашему мнению, возможным применить в рамках данного исследования термин «коллаборационизм».

Было бы ошибочным изображать чапулы как трафаретное и шаблонное явление. Взаимоотношения, складывающиеся между нападающей стороной и жертвами агрессии, всякий раз зависели от частных факторов. В большинстве случаев дело сводилось к убийствам и угону в неволю. Однако так было далеко не всегда. Каждый крымский татарин был личностью, со своими взглядами на жизнь и других людей, с собственными симпатиями и антипатиями. Известен случай, когда перед набегом на Снятин в 1617 г. некоторые татары, имевшие побратимов среди снятинцев, сумели заранее предупредить их о грозившей опасности, благодаря чему большая часть жителей успела спастись [31, с. 62]. В 1648 г. польский шляхтич С. Г. Друшкевич стал пленником крымских татар, спустя четыре года во время битвы под Батогом он снова оказывается в плену у жителей того же крымского села, к которым попал первый раз, «и то спасло мне жизнь, что попался знакомым татарам» [49, р. 88, 90]. Друшкевичу повезло, ведь большую часть польских военноплен-

ных (вероятно, не имевших хороших знакомых среди крымских татар) после Батожской битвы перебили по согласованию с казацким командованием.

К сожалению, историки редко обращали внимание на спорадические попытки некоторых людей задобрить татар или оказать им какие-либо услуги взамен на обеспечение собственной безопасности. Единственное известное нам описание подобных случаев применительно к юго-восточным воеводствам Речи Посполитой составлено А. Гливой. Польский исследователь выделил три вида договорных отношений: соглашения муниципальных властей с татарами (в форме откупа либо помощи); тактическая договоренность (например, просьбы о милосердии); сотрудничество отдельных лиц или групп населения [51, р. 441–445]. В свою очередь, мы можем выделить пять форм кооперативных контактов населения с нападающей стороной.

Просьбы и откуп. С. Сарницкий считал, что кроме тех, кто сражается или бежит, были и те, кто пытался умиловить татар, просил их о гуманности (и иногда успешно). Он писал про следующий любопытный случай: какая-то волынская панночка ожидала гостей в своем поместье, накрыв праздничный стол. Однако вместо гостей во двор въехали татары. Женщина не растерялась, вышла к ним и... пригласила к столу, объявив, что как раз ждала их в гости. Татары зашли в дом, пили и ели с ней, не причинив никакого вреда. Лишь на прощание попросили хозяйку впредь быть осторожнее. Другой упоминаемый Сарницким персонаж, пан Збигнев Слупецкий, спас своего отца от татар тем, что вынес им денег и выпивки [60, р. 437]. Подобный случай сообщен М. Стрыйковским: в 1449 г. брацлавский пан Юрий пригласил татар к себе в замок и пировал с ними, чем, вероятно, и спас свои земли от разорения [37, с. 728]. Во время вторжения Шехбаза Гирея в Польшу в начале 1695 г. татары подступили к самому Львову. Когда они вошли в Глинянское предместье, монахи одного из монастырей, дабы избежать разорения, написали письмо, повесив его на воротах принадлежащего им фольварка, с просьбой о пощаде, указывая, что они лечили всех, кто к ним поступал, оказывая помощь в том числе и мусульманам. Шехбаз Гирей, узнав от своих людей, что это правда, приказал оставить монастырские владения в покое [47, р. 41–42].

Активная помощь. Крымские татары в своих кампаниях широко использовали в качестве шпионов, проводников и разведчиков уроженцев тех мест, через которые двигались их войска. Например, дезертировавший из царской армии М. Афанасьев проводил войско Бахты Гирея во время знаменитого «Кубанского погрома» 1717 г. «известными только ему дорогами между Доном и Волгой» [13, с. 117]. Потому можно было избежать рабства, оказывая активное содействие татарам. Некоторые крестьяне покупали себе свободу тем, что выдавали противнику места, где прятались их односельчане [24, с. 99]. В некоторых случаях это была помощь поневоле: будучи словленным, крестьянин был вынужден показывать, куда ушли остальные [60,

р. 436]. В фольклоре жителей польского городка Липник сохранилась легенда о крестьянке Касье Слупиковой, которая показала татарам тайный проход в осаждаемый ими замок в Ходакувке, что позволило взять его штурмом, хотя позднее она была казнена по приказу польских властей [50, р. 60]. Те, кто уже попадал в неволю, могли заслужить свободу, работая проводником [43, с. 580; 22, с. 349]. Один из наиболее трагических примеров вынужденной помощи невольников имел место во время прорыва крымской конницы через Карпаты в июле 1594 г., во время марша Гази II Гирея в Венгрию. По приказу хана перед переходом гор крымские татары перебили захваченных ими по дороге ясырей, жизнь сохранили лишь тем, кто участвовал в работах по расчистке завалов на Торунском перевале и после был отпущен на волю [56, р. 53].

Помощь предоставлялась не только на индивидуальном уровне. Городские власти в некоторых случаях пытались договориться с проходящими неподалеку татарскими отрядами. Во время отступления буджакцев после проведенного ими набега на Червонную Русь зимой 1692 г. власти Снятина и Городенки заключили соглашение с татарами, предоставив им еду и лекарства взамен на гарантии неприкосновенности [51, р. 441–442].

Военное сотрудничество. Группы, традиционно воспринимаемые в украинском дискурсе как защитники Украины, – опришки, запорожцы, гайдамаки – часто сотрудничали с крымскими и ногайскими татарами. В 1621 г. татары и опришки совместными усилиями препятствовали снабжению польско-запорожских войск, оборонявшихся под Хотином, перехватывая возы с продовольствием и оружием [15, с. 243]. В 1672 г. Подолье перешло под власть Турции. Одним из следствий этого стало участие подольских крестьян в совместном с татарами чапуле на Волынь и Червонную Русь в 1684 г. [62, р. 223]. В 1769 г. гайдамаки в числе более чем 1400 человек участвовали в знаменитом ханском вторжении в Новую Сербию [26, с. 134]. Во время грандиозных набегов крымских татар на Речь Посполитую в период между 1648 и 1699 гг. украинские казаки часто действовали вместе с крымцами, помогая захватывать им ясырь. Это относится к походам времен Богдана Хмельницкого (который фактически расплачивался за свободу одной части Украины порабощением населения другой ее части), Петра Дорошенко и других гетманов. В 1695 г. отряды «ханского гетмана» Стеценка сражались вместо с буджакцами Гази Гирея против казаков Палия во время боев за Фастов: «пришел... крымского хана сын со многою ордой да изменник Стець с казаками». В окрестностях города «татары и казаки многих людей в полон побрали, а иных побили» [27, с. 371].

О неоднозначном восприятии работорговли частью украинского населения говорит следующий факт. В 1752 г. жители города Саврань даже заключили своеобразное соглашение с очаковскими татарами, похищая в окрест-

ных городах детей и жен и привозя их на продажу татарам. Очаковские же жители, в свою очередь, крали коней у ногайцев и меняли их у савраньцев на людей [4, с. 562–563].

Военное сотрудничество с татарами нашло свое отражение в украинском фольклоре [19, с. 10]. В одной из песен мать прогоняет казака из дома:

«– Пойди, сыну, геть од мене!

Нехай тебе Орда возьме!

– Мене, нене, Орда знає –

Среблом, злотом наделяє!» [19, с. 5].

Хотя в целом набеги конницы Гиреев воспринимались населением как страшная трагедия, часть его сумела извлечь из них свою выгоду. Благодаря содействию некоторых жителей окрестных стран заметно усиливалась результативность чапулов. Если бы не поддержка со стороны отдельных людей и целых групп населения (например, казаков или гайдамаков), количество уведенного в Крым ясыря было бы, несомненно, значительно меньше. Не случайно период наиболее активного в истории сотрудничества украинских гетманов с крымскими ханами (начиная с 1648 г. и до конца XVII в.) был одновременно и периодом наиболее сильного запустения украинских земель в результате резко возросшей эффективности набегов. Изучение положительного влияния коллаборационизма на набеговую активность крымских татар является перспективным направлением в исследовании истории Крымского ханства и стран Восточной Европы.

Женский коллаборационизм. Основным нашим источником в данном случае является фольклор. Это объясняется тем, что истории времяпрепровождения обычных людей во время отправки невольников в Крым известны во многом благодаря народной памяти. Отношения между обычным татаринном и полонянкой не освещались на страницах летописей, диариушей или других источников, составляемых, как правило, представителями элит и потому обращавших внимание на более важные (с их точки зрения) события. Как свидетельствуют многочисленные украинские, русские и польские народные песни, взаимоотношения между татарами и их жертвами женского пола складывались по-разному. Устное народное творчество ряда славянских народов содержит немало упоминаний о тяжелых условиях рабства, жестоким обращении с ясырями, убийствах, совершаемых во время набегов (в том числе грудных младенцев [10, с. 268]). Не все полонянки, даже будучи женами или наложницами крымских татар, были довольны своей жизнью. В польской народной песне пленная девушка жалуется на то, что должна «мыть ноги черному татарину» (то есть жить с ним как жена), и жалеет, что мать не утопила ее в Висле [64, р. 67–68]. Однако в целом отношение к пленным женщинам было более гуманным, чем к мужчинам. К тому же жены и наложницы могли, попав в богатые семьи, надеяться на неплохие условия жизни.

Об этом говорит то, что черкесы сами продавали своих дочерей в Крым и Турцию, рассчитывая, что те будут жить в более сносных условиях, чем в Черкесии [1, с. 54, 134]. В большом количестве фольклорных памятников татары относятся к пленницам ласково, дарят им подарки, пытаются по мере своих сил утешить их, гуляют с ними, катают их с собой верхом на конях.

В одной русской народной песне трое татар берут в плен русскую девушку. Двое угрожают убить ее, а третий, напротив, обращается ласково:

«Я тебя в полон возьму!

Садися ты, красная девушка, на моего добра коня,
Как поедem мы с тобой во зеленые луга!» [2, с. 52].

В украинской народной песне казак печалится о том, что татары увели его коня и подарили его плененной ими девушке, которая уже смирилась с фактом своего похищения:

«А моего коня ведут,
На нем сидит девка бранка,
Девка бранка Марьянка;
Русую косу расчесала,
К батеньке письмо писала:
Пусть же отец не беспокоится,
Пусть же мой посаг не готовит:
Я уже посаг потеряла
Под явором, яворином
С неверным татаринoм» [65, р. 172].

В другой русской народной песне «татарский князь» утешает русскую пленницу:

«Как на той ли на кровати
Сам татарский князь лежит.
Перед этим перед князем
Полоняночка стоит,
Из московской стороны,
Обливалась слезами.
«Ты не плачь, не плачь, девица,
Не плачь, душенька моя:
Уж я сам тебя, девица,
Возьму замуж за себя» [25, с. 189].

Благодаря дошедшим до нас памятникам украинского фольклора мы узнаем, что существовали ситуации, когда между своим мужчиной и похитившим ее крымским татаринoм девушка добровольно выбирала последнего и уходила с ним в Крым. Исследователь «невольничьих дум» украинского фольклора А. Кашенко отмечал, что «из жизни поработенных женщин народные думы упоминают про случаи очень легкомысленной измены своему мужу и

родному краю» [16, с. 35–36]. В украинской народной песне «О Богданке» главный герой – казачий гетман Богдан Ружинский – узнает, что его невесту похищают татары. Он собирает своих товарищей и находит татарский лагерь.

«Татарин по табору ходить, миленьку за ручку водить.

– Гей, одсунься, миленька, нехай заб'ю татаренка!

– Чи заб'еш, чи не заб'еш, тільки мене з ума зведеш.

Чи влучиш, чи не влучиш, тільки мішкання розлучиш.

Ой, сидлай, милий, коня: ти ж не мой, я не твоя!

Гей, коли жива буду, то я тебе не забуду» [20, с. 77].

В ином варианте этой песни девушка открыто заявляет Ружинскому, что влюбилась в похитителя и не видит себе жизни без него, заявляя, что если казачий вождь хочет убить татарина, то пусть убивает и ее:

«Міже ними баша сидить, на колінах милу держить.

– Ой миленька, миленька, одсунься от башенька,

Бо я башенька вб'ю, а миленьку собі візьму!

– Коли б'єш – бий обоє, бо башенька серце моє!» [16, с. 36].

По мнению А. Кашенко, «последние слова показывают измену женщины не вынужденную, а свободную и к тому же сразу же после порабощения» [16, с. 36–37]. И действительно, в вышеприведенной песне сюжет таков, что именно от женщины зависит, с кем она останется далее, и свежееиспеченная полонянка решает: она спасает похитителя-татарина от бывшего жениха. В другом памятнике украинского фольклора – знаменитой думе про Марусю Богуславку – женщина также имеет возможность покинуть мужа-мусульманина, однако героиня не желает этого и не хочет, чтобы отец выкупил ее:

«Бо же я потурчилась,

Побусурменилась,

Для роскоші турецької,

Для лакомства нещасного!» [39, с. 312].

Наиболее наглядной демонстрацией привыкания пленниц к крымским татарам является известная русская народная песня о пленнице и ее матери, ставшей в неволе нянькой своего внука, пожалуй, наиболее известная из всех русских народных песен о полонянках (эту песню пели также и в Украине, и в Польше). Русский этнограф В. П. Киреевский называл ее «прекрасной, яркой и весьма распространенной» [25, с. 189]. Содержание ее следующее: во время набега в плен к молодому татарину попадает русская девушка. Он женится на ней, и они заводят ребенка. Через три года муж приводит домой новую пленницу, которой поручают нянчить ребенка. Девушка настолько привыкла к новому дому, что в песне ее уже называют «татаркой». Выясняется, что новая пленница – это ее мать. В зависимости от версии песни бабушка либо уезжает из Крыма, отпущенная дочерью, либо остается жить с ней [25, с. 190–199].

Корни подобного поведения следует искать в особенностях женской психологии, более склонной к подчинению, в силу чего женщины традиционно считались легко ассимилируемыми. Французский консул в Крымском ханстве де Тотт передает слова хана Крыма Гирея: «Мужчина даже в рабстве остается существом более-менее независимым, и его обращение представляется некоторого рода чудом. В свою очередь, обращение женщин – самое простое и естественное явление. Ибо женщина всегда будет верить в то, во что верует ее любовник, и будет следовать любви как великому миссионеру, которому невозможно противиться» [21, с. 81].

Любопытный факт: в народных песнях славянских народов такие действия женщин не считались предательством, они подаются как некая данность. По мнению А. Галенко, «избегают думы и характеристики женщин как ренегатов, ведь другого пути для невольниц не было» [9, с. 214]. Вместе с тем последующие исследователи фольклора нередко более резко отзывались о героинях песен и дум, примером чему могут служить уже процитированные нами слова А. Кашенко. Полагаем, что соответствующие действия женщин можно отнести к коллаборационизму, согласно классификации российского исследователя Б. Н. Ковалева, выделявшего девять видов коллаборационизма, включая половой [17, с. 348–365], под которым подразумевалось сожительство с военнотружущими неприятельских армий.

Де Тотт оставил описание того, как крымские татары вели ясырь: «Впереди татарина сидит пленная девушка, и он поддерживает ее левой рукой» [21, с. 73]. В русской народной песне поется:

«Как наехали на красну девицу три татарина,
Три татарина-басурманина,
Как взяли они красну девицу, посадили за круты бедра,
Повезли ее в землю татарскую, землю басурманскую» [2, с. 55].

Можно предположить, что подобная форма транспортировки женщин была направлена на формирование более близкой связи между пленницей и ее похитителем. В пользу такого предположения говорит содержание «Песни казака Плахты», созданной в XVII в. Текст песни представляет собой разговор запорожского казака с украинской девушкой. Они договариваются жить вместе у казака на Запорожье, причем мужчина обещает, что повезет девушку на коне, держа ее за бедра и привязав шнурами – так, как было принято возить полонянок у крымских татар [42, с. 299]. То есть в этой песне казак, желая создать романтическую атмосферу, сознательно подражает татарскому обычаю обращения с пленными женщинами. Вторым нашим аргументом является то, что ханские всадники были известны своей легкостью снаряжения. Было проще транспортировать ясырей пешими и связанными (или, во всяком случае, везти на втором коне), чем практически удваивать вес, который приходилось нести малолетнему бахмату на протяжении нескольких

недель. Тем не менее в этом случае на первый план выходили соображения личного характера.

Добровольный уход в ясырь. Пожалуй, самой редкой и экзотической формой сотрудничества являлся добровольный уход людей в неволю. Несмотря на превалирующее представление о страшных последствиях порабощения, в экстраординарных случаях, связанных с войнами, гуманитарными катастрофами и т. д., некоторые люди полагали, что плен дает возможность вести стабильное существование. Во время восстания Хмельницкого «немало украинцев убегало в неволю к татарам, лишь бы избежать встречи со своими, ибо так избегали смерти» [42, с. 343]. К уходу в ясырь с целью избежать гибели во время Хмельниччины прибегали евреи. Автор известного описания страданий еврейского населения в 1648 г. Натан Ганновер сообщал, что три тысячи подольских евреев, узнав о приближении татар и казаков и не ожидая от казаков ничего хорошего, предпочли стать пленниками татар [6, с. 95]. В 1675 г. среди украинского правобережного населения, измученного войной и голодом, «многие сами добровольно в орду» хотели уйти [3, с. 45]. На первый взгляд добровольная неволя противоречит предлагаемой нами типологии, так как это не спасение от рабства, но, напротив, движение к нему навстречу. Однако полагаем, что ее можно отнести к кооперации, так как люди, идя к татарам, считали, что спасаются от смерти и, таким образом, извлекают из происходящего свою выгоду.

Вывод. Чапулы крымских татар привели к многочисленным страданиям населения, подвергавшегося нападениям, и повлияли на укрепление негативного имиджа крымцев в христианской Европе. Но не следует забывать позитивный эффект набегов для крымскотатарской истории и лояльное отношение к ним мусульманского мира. Для Крымского ханства набеги были эффективным средством сдерживания славянской колонизации, помогали добиться политических выгод, способствовали развитию экономики. Хотя для подавляющего большинства жителей соседних стран вторжение татарских войск означало катастрофу, находились те, кто извлекал свою выгоду из них. Коллаборационизм не только позволял людям спастись от неволи, но и повышал результативность самих нападений. История чапулов – это не только история государств, цивилизаций или культур, это история живых людей и их взаимоотношений. Полагаем, что без учета этого история набеговой активности Крымского ханства не будет полной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. 635 с.
2. Азбелев С. Н. Исторические песни. Баллады. М.: Сокровище, 1986. 622 с.

3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 12. СПб., 1882. 874 с.
4. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Том 2. К., 2000. 752 с.
5. Бакунина Е. М. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854–1860) // Вестник Европы. 1898. Том 2. Кн. 3–4. С. 511–556.
6. Боровой С. Я. Еврейские хроники XVII столетия. (Эпоха «хмельничины»). Иерусалим: Гешарим, 1997. 355 с.
7. Вирський Д. Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). К.: Інститут історії України НАН України, 2016. 299 с.
8. Ворончук І. О. Населення Волині в XVI – першій половині XVII ст.: родина, домогосподарство, демографічні чинники. К., 2012. 712 с.
9. Галенко О. Зрадники-герої або український ідеал потуреченця // Соціум. Альманах соціальної історії. Вип. 6. К.: Ін-т історії України НАН України, 2006. С. 203–231
10. Героїчний епос українського народу. Хрестоматія. К.: Либідь, 1993. 431 с.
11. Гліва А. Асиметричний аспект татарського військового мистецтва (XVII ст.) // Український історичний журнал. 2018. № 3. С. 46–72
12. Грибовський В. В. Типологія татарських набігів у XVIII ст. // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. Вип. 5. 2000. С. 206–211
13. Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, 2013. С. 92–137.
14. Гулевич В. П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.
15. Жерела до історії України-Руси. Том 6. Львів, 1913. 425 с.
16. Кащенко А. Невольа бусурманська в українській народній поезії. Катеринослав, 1918. 64 с.
17. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.
18. Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. Симферополь: Крымучпедгиз, 1998. 67 с.
19. Максимович М. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827. 234 с.
20. Максимович М. Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. Часть 1. М., 1834. 180 с.
21. Мундт Т. Крым-Гирей, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // Известия Таврической учетной архивной комиссии. 1909. Том 43. С. 1–87.
22. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.–Л.: Наука, 1948. 447 с.
23. Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымскотатарским походам // Источниковедение истории Улуча Джучи. От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001. С. 391–421.

24. *Паньків М.* Топоніми, мікротопоніми, легенди як вияв етнокультурної пам'яті про татаро-турецькі набіги на Прикарпаття (XV–XVII ст.) // Карпати: людина, етнос, цивілізація. 2012. Вип. 4. С. 91–102.
25. *Песни, собранные П. В. Киреевским. Часть II. Песни былевые, исторические.* М., 1868. 214 с.
26. *Петров А. Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–1774 гг. Том I. 1769 г. СПб., 1866. 351 с.
27. *Петровський М.* Нариси історії України XVII – початку XVIII ст. Харків: Державне видавництво України, 1930. 454 с.
28. *Прохоров Д. А.* Крымское ханство в контексте черноморской торговли (XV–XVIII вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2001. Выпуск 8. С. 388–403.
29. Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т. д. // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13. С. 184–207.
30. *Рустемов О.* Кадияскерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. 280 с.
31. *Сас П.* Шлях армії султана Османа II до Хотина 1621 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2014. Вип. 14. С. 56–70.
32. Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 95. СПб., 1895. 766 с.
33. *Симанская Е. Э.* Гендерные оппозиции в лексической системе крымско-татарского языка // Мова і культура. 2011. Вип. 14. Том 6. С. 223–226.
34. *Скальковский А. А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Часть III. Одесса, 1846. 330 с.
35. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. 824 с.
36. *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889. 253 с.
37. *Стрийковський М.* Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011. 1075 с.
38. Українська поезія. Середина XVII ст. К.: Наукова думка, 1992. 680 с.
39. Українські народні думи. У 5 т. Том 1. Думи раннього козацького періоду. К.: ІМФЕ НАН України, 2009. 856 с.
40. *Усеинов Т. Б.* Крымскотатарская дворцовая литература XV–XVII веков // Культура народов Причерноморья. 2001. № 25. С. 102–105.
41. *Хайдарлы Д. И.* Политические взаимоотношения между Молдавией и Крымским ханством в XVIII в. «1718–1774 гг.»: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кишинева, 1998. 163 с.
42. *Шевчук В.* Муза роксоланська. Українська література XVI–XVIII століть. У двох книгах. Книга 1: Ренесанс. Раннє бароко. К.: Либідь, 2004. 401 с.
43. *Эварницкий Д. И.* Источники для истории запорожских козаков. Том I. Владимир, 1906. 1072 с.
44. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Выпуск 1. Земли Молдавии и Украины. М.: Наука, 1961. 375 с.

45. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008. 274 с.
46. Brian Glyn Williams. The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. Washington: D.C.: The Jamestown Foundation, 2013. 54 p.
47. *Czołowski A.* Najazd tatarów na Lwów w 1695 r. Lwów, 1902. 47 p.
48. *Fisher A.* The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 5, No. 2 (June 1981), pp. 135–170.
49. *Druszkiewicz S. Z.* Pamiętniki 1648–1697. Siedlce, 2001. 171 p.
50. *Gliwa A.* Doświadczenie inwazji tatarskich w narracjach ludowych i pamięci zbiorowej jako niematerialne dziedzictwo kulturowe Polski południowo-wschodniej // Ochrona Zabytków. 2014. № 1. pp. 53–73.
51. *Gliwa A.* Strategie przetrwania ludności ziem południowo-wschodnich Rzeczypospolitej podczas najazdów tatarskich w XVII wieku // Hortus bellicus: studia z dziejów wojskowości nowożytnej: prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2017. P.p. 421–448.
52. *Górka O.* Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1935. Tom 8. Zeszyt 2. pp. 185–295.
53. *Inalcik H., Quataert D. eds.* Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Cambridge, 1994. 1026 p.
54. *Katić T.* Tursko osvajanje Srbije 1690. godine / The Ottoman Conquest of Serbia in 1690. Beograd, 2012. 175 p.
55. *Kizilov M. B.* Slave Trade in the Early Modern Crimea From the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources // Journal of Early Modern History. Volume 11. № 1–2 (2007). pp. 1–31.
56. *Kocowski B.* Wyprawa Tatarów na Węgry przez Polskę w 1594 r. Lublin, 1948. 70 p.
57. *Majewski R.* Cecora – rok 1620. Warszawa: MON, 1970. 256 p.
58. *Romański R.* Beresteczko 1651. Warszawa: Bellona, 1994. 219 p.
59. *Romuald R.* Największe błędy w wojnach polskich. Warszawa: Bellona, 2008. 189 p.
60. *Sarnicki S.* Księgi hetmańskie. Kraków: Jagellonica, 2015. 493 p.
61. *Szajnocha K.* Dwa lata dziejów naszych, 1646–1648: opowiadanie i źródła. Tom 2. Lwów, 1869. 396 p.
62. *Wagner M.* Kampania żwaniacka 1684 roku. Warszawa: Attyka, 2013. 280 p.
63. *Wimmer J.* Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965. 385 p.
64. *Wójcicki Kaz. Wł.* Obrazy starodawne. Tom 2. Warszawa, 1843. 288 p.
65. *Żegota P.* Pieśni ludu ruskiego w Galicji. Tom 1. Lwów, 1839. 234 p.

Сведения об авторе: Шейхумеров Амет-хан Азизович, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); amet.sheykhumerov@mail.ru.

«Crimean art»: about little-known aspects of raids of the Crimean Tatars and Nogays

Amet-han Sheykhumerov

*(Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences)*

Abstract: Crimean Tatar's attacks on Ukrainian, Russian, Polish, Circassian, Moldavian lands, conducted with different intensity over three centuries, have rendered great influence on the history of Eastern Europe. Raids were caused by different causes: economic, ideological and political. While the role of economic factors were traditionally exaggerated by the historians. Attacks on nearby countries were an important component of the internal life of the Crimean Khanate, participation in them was a source of pride, a way of enrichment, and an increase in their status in society.

Despite of the destructive effects, the invasions of the Crimean and Nogai cavalry for the population of the region, it would be wrong to represent the raids only as monotonous looting. Thanks to numerous sources it is known that during the raids, people could save themselves, not only by fleeing or self-defense, but also cooperating with the attackers. Crimean Khans and their victims were above all living people. This led to a variety of situations in which the victims could be saved thanks to their own resourcefulness and interpersonal skills. The Crimean Tatars have applied various methods of treatment of a hostile population. In addition to the prevailing type of relationship (violence), the Crimeans treated humanely some people (primarily women), including those captured.

Keywords: Eastern Europe, collaborationism, Crimean Tatars, Crimean Khanate, raids, slavery.

For citation: Sheykhumerov A. A. «Crimean art»: about little-known aspects of raids of the Crimean Tatars and Nogays. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.71-95. DOI: 10.22378/kio.2019.1.71-95

REFERENCES

1. *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII – XIX vv.* [Adyghes, Balkarians and Karachays in the news of European authors of the XIII – XIX centuries]. Nalchik, 1974. 635 p.
2. Azbelev S.N. *Istoricheskie pesni. Ballady*. [Historical songs. Ballads]. M., 1986. 622 p.
3. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiei* [Acts relating to the history of Southern and Western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. 12. Saint-Petersburg, 1882. 874 p.

4. *Arkhib Kosha Novoï Zaporoz'koï Sichi. 1734–1775. Korpus dokumentiv* [Archive of Kosh Zaporozhian Sich. 134–1775. Corpus of documents]. Vol. 2. K., 2000. 752 p.
5. Bakunina E.M. *Vospominaniya sestry miloserdiya Krestovozdvizhenskoy obshchiny (1854–1860)* [Memories of the Sister of Mercy of the Holy Cross Community (1854–1860)]. *Vestnik Evropy* [Herald Of Europe]. 1898. Vol. 2. Kn. 3–4. pp. 511–556
6. Borovoy S.Y. *Evreyskie khroniki XVII stoletiya. (Epokha “khmel'nychiny”)* [Jewish chronicles of the XVII century. (The era of “Khmelnichiny”)]. Ierusalim: Gesharim, 1997. 355 p.
7. Virs'kiy D. *Viyni ukraïnni: khroniki tatars'kogo prikordonnya Ukraïni (XVI – seredina XVII st.)* [Ukrainian Wars: Chronicles of the Tatar Border of Ukraine (XVI – middle of the XVII century)]. K., 2016. 299 p.
8. Voronchuk I.O. *Naselennya Volini v XVI – pershiy polovini XVII st.: rodina, domogospodarstvo, demografichni chinniki* [The population of Volyn in the XVI – first half of the XVII century: family, household, demographic factors]. K., 2012. 712 p.
9. Galenko O. *Zradniki-geroi abo ukraïns'kiy ideal poturechentsya* [Traitors-heroes or Ukrainian ideal of Slavic people taking Islam]. *Sotsium. Al'manakh sotsial'noi istorii* [Socium. Anthology of social history]. Vol. 6. K., 2006. pp. 201–231
10. *Geroichnyi epos ukraïns'kogo narodu. Khrestomatiya* [Heroic epic of the Ukrainian people. Ukrainian Literature Reader]. K., 1993. 431 p.
11. Gliva A. *Asimetrichnyi aspekt tatars'kogo viys'kovogo mistetstva (XVII st.)* [Asymmetric aspect of Tatar military art (XVII century)]. *Ukraïns'kiy istorichnyi zhurnal* [Ukrainian history magazine]. 2018. No3. Pp. 46–72
12. Gribovs'kiy V.V. *Tipologiya tatars'kikh nabigiv u XVIII st.* [Typology of Tatar raids in the XVIII century]. *Zapiski naukovu-doslidnoi laboratorii istorii Pivdennoi Ukraïni Zaporiz'kogo derzhavnogo universitetu: Pivdenna Ukraïna XVIII – XIX st.* [Zapiski Naukovo-Dolce laborator history Pudenda Zaporzhia sovereign Ukraine University: Pudenda Ukraine XVIII – XIX art.]. Vol. 5. 2000. Pp. 206–211
13. Gribovskiy V.V., Sen' D.V. *Kubanskiy sultan Bakhty-Girey: fenomen neligitimnoy vlasti v Krymsko m khanstve pervoy treti XVIII v.* [Kuban sultan Bahti Geray: phenomenon of illegitimate power in the Crimean khanate of the first third of the XVIII century]. *Tyurkologicheskii sbornik 2011–2012: politicheskaya i etnokul'turnaya istoriya tyurkskikh narodov i gosudarstv* [Turkological collection 2011–2012: political and ethno-cultural history of Turkic peoples and States]. M., 2013. C. 92–137
14. Gulevich V.P. *Ot ordynskogo Ulusa k khanstvu Gireev: Krym v 1399–1502 gg.* [From the Horde Ulus to the Girays Khanate: Crimea in 1399–1502]. Kazan, 2018. 492 p.
15. *Zherela do istorii Ukraïni-Rusi* [Source to the history of Ukraine-Rus]. Volume 6. Lvov, 1913. 425 p.
16. Kashchenko A. *Nevolya busurmans'ka v ukraïns'kiy narodniy poezii* [Busurman captivity in Ukrainian folk poetry]. Katerinoslav, 1918. 64 p.
17. Kovalev B.N. *Kollaboratsionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: typy i formy* [Collaboration in Russia in 1941–1945: types and forms]. Velikiy Novgorod, 2009. 372 p.
18. *Kyrymly Khadzhi Mekhmed Senai. Kniga pokhodov* [Book of campaigns]. Simferopol', 1998. 67 p.
19. Maksimovich M. *Malorossiyskie pesni* [Little Russian songs]. Moscow, 1827. 234 p.

20. Maksimovich M. *Ukrainskie narodnye pesni* [Ukrainian folk songs]. Part 1. Moscow, 1834. 180 p.
21. Mundt T. *Krym-Girey, soyuznik Fridrikha Velikogo. Prolog stolknoveniy mezhdu Rossiei i Turtsiei* [Crim-Giray, Frederick the Great's ally. Prologue of clashes between Russia and Turkey]. *Izvestiya Tavricheskoy uchetnoy arkhivnoy komissii* [News of the Taurida accounting archive Commission]. 1909. Tom 43. pp. 1–87
22. Ostapchuk V. *Khronika Remmalya Khodzhi «Istoriya Sagib Gerey khana» kak istochnik po krymsko-tatarskim pokhodam* [The Chronicle of Remmal Hoca "The History of the Sahib Gerey Khan" as a source on the Crimean Tatar campaigns]. *Istochnikovedenie istorii Ulucha Dzhuchi. Ot Kalki do Astrakhani 1223–1556* [Sources of the history Ulucha Jochi. From Kalki to Astrakhan 1223–1556]. Kazan', 2001. Pp. 391–421
23. Novosel'skiy A.A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [The struggle of the Muscov state with the Tatars in the first half of the XVII century]. M. – L., 1948. 447 p.
24. Pan'kiv M. *Toponimi, mikrotoponimi, legendi yak viyav etnokul'turnoi pam'yati pro tataro-turets'ki nabigi na Prikarpattya (XV–XVII st.)* [Toponyms, microtoponyms, legends as a manifestation of ethno-cultural memory of the Tatar-Turkish raids on the Outer Subcarpathia (XV–XVII centuries)]. *Karpati: lyudina, etnos, tsivilizatsiya* [Karpati: man, the etnosa civilizacia.]. 2012. Vol. 4. Pp. 91–102
25. *Pesni, sobrannye P.V. Kireevskim. Chast' II. Pesni bylevye, istoricheskie* [Songs collected by P.V. Kireevsky Part II. Folk songs, historical songs]. Moscow, 1868. 214 p.
26. Petrov A.N. *Voyna Rossii s Turtsiei i pol'skimi konfederatami s 1769–1774 god* [The War of Russia with Turkey and Polish Confederates from 1769–1774]. Volume I. 1769. St. Petersburg, 1866. 351 p.
27. Petrovs'kiy M. *Narisi istorii Ukraïni XVII – pochatku XVIII st.* [Essays on the history of Ukraine of the XVII – beginning of XVIII century]. Kharkov, 1930. 454 p.
28. Prokhorov D.A. *Krymskoe khanstvo v kontekste chernomorskoy trgovli (XV–XVIII vv.)* [Crimean Khanate in the context of the Black Sea trade (XV–XVIII centuries)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on archeology, history and Ethnography of Tavria]. 2001. Vol. 8. Pp. 388–403
29. *Puteshestvie g-na O. de lya Motre po Evrope, Azii i Afrike; geograficheskie, istoricheskie i politicheskie issledovaniya v Italii, Gretsii, Turtsii, v Tartarii (Krymu) i t.d.* [Travel of Mr. O. de la Motre to Europe, Asia and Africa; geographical, historical and political studies in Italy, Greece, Turkey, in Tartary (Crimea), etc.]. *Istoricheskoe nasledie Kryma* [The historical heritage of the Crimea]. 2006. No 12–13. Pp. 184–207
30. Rustemov O. *Kadiaskerskie knigi Krymskogo khanstva: issledovaniya, teksty i perevody* [Kadiasker books of the Crimean Khanate: studies, texts and translations]. Simferopol', 2017. 280 p.
31. Sas P. *Shlyakh armii sultana Osmana II do Khotina 1621 r.* [The Army's Way of Sultan Osman II to Khotin in 1621]. *Ukraïna v Tsentral'no-Skhidniy Evropi* [Ukraine in Central Europe]. 2014. Vol. 14. Pp. 56–70
32. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of Imperial Russian Historical Society]. Vol. 95. Saint-Petersburg, 1895. 766 p.
33. Simanskaya E.E. *Gendernye oppozitsii v leksicheskoy sisteme krymsko-tatarsk-*

ogo yazyka [Gender oppositions in the lexical system of the Crimean Tatar language]. *Mova i kul'tura* [Mova i culture]. 2011. Vol. 14. Tom 6. Pp. 223–226

34. Skal'kovskiy A.A. *Istoriya Novoy Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo* [The story of New Sich or the successor of Kosh Zaporozhsky]. Part III. Odessa, 1846. 330 p.

35. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoy Porty do nachala XVIII veka* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte to beginning of XVIII century]. St. Petersburg, 1887. 824 p.

36. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoy Porty v XVIII veke* [Crimean Khanate under the rule of the Ottoman Porte in the XVIII century]. Odessa, 1889. 253 p.

37. Striykovs'kiy M. *Litopis pol's'kiy, litovs'kiy, zhmuds'kiy i vsiei Rusi* [Chronicle of Poland, Lithuania, Samogitia and all of Rus]. Lvov, 2011. 1075 p.

38. *Ukrains'ka poeziya. Seredina XVII st.* [Ukrainian poetry. Middle of the XVII century]. K., 1992. 680 p.

39. *Ukrains'ki narodni dumi. U 5 t. Tom 1. Dumi rann'ogo kozats'kogo periodu* [Ukrainians folk dumes. In 5 volumes. Volume 1. Dumes of the early Cossack period]. K., 2009. 856 p.

40. Useinov T.B. *Krymskotatarskaya dvortsovaya literatura XV–XVII vekov* [Crimean Tatar palace literature of the XV–XVII centuries]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [The culture of the black sea]. 2001. No 25. Pp. 102–105

41. Khaydarly D.I. *Politicheskie vzaimootnosheniya mezhdru Moldaviei i Krymskim khandstvom v XVIII v. «1718–1774 gg.»* [Political relations between Moldova and the Crimean Khanate in the XVIII century. “1718–1774”]: thesis for the title of candidate of historical Sciences: 07.00.02. Kishinev, 1998. 163 p.

42. Shevchuk V. *Muza roksolans'ka. Ukrains'ka literatura XVI–XVIII stolit'. U dvokh knigakh. Kniga 1: Renesans. Ranne baroko* [Roxolan muse. Ukrainian literature of the XVI–XVIII century. In two books. Book 1: Renaissance. Early baroque]. K., 2004. 401 p.

43. Evarnitskiy D.I. *Istochniki dlya istorii zaporozhskikh kozakov* [Sources for the history of Zaporizhzhya Cossacks]. Vol. I. Vladimir, 1906. 1072 p.

44. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya (Iz vlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)*. [Book of Travel (Extract from the writings of the 17th century Turkish traveler)]. Vol. 1. Lands of Moldova and Ukraine. M., 1961. 375 p.

45. Evliya Chelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti* [Book of Travel. Crimea and neighboring regions]. Simferopol', 2008. 274 p.

46. Brian Glyn Williams. *The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire*. Washington: D.C.: The Jamestown Foundation, 2013. 54 p.

47. Czołowski A. *Najazd tatarów na Lwów w 1695 r.* Lwów, 1902. 47 p.

48. Fisher A. *The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century*. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 5, No. 2 (June 1981), Pp. 135–170

49. Druszkiewicz S.Z. *Pamiętniki 1648–1697*. Siedlce, 2001. 171 p.

50. Gliwa A. *Doświadczenie inwazji tatarskich w narracjach ludowych i pamięci zbiorowej jako niematerialne dziedzictwo kulturowe Polski południowo-wschodniej*. *Ochrona Zabytków*. 2014. No 1. Pp. 53–73

51. Gliwa A. *Strategie przetrwania ludności ziem południowo-wschodnich Rzecz-*

ypospolitej podczas najazdów tatarskich w XVII wieku. Hortus bellicus: studia z dziejów wojskowości nowożytnej: prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2017. Pp. 421–448

52. *Górka O.* Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk. Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1935. Vol. 8. Zeszyt 2. Pp. 185–295

53. *Inalcik H., Quataert D.* Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Cambridge, 1994. 1026 p.

54. *Katić T.* Tursko osvajanje Srbije 1690. godine The Ottoman Conquest of Serbia in 1690. Beograd, 2012. 175 p.

55. *Kizilov M.B.* Slave Trade in the Early Modern Crimea From the Perspective of Christian, Muslim, and Jewish Sources. *Journal of Early Modern History*. Vol. 11. No1–2 (2007). Pp. 1–31

56. *Kocowski B.* Wyprawa Tatarów na Węgry przez Polskę w 1594 r. Lublin, 1948. 70 p.

57. *Majewski R.* Cecora – rok 1620. Warszawa: MON, 1970. 256 p.

58. *Romański R.* Beresteczko 1651. Warszawa: Bellona, 1994. 219 p.

59. *Romuald R.* Największe błędy w wojnach polskich. Warszawa: Bellona, 2008. 189 p.

60. *Sarnicki S.* Księgi hetmańskie. Kraków: Jagellonica, 2015. 493 p.

61. *Szajnocha K.* Dwa lata dziejów naszych, 1646–1648: opowiadanie i źródła. Tom 2. Lwow, 1869. 396 p.

62. *Wagner M.* Kampania żwaniecka 1684 roku. Warszawa: Attyka, 2013. 280 p.

63. *Wimmer J.* Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965. 385 p.

64. *Wójcicki Kaz.* Wł. Obrazy starodawne. Tom 2. Warszawa, 1843. 288 p.

65. *Żegota P.* Pieśni ludu ruskiego w Galicji. Tom 1. Lwów, 1839. 234 p.

About the author: Sheykhumerov Amet-han Azizovich – laboratory assistant of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Batirin St., 7A, Russian Federation); amet.sheykhumerov@mail.ru

УДК 82-94

DOI: 10.22378/kio.2019.1.96-109

«Медет сенден, эйлер исенъ ихсанлар» (Хабибулла Керемнинъ (1848–1913) иджадына даир)

Исмаил Керим

*(Къырым муэндишлик ве педагогика университети; Татарстан
Джумхуриети Илимлер Академиясы, Ш. Марджани адына
тарих Институтынынъ Къырым ильмий меркези)*

Анълатма. Макъалеле XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башы девриндеки гъает аз огренильген къырымтатар язарларындан бириси Хабибулла Керемнинъ иджады талиль ве тедкъикъ этильмекте. Бугунде С.-Петербург архивлеринде къорунгъан араб язылы эльязмалары ве дигер сийрек менбалар узеринде онынъ терджиме-и-халы ве къыяслама усулы иле назм вариети ачыкъланмакъта.

Анахтар сёзлер. Хабибулла Керемнинъ иджадий вариети, XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башы девриндеки къырымтатар эдебияты.

Меселенинъ актуаллиги. Бугунде дженктен эввельки къырымтатар эдебияты гъает аз огренильгенинден гъайры, арада аман-аман ич огренильмеген языджылар да баягъы барлар. Оларнынъ не терджиме-и-халлары, не эсерлери, не де керекли весикъалары толу олмадыгъы алда, яхут ишленмеген ве базен чокъ зайыф ишленильген вазиятте булунмакъталар. Бойле языджылардан бириси – иджады инкъилиптан онъджеки девирге аит олгъан Хабибулла Керемдир. Озь вакътында иджадындан ич бир парчасы биле матбаа юзюни корьмеди.

Алынъыз, белли тюркшнас А.Н.Самойлович (1880–1938) 1913 сене-

си, Багъчасарайны зиярет эттиги заман, Яхья Наджип Байбуртлы (1876–1938) оны Хабибулла Керем иле таныштыргъан. Ве Самойловичнинъ темиз виджданы ве арекетлери нетиджесинде Х. Керем акъкъында айрыджа бир макъале пейда олгъанындан гъайры, бутюн эльязмалары да топланып, огренилип бир чокълары да, муэллифнинъ разылыгъы иле, Санкт-Петербург архивлерине берильген эди [10].

Керемнинъ шиирлерининъ язылгъан сенелери косътерильмеген. Ама базы шиирлерининъ тарихлери мундериджесинден де белли ола биле. Месея, Самойловичнинъ берген хаберине коре, Керемнинъ «Гъонджа-и-эфкъяр» («Фикирлер гъонджеси») серлевалы шиирлер топламынынъ эльязмасы эки къысымдан ибарет олып, биринджисинде 17, экинджисинде 25 шиир мевджуттыр. Иште, бу биринджи (энь эски) къысымынынъ биринджи шиири Гаспринскийнинъ «Ходжа-и-субьян» («Балалар оджасы») китабынынъ неширине багъышлангъандыр. Демек, шиирнинъ язылгъан тарихини бильмек ичюн китапнынъ нешир сенесини бильмек керек. Москвадаки Меркезий кутюпханеде (айрыджа къайд этмели ки, къырымтатарджа ве шу джумледе рус тилинден гъайры тиллерде олгъан эдебиятнынъ эпси Химки шеэриндеки филиалында булуна) къырымтатар тилинде чыкъкъан китап ве рисалелерни косътерген алты каталог къутусыны бакъып чыкътыкъ. Сонъра Санкт-Петербургдаки Русие Миллий кутюпханесининъ къырымтатарджа нешир олунгъан эдебиятынынъ каталогларыны огрендик. Ве тедкъикъ эткенимизге коре, Гаспринскийнинъ «Ходжа-и-субьян»ы 20-ге якъын дефа нешир олунгъан. Биз булгъан фишлерден энь онъджекиси 1888 сенесине аиттир. Бу да С.-Петербургдаки кутюпханеде «к.-тат. 3–660» шифри алтында булунмакъта. Фиштеки язы: Гаспринский Исмаил Мустафа огълу. Ходжа-и-субьян. Балалар мектеплерине махсус. Джылт 1. Багъчасарай, 1888 (56 с.). Бундан сонъ китапнынъ девамы оларакъ даа учь джылт нешир олунды. «Ходжа-и-субьян» эпси олып дёрт джылттан ибареттир.

«Ходжа-и-субьян» 1888 сенеси нешир олунгъан олса, демек, онъа багъышлангъан Керемнинъ шиири де айны сенеси язылды – деп тюшюнмеге акъкъымыз бар. Ама бойле тюшюнмеге кедер эткен башкъа весикъа да мевджут. Ве бу весикъа ялынъыз шиирнинъ язылгъан тарихини бельгилемейип, Керемнинъ бу китапкъа багъышлангъан эсери насыл дуйгъулар алтында догъгъаны ве насыл гъае ве макъсат онъа къолуна къалем алдыргъаныны косътермекте. Чар мемурь тарафындан язылгъан ашагъыдаки дилекче оаяткъан ве даа оладжакъ ичтимаий къозгъалмаларнынъ «огъони алмакъ» макъсадынен язылгъандыр. Весикъадан бир парчаны мисаль этип кетирейик. (Русчадан терджиме):

Чокъ гизли оларакъ.
Полиция департаменти.
1900 декабрь 31 № 13421

Елизаветполь Губернаторы бейэфендиге.

Полиция департаментинде булунгъан малюматларгъа коре, сонъ заманларда татар эдебиятында насылдыр чокъ янъы ве корюльмеген кучьлю эсинтилер, тесирлер ве денъишмелер ола ки, булар Русиеде яшагъан 14 миллион мусульман халкъынынъ юзйылларджа бир къалыпта олгъан яшайышыны тепретип, сарсып буюк ве джиддий денъишмелер азырламакъта. Бу янъы эсинтилер, усъттен бакъкъанда, хавфсыз бир шейден, яни тасильде янъы усулдан (усул-и-джедиттен – И.К.) башландылар. Усул-и-джедит аслында, Къырым мырзасы Исмаил-бей Гаспринскийнинъ 1884 сенеси нешир эткен татарджа бир дерслиги эди. Мында окъув усулы авропадаки усулгъа якъынлаштырылып, савти (сес) системасында къурула. Бу усул араб уруфатында окъув ве язувны огренме энасыны баягъы къолайлаштыра ве тезлештире. Шу мезиетлери (усътюниклери, васыфлары) саесинде Гаспринскийнинъ китабы озюне шерефли ер къазаныркен, башкъа усуллар кенар этиле башладылар... Сонъ-сонъуна усул-и-джедит узеринде къурулгъан окъув халкъларгъа янъы фикир ве гъаелерни ашлагъан буюк бир джереянгъа чеврильди...

Директор: Залянский [7, с.166].

«Ходжа-и-субъян»нынъ эмиетини анълаткъан ве чар мемурларыны хавфсырама дереджесини косьтерген даа бир весикъа бар. Ону да мисаль этип кетирейик:

Таврия Губернаторы.
Гизли болум.
1914 январь 21 № 1498

Н.А.Маклаков дженап алийлерине.

Таврия губерниясынынъ халкъ окъуулары мудири манъа хабер бергени киби, мусульман татар халкъынынъ кенди балаларыны мектеплерде окъутмагъа, истеги буюктир. Мектеби олмагъан ич бир кой ёкътыр... Шимди татар мектеплеринде дин аз, дюньявий фенлер чокъ окъутылып, о мектеплер артыкъ конфессиональ мектеплери дегильдир. Мында татар тилининъ сарфы ве атта эсап дерслери окъутыла. Онынъ ичюн мектеплерде Гаспринскийнинъ «Ходжа-и-субъян»ы киби дерсликлер къуullanалар. Бу мектеплер энди умумтасиль мектеплерине чеврилип, рус мектеплерине якъынлашмай ве Русиени огренмейлер...

Лавриновский.[8, с.274–276].

Биринджи весикъадан корюнгени киби, «Ходжа-и-субьян»нынъ энъ эрте нешри 1884 сенесине аиттир. Бу ракъамны эсас этип алсакъ, Хабибулла Керемнинъ иджады 1884-тен башлап вефатына къадар, яни 1913 сенесине къадар, девам эткендир. Ве Самойлович «Гъонджа-и-эфкъяр»нынъ биринджи къысмы (17 шиир) экинджисинден баягъы эски олгъаныны айрыджа къайд этмеси де нафиле дегильдир. Эбет, «Русиеде яшагъан 14 миллион мусульман халкънынъ юзйылларджа бир къалыпта олгъан яшайышыны тепретип, сарсып буюк ве джиддий денъишмелер азырламакъта» олгъан «Ходжа-и-субьян» ильк нешринден Х.Керемни де дуйгъуландыргъан, къальбини къозгъаткъан ве къолуна къалем алдырткъан эди...

Хабибулла Керем кучюклигинден Багъчасарайгъа кочъкен ве анда Сырлы-Чешме деген ерде яшагъандыр. О, Гаспринскийни гузель таныгъан, маариф ве газетаджылыкъ саасындаки ишини такъдирлеген ве «Терджиман»ны окъумакъ ичюн сыкъ-сыкъ «Балтаджы» къавесине баргъан кишилерден эди. Эбет, «Ходжа-и-субьян» нешир олунгъан сонъ, Керемнинъ къолуна тюшкендир. Онынъ бу хусуста шиيري эскилиги ве ипрангъаны себебинден толу окъулып олунмаса да, бу ерде бир къысмыны мисаль сыфатында кетиремиз:

1. Я, Иляхи, медет сенден бизе, эйле сен ихсанлар,
2. ... хунерлер биз окъусын хэм...
3. Санаатсыз хэм хунерсиз харап олду бу инсанлар.
4. Инает эйле, Яраданым, чыкъсын орадан хулялар.
5. Эузу бисмиллях иле окъумагъа башладым,
6. анъладым,
7. «Ходжа-и-субьян» эмиш себеп...хэм бильдим
8.
9. Окъумакълыкъ теджвит иле язы, ракъам, хэсабын
10. Бинъ-бир исмин хуръметичюн ярадан сен Мевлясын
11. Исмаил-бек
12. Бир къул икен чокъ чалышты миллет ичюн...
13.

(Биринджи сатырда: «Илях» – Аллах; «медет» – имдат, къуртулыш; «ихсанлар» – эйиликлер, яхшылыкълар. Дёртюнджи сатырда: «инает» – керем, мерхамет; «хулялар» – 1. Къурунтылар 2. Хаяллар. Докъузынджы сатырда: «теджвит» – окъума къаиделери).

Кетирильген парчадан ачыкъ анълашылгъаны киби, Керем Гаспринскийнинъ дерслигини ве хызметлерини селямлап, халкъны джахилликтен къуртулмагъа, санаат ве унер саиби олмагъа чагъыра.

Хабибулла Керем ич бир шиирини бастырмады – дедик. Ама онынъ, эсерлерини матбуат юзюне чыкъармагъа мерамы бар эди. Шунунъ ичюн о, бунгъа юреги сыкъылгъан бир вакъытта, «Гъонджа-и-эфкъяр»нынъ биринджи къыс-

мыны С.-Петербург цензурасына ёллагъандыр. Керемнинъ эсерлерини белли тюркшнас-профессор В.Д.Смирнов (1846–1922) бакъып чыкъып кырымзы мерекеп иле бир чокъ сызмалар япкъан. Эм сызып ташламаларнынъ чокъусы я эсерлердеки Къырым тарихи иле багълы ерлер, я да чар мемурларынынъ акъсызлыгъыны анылаткъан ерлердир.

Ред джевабына бакъмадан Керем языларыны девам этти. «Гонджа-и-эфкяр» топламы энди бир тертипке кетирильген сонъ, 1908 сенеси онъа, кенди акъкъында хабер ташыгъан ве яратыджылыгъынынъ себебини анылаткъан бойле бир кириш сёз язды. Серлевасы: «Себеп талий «Гъонджа-и-эфкяр» (яни «Фикирлер гъонджеси» джыйынтыгъынынъ яратылмасына себеп). Кириш сёзюнинъ метни: «Бир кунъ кендим башыма шойле бир меракъ иттим ки, яшым да эллийи кечмишти. Бир-ики эвлядым дюнья кельди. Омюрлери аз имиш... Генч икен мерхум олдулар. Мевлям шефаатларындан (къорчаламадан – И.К.) махрум эйлемесин. Аминъ –дие... Серветим ёкъ ки, миллетим ичюн бир шей идеяим де, быракъайым да девр-и-къыямете къадар. Шу арзу иле бир заман дюшуне къалдым. Мевлям хайырлы омюрлер версин «Терджиман» мухаррири Исмаил-мырза Гаспринские, 25 сенеден бери «Терджиман» газетеси иле «Окъуйын!», «Язын!» –дие чагъыыр. «Бакъый къалан шей –тек языдыр» –диюр. Беним исе окъуйып язмакътан джюзий бир шейден гъайры, хич... Мурат иттим бильдигиме коре язарым –дедим бираз сёзлер. Чюнки «окъумакъ, язмакъ зиян кетирмез» –сёзюни «Терджиман»да дефа-дефа окъудым. Ол себептен бу ише мубашерет иттим (башладым – И.К.). Затен кендим Кок-Козълюйим. Аннем дженнетмекеян (ери дженнет олгъан – И.К.), бен исе секиз айлыкъ къалмышым. Бен, секиз айлы чоджугъы, ... къартаннем гетирмишлер. Къартаннем бени осьтюрмиш беш-алты яшыма кетирмиш, оджая вермиш. Бир къач сенелер орада ирделеме итти исем де (окъугъан олсам да –И.К.), бакъмыш гёрмиш ки, ол оджада хич бир файда аламаджагъым. Сонъра бени Акъмесджитте бир адамын янына вермишлер... Орада дёрт сене къадар омюр кечирдим. Ол эснада къартаннем мерхум олду. Рахметуллахи алейхи (Аллахнынъ рахмети онынъ узерине олсун – И.К.). Ондан сонъра бирэвлернинъ садакъаларына мухтадж олмамакъ ичюн, алдым башымы гиттим Русие ичерисине. Русиеде беш-он сенелер мейва тиджарети иле гездим. Сонъра Одесса гельдим. 1871 сенесинде Истанбула гиттим. Бир къач айлар орада эглендим. Сонъра кучъ-беля иле Къырымы йине булдым. Яшым дахи 26-я гельмиш иди. Беним турдугъым шехэр Багъчасарай ичинде 20.000 (йигirmi бинъ) джан мусульман вар. Араларында русча окъумакъ, язмакъ 5–10 сёз билен пек аз иди. Бен кендигимден беш-он сёз огрене-бильдим. Ол себептен хэр нереди бир мусульман иле бир русун арасында иш олду исе, бен анда булундым, усанмадан ярдым иттим. Мерхаметле иш яптыгъым саесинде Керем адыны къазандым. Эльхамдулиллях (Аллагъа шукурлер олсун – И.К.) шимдики вазиятни 30 йыл огюне олгъанлар иле къыяс

итмек мумкюн дегиль Хэр нерее варырсенъ, генчлеримиз сае-и-«Терджиман» мухаррири Исмаил-мырза химметийле (гъайрети иле – И.К.) ачылмыш енъи усул мектеплер генчлеримизи джехалеттен къуртарып айдынлыгъа чагъырма-сыйле, окъуп-язма иле муневвер олдулар, Мевлям хайырлы омюрлер версин. Беним киби надане куню къалан миллетин халына къыяс эйле. Бен исе Исмаил-мырза Гаспринский «Терджиман»ы чыкъаргъандан бери якъасыны быракъмамакъ иле баягъы талим алдыгъым себебинден бу иши башлая бильдим.

Башыма гелени язмадан аджиздир къалемлер,
Нелер чектирди бу джахиллик ве не тюрлю эмеклер,
Эсерим къалсун дюньяда фикриле
Къалемим алдым элиме, чалыштым бир заман,
Назар итменъ къусурыма, джумлемиз кечеджек бу джихандан.
1908.

Эбет, бу сатырлардан ватандашымызнынъ бир мюджахит вари озъ халкъынынъ хорлангъаныны корип оны джехалеттен къуртармакъ, аякъкъа къалдырмакъ, башкъа омюрге, инсан адына ляйыкълы омюрге, алып бармакъ истегени, лякин къолунда не сервет, не имкян олмадыгъы кучъсюзлигинден ве аджизлигинден, ич олмадым кенди фикирлерини ве дуйгъуларыны язып къалдырмакъ ниетиле къолуна къалем алгъаны белли ола.

Самойловичнинъ мезкур макъалесинде язгъанына коре, Керемнинъ биринджи девир шиирлери чокъусы алларда умумий ве абстракт фикирлер ташыйлар. Ама Керем кене де озъ деврининъ энъ актуаль проблемаларына сес котерип дуйгъудашлыкъ бильдиргенини коремиз. Месея, юкъарыда сёзю кечкен, хиджрет меселесининъ зарарыны ачыкъ корьген Керем саметдешлерини назым сёзю иле къуртармагъа чалыша:

Билиджилер сёйлесе де, булунмазды чареси,
Вар иди башына зви хэм тиджарет ханеси.
Чокъ кечмеден дёндюлер, кери къалыркен пареси,
Не захметлер чекти онлар эвсизликтен хэписи,
Пек кучъ олур иш бозулса тюзетильмеси,
Кендилери дерлер буну – чокъ шукюрлер бурасы!...

Хиджрет меселеси, XIX асырнынъ сонъунда язып башлагъан дигер бир шаир Сеит Абдулла Озенбашлыны да чокъ раатсызлагъан эди. Ирмакъ суву киби, Къырымдан акъып кеткен миллетины корьген шаир, джан-юректен янып, кеткенлерге къалып сызлатыджы сатырларнен мураджаат эте:

Быракъуп миллети къайда къачарсынъ?
 Зан идерсинъ ёлда хасри тапарсынъ,
 Къаланлар юзюне къаре якъарсынъ,
 Сенинъ бу иттигинъ севап дегильдир!
 Бурада къалан эхиле сендинъми эксик?
 Эй, дердине дермандан умюди кесик!
 Сёйле, бир дердинъи, хале недир эксик?
 Не сюкют идерсинъ, дилинъми кесик?!
 Ишлеринъ итикъаде уйгъун дегильдир! [1]

(«Хасри» – асрет; «итикъат» – дин, иман).

Девирнинъ назым яратыджылыгында бедий сёз, бедий образ, сонъра везин, къафие, эджа ольчюси киби васталарны талиль этеркен, базыда аджайип сатырлар, оригиналь образлар иле яраштырылгъан парчалар везин ве окъума тюзгюнлиги меселесинде акъсагъанларыны коремиз. Эм бу алгъа ялынъыз къырым муэллифлерининъ иджадында дегиль де, умумен тюркий назмиетте де расткелине. Занымызджа, бунынъ эсас себеби (эбет, истидатсызлыкътан гъайры) эдебиятымызда бедий васта араштырувлары иле багълыдыр. Эски шириетимиз, язы тилимизде арабча ве фарсидже алынмалар чокъча олгъан вакъытта, чокъусы «аруз» ольчюсине, яни сатырлардаки эджаларнынъ сыфаты (эджаларнынъ узун яхут къыска сесли олмалары, къапалылыкъ ве ачыкълыкъларына даялы) ве микъдарына эсасланса, XIX асырнынъ сонъларында «бармакъ» ольчюси, яни сатырлардаки эджаларнынъ тенъ текрары ве бир тертипке кельмеси [11] мейдан алмагъа башлай. Шунынъ ичюн уялма девриндеки назмиетимизде бу эки эсас везин ольчюсининъ якъынлашмасыны ве атта къарышмасыны коремиз. Месея, Ходжа Меметнинъ 1900 сенеси язгъан «Айвазовскийнинъ хатирине» адлы шииринден бир парчасыны алайыкъ:

1. Олурсе бир шехрин адиль иле дады (12)
2. Булуныр иште джумленинъ имдады. (11)
3. Бакъий къалды шу джиханда иттиги кяры, (13)
4. Еди икълиме зухур олду иди намы. (13)
5. Донанды ёллар байрагъыле баштан баша, (13)
6. Шанлы бабамыза дженап Мевля рахметин сача (15) [2]

Сатыр сонъундаки ракъамлардан корюнгени киби, тек 3,4 ве 5-нджи сатырда эджаларнынъ сайысы айныдыр, яни 13, къалгъанларында 11-ден 15-ке бара. Бу ерде, эбет, конкрет суретте «бармакъ» я да «аруз» ольчюси хусусында айтмакъ къыйындыр.

Самойлович Хабибулла Керемнинъ шиирлериндеки ольчю ве усьлюбини

талиль этеркен, оларны дестан шеклинде язылгъанларыны къайд этти. Ама, эбет, везин ве ольчо тюзгюнлиги акъсамлары Керемнинъ бир чокъ парчала-рында ёкъ дегиль:

Гъайры ёкътыр чаре бунъа огренейик санатлер,
Ёкътыр эльде серветимиз ве хэм де хунерлер,
Ол себептен чекмекдейиз джумлемиз пек зульметлер!
Талаптан гери къачарыз, бизлерде вардыр тенбеллер,
Къалмаюр орадан хич бу сёзлер ве кереклер!

Буну бизге анълатсалар дефа-дефа хэм улемалар,
Бизе ёллары госьтерен ёкъ, ёкъ биз ичюн ярыкълар!

Окъумакъ ичюн, огренмек хунер бабамыз верди гъайретлер
Ве лякин ёкътыр арамызда бунъа гъайрет иденлер.
Алмаюр къулакълар, ве хэм горьмиюр гозьлер...

Хабибулла Керемнинъ сарих, конкрет адисе ве шахсларгъа багъышлан-гъан шиирлеринден («Гъонджа-и-эфкъар»нынъ биринджи къысмында) Багъ-часарайда джамилер тамирине пара айыргъанларгъа тешеккюрлер, бир му-сульман къабри бакъымсыз къалгъанына яныкълар, бир медресенинъ алына яныкълар:

Вардыр бизим шехримизин ортасында медресе,
Ичерсинде талебе хич ве хэм де мудерриси,
Вар имиш къапу усьтюнде кемер таштан язысы
Кимсе бильмез ким яптырмыш, кимдир онынъ баниси.

киби парчаларындан кене де эски бир имаргъа багъышланып тарихимиз-де къыймети ольченмез олгъан Гъазы Мансур иле багълыдыр. Белли олгъа-ны киби, Чуфут-Къале янларында (Багъчасарай этрафы) хиджрий эсапнен 838 сенеси Гъазы Мансур адына дервишлер текиеси къурулгъан эди. Гъазы Мансурнынъ озю исе, Мухаммед пейгъамберимизнинъ ёлдаш ве сафдашла-рындан бириси олып, та къадимий девирде Ешиль аданы озюне сонъки ме-кян этип сайлагъан ве мезкюр текие еринде комюльген эди [3].

Шиирнинъ мундериджесинден текиенинъ кенди ве о иле багълы олгъан къырымлыларнынъ бир чокъ адет ве анъанелери ачыкълана. Меселя, эснаф-ларнынъ меслек байрамларында териджилер, къалайджылар, чарыкъчы-лар ве атта чалгъыджылар (усталары ве шагиртлери, къальфалары) Гъазы Мансур текиесине барып шейх-мешайих ве улемалар иле бир сырада намаз къылып, андаки эки чешмеден акъкъан сувлар иле шифалана ве меслек ом-

рюни узакъ этильмесини тилей эдилер. Эснаф байрамлары бутюн бир шехэр халкынынъ байрамына чевриле эди. Меселя, Гаспринский бойле бир эснаф байрамы хусусында хабер бериркен, тышарыда донатылгъан учь-дёрт тюрлю емек софрасында 5.000 (беш бинь!!!)-ден зияде адам булунгъаныны айта. [4].

Хабибулла Керем текиенинъ ерлешмеси, деври ве кечмиш алыны анъла-тыркен:

Шехримизин усть башында вардыр бир улугъ зат
Гъазы Мансур Султан вели дерлер онъа ад.
Чокъ кишилер келир анда зияретле, алырлар мерам
Эм орасын козетедир даима да бир шейх зат.

Бир тарафы дагълыкъ хэм де буюк увадыр,
Дагъын бир тарафында хэм гечмее ёл вардыр.

Эзельден вар иди орада мусафирханелер ...
Йыкълмыш, харап олмыш, къалмамыш хич эсерлер.
Не мердвени къалмыш ве не де хисарлары
Не себептен къулакъ асмай буна уста яшлары?!

Насыл ола да корьминюрлар бурасыны улемалар
Йыкълмыр гидер, орасы да олур монастырлар
Бир зат-ы-шериф орада эй, бирадерлер,
Джумлемиз билириз ки, Гъазы Мансур - велидир,
Гуныхы бир тарафта турсун..... айыптыр!

–дей.

Бойле самимий сёзлер, юрек яныгъы ве чокъ аджыныкълы малюматлар иле (шиирнинъ бир еринде текиенинъ сувуны кесип, янында олгъан мона-стырьге алгъанларыны хабер бере) шеэрнинъ адий бир сакини миллет яди-кярлыкъларыны къорумагъа чагъыра.

Къырымтатар эдебиятында Рус инкъилябы заманына къадар Гъазы Мансургъа багъышлангъан даа бир къач эсерлер яратылгъан эди. Шулардан би-риси Умер Ипчининъ (1897–1955) «Гъазы Мансур» поэмасыдыр. Бу эсер 1917 сенеси Абляким Ильмининъ (1887–1962) мухаррирлигинде нешир олунгъан «Къырым оджагъы» газетасында басылгъандыр. Кечен йылларда шу газетанынъ «Гъазы Мансур» поэмасынынъ бир парчасы басылгъан номе-рини була бильдик [5]. Ишбу парчагъа бир заманлары К.Джаманакълы (1905 – 1966) тарафындан язылгъан макъаледен 7 сатырлыкъ парчаны къошсакъ, эпси олып 28 сатырлыкъ бир къысым чыкъмакъта [9, с.42]. Бу поэма акъ-къында айрыджа бир макъале язгъан эдик [6].

Метинден анылашылгъаны киби, Ипчининъ эсеринде диний сюжет къулланылып Гъазы Мансурнынъ Ватан ве Иман ичюн савашта джесюрлиги ве озъ илине садакъаты косътериле.

Хабибулла Керемден исе, бизге асабалыкъ къалгъан ялынъыз шиирлери ве айры шекильде къорунмада булунгъан дестаны олмайып, кене де С.-Петербургдаки Шаркъшнаслыкъ Институтынынъ эльязмалар фондунда булунгъан 1152 (бинъ юз элли эки!!!) саифели кунъделик дефтери де бардыр. Ишбу кунъделикни Керем 1901 сенеси октябрь 25-тен башлап язгъан. Дефтерге эсасен Багъчасарайда (ве базада умумен Къырымда) олып кечкен вакъиалар, шу джумледе шеэрдеки ава, келип кеткен мусафирлер, кечирильген байрамлар, атта базарда сатылгъан малларнынъ фиятлары киби шейлер къайд олунгъандыр. Бу языларнынъ эмиетини бельки келеджектеки махсус текъикъатлар ачыкълар, ама Самойловичнинъ сёзю иле айткъанда, Къырымда адий бир сакиннинъ эвинде бойле кунъделикнинъ булунмасы гъает буюк меракъ догъурыджы алдыр. Эр не исе, кунъделик хусусында бир агъыз сёз айтылса, мезкюр макъаледе кетирильген бир къач мисаллерден корюнгени киби, Керемнинъ кунъделик дефтери миллетимизнинъ о девирдеки эшьясы, савут-сабасы, кийими, ашы-суву, ишлери ве умумен эр кунъки турмушы акъкъында айдын левхалар ачылды чокъ зенгин бир менбадыр.

Сонъуч. Умумен алгъанда, Хабибулла Керемнинъ аяты ве фаалиети XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башы девринде къырымтатар эдебиятынынъ адий ве табий дурумыны косътермектедир. Онъа бенъзерлер арасында Ходжа Мемет, Сеид Абдулла Озенбашлы кибилер халкъ ичинден чыкъып шиирий иджат авеслигине верильгенлернинъ айрыджа табакъасыны тешкиль этмектелер. Занымызджа, къырымтатар эдебиятында о девирге аит бу сой язарлар даа чокъ булуна билир. Чюнки о заманнынъ медресе программаларында инша язмакъ меджбуриети бар исе, демек сенелер девамында сохталарнынъ къалемлери сыналып, араларында оригиналь сёзлю ве фикирли сойлары да чыкъкъандыр. Меселя, бугунъде Акъмесджитте, Къырым гражддан архивинде, булунгъан материаллар арасында 1914 сенесине аит «Зынджырлы медресе»нинъ сохталары тарафындан язылгъан бир папка арапча эльязылы иншалар сакъланмакътадыр. Табий ки, олар огренилир ве ишленирсе, даха бир чокъ меракълы шейлер мейдангъа чыкъа билир.

Эр алда, шимдилик шуны къайд эте билемиз ки, Хабибулла Керем ве онъа бенъзер язарлар XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башы девринде къырымтатар эдебиятынынъ айрыджа бир къысмыны тешкиль этип, къырымтатарджа бедий сёз эвримининъ джереян чешитлигини косътермектелер.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. *Гаспринский И.* Необоснованное эмиграционное движение крымских татар // Терджиман. 1902. 31 мая. (Бу язысында И.Гаспринский редакциягъа кельген С.А.Озенбашлынынъ «Эй, гонъюль» шиирини мисаль оларакъ кетире).

2. *Гаспринский И.* Памяти И. К.Айвазовского// Терджиман. 1900. майыс 5. (Бу парчада И.Гаспринский кырымтатар халкъынынъ Айвазовскийге урьмет ве севгисини косьтерген мисаллерден Ходжа Мемет эфендининъ шиирини русча изаатынен берабер бермекте).

3. *Гаспринский И.* Бухара ве Багъчасарай // Терджиман. 1893. январь 31.

4. *Гаспринский И.* Турмушымыздан// Терджиман. 1894. майыс 26.

5. *Ипчи У.* «Гъазы Мансур». Поэма // Кырым оджакъы. 1917. №. 18. сентябрь 1. (Ишбу газетанынъ тапылмасында бизге ф.ф.н. Т. Н. Киримов ярдымджы олгъандыр – И.К.).

6. *Керим И. А.* Умер Ипчининъ «Гъазы Мансур» поэмасы // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы КИПУ. Том 1. Симферополь: Крымучпедгиз. 2011. С.182–185.

7. *Кричинский А.* Очерки политики российского царизма на окраинах. Ч.2. Баку. 1920. С. 3–193.

8. *Кричинский А.* Очерки русской политики на окраинах. Ч.1. Баку. 1919. 295 с.

9. *Решидов К.* (Джаманакълы). Умер Ипчи (Алкедай) // Эдебият ве культура. 1936. №1.

10. Хабибулла Керемнинъ эльязмалары хусусында малюматны башта бойле менбада расткетирдик: *Дмитриева Л. В.* Турецкая арабописьменная рукописная книга // Рукописная книга в культуре народов Востока. Книга первая. Москва: Наука. 1987. 473 с. Сонъра элимизге оджамыз Басыр Гъафар тарафындан дактилодан кечирильген А.Самойловичнинъ «Бахчисарайский певец, поэт, летописец и метеоролог Хабибулла Керем» // ИТУАК. 1913. №50. С.205–221) макъалеси тюшти. Ве даа сонъра КъМПУнынъ оджасы Нариман Абдульваапов тарафындан Санкт-Петербургдаки архивлерден булгъан ве арабча уруфаттан латин уруфатына транслитерациясыны япкъан базы шиирлерини пейда эттик. Хабибулла Керем иле багълы языларымызда бу менбалардан да файдаландыкъ.

11. *Pala I.* Ansiklöpeditik divan şiiri sözlüğü. Cilt 1–2. Ankara. 1989. 554 s. S.41–44; *Хотамов Н., Саримсоқов Б.* Адабиятшунослик терминларининг русча-Ўзбекча изоҳли луғати. Тошкент: Уқитувчи. 1983. С. 37, 38, 43.; *Тимофеев Л.И., Тураев С.Э.* Словарь литературоведческих терминов. Москва: Просвещение. 1974. С. 22, 25.

«Помощь твоя, если творишь ты добрые дела» (Посвящается творчеству Хабибуллы Керема (1848 – 1913))

Исмаил Керимов

(Крымский инженерно-педагогический университет; Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. В статье рассматривается творчество одного из малоизвестных авторов крымскотатарской литературы конца XIX и начала XX века Хабибуллы Керема. На основе рукописей, хранящихся сегодня в архивах С.-Петербурга, а также редких источников, связанных с событиями того времени, описывается краткая биография, в сравнительном плане анализируется поэтическое наследие автора.

Ключевые слова. Творческое наследие Хабибуллы Керема, крымскотатарская литература конца XIX и начала XX века.

Для цитирования: Керим И. А. «Помощь твоя, если творишь ты добрые дела» (Посвящается творчеству Хабибуллы Керема (1848 – 1913)) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 96-109. DOI: 10.22378/kio.2019.1.96-109

Сведения об авторе: Исмаил Асанович Керимов – доктор филологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма, Крымский инженерно-педагогический университет; ведущий научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); alimes@mail.ru

“Assistance is from you, if you do good deeds” (Devoted to the creative work of Habibullah Kerem (1848 – 1913))

Ismail Kerimov

(SBEEHE RC “Crimean Engineering and Pedagogical University”; Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan AS)

Abstract: The article deals with the work of one of little-known authors of the Crimean Tatar literature of the late 19th century and early 20th Habibullah Kerem.

Based on manuscripts, kept today in the archives of St.Petersburg, as well as rare sources related to the events of the time, the article describes a brief biography in comparative terms analyzing the poetic legacy of the author.

Keywords: creative legacy of Habibullah Kerem, Crimean Tatar literature of the late 19th century and early 20th.

For citation: Kerimov I. A. “Assistance is from you, if you do good deeds” (Devoted to the creative work of Habibullah Kerem (1848 – 1913. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.96-109. DOI: 10.22378/kio.2019.1.96-109

REFERENCES

1. Gasprinskiy I. *Neobosnovannoe emigracionnoe dvizhenie krymskih tatar* [Unreasonable emigration movement of the Crimean Tatars] *Terdzhiman* [Translator]. 1902. May 31.
2. Gasprinskiy I. *Pamyati I. K. Ayvazovskogo* [To the Memory of I. K. Aivazovsky] *Terdzhiman* [Translator]. 1900. May 5.
3. Gasprinskiy I. *Buhara ve Baghasaray* [Bukhara and Bakhchisarai] *Terdzhiman* [Translator]. 1893. January 31.
4. Gasprinskiy I. *Turmushymyzdan* [From our life] *Terdzhiman* [Translator]. 1894. May 26.
5. Ipchi U. «Gazy Mansur». *Poema* [“Gazy Mansur”. Poem] *Kyrym odzhagy* [Crimean hearth]. 1917. No 18. September 1.
6. Kerim I.A. *Umer Ipchinin «Gazy Mansur» poemasy* [The poem of Umer Ipchi “Gazy Mansur”] *Trudy NIC krymskotatarskogo yazyka i literatury KIPU* [Proceedings of the research center of the Crimean Tatar language and literature of the Crimean engineering and pedagogical University]. Volume 1. Simferopol, Krymchpedgiz. 2011. Pp.182–185.
7. Krichinskiy A. *Ocherki politiki rossiyskogo carizma na okrainah*. Ch.2. [Essays on the policy of Russian tsarism on the outskirts. Part 2.]. Baku. 1920. Pp. 3–193.
8. Krichinskiy A. *Ocherki politiki rossiyskogo carizma na okrainah*. Ch.1. [Essays on the policy of Russian tsarism on the outskirts. Part 1.]. Baku. 1919. 295 p.
9. Reshidov K. (Dzhamanakly). Umer Ipchi (Alkeday). *Edebiyat ve kultura* [Literature and culture]. 1936. No 1.
10. Dmitrieva L.V. *Tureckaya arabopismennaya rukopisnaya kniga* [Turkish erboristeria manuscript book] *Rukopisnaya kniga v kulture narodov Vostoka*. Kniga pervaya [Handwritten book in the culture of the peoples of the East]. Book one. Moscow: Science. 1987. 473 p.; Samoylovich A. *Bakhchisarayskiy pevec, poet, letopisec i meteorolog Habibulla Kerem* [Bakhchisarai singer, poet, chronicler and meteorologist Habibulla Kerem] ITUAK [News of the Taurian scientific archival Commission]. 1913. No. 50. P. 205–221. (Later, together with the teacher of the Crimean Engineering and

Pedagogical university Nariman Abdulvaapov, we have found some poems, transliterated from Arabic to Latin from the funds of Saint Petersburg's archives. In our works about Habibulla Ketem we also used those sources).

11. Pala I. *Ansiklöpeditik divan şiiri sözlüğü* [Vocabulary of the encyclopaedic Divan poetry]. Part 1–2. Ankara. 1989. Pp. 41–44; Hotamov N., Sarimsokov B. *Adabiyatshunoslik terminlarining ruscha-Ўzbekcha izoxli lugati* [Russian-Uzbek vocabulary of literary criticism terminology]. Tashkent: Ukituvchi. 1983. Pp. 37, 38, 43.; Timofeev L.I., Turaev S.E. *Slovar literaturovedcheskih terminov* [Dictionary of literary terms.]. Moscow: Education. 1974. Pp. 22, 25.

About the author: Ismail Asanovich Kerimov – Dr. Sci. (philology), Professor, Director of the Scientific Research Institute of the Crimean philology, history and culture of the Crimean ethnos, SBEEHE RC “Crimean Engineering and Pedagogical University”; Leading Researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin Str., 7A, Russian Federation); alimes@mail.ru

Художественный психологизм произведений Мемета Нузета

Таир Киримов

(ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет»)

Аннотация. В статье рассматриваются основные биографические источники и литературно-художественные произведения крымскотатарского писателя М. Нузета. В процессе анализа стихотворений и рассказов автора была предпринята попытка осветить характер его психологической личности и глубину философского мышления. Вместе с тем на примере поэтических текстов стихотворений, как «Къырыкъ къальбимнинъ къайгыысы» («Печаль моего разбитого сердца»), «Сокъур козьден саадет» («Счастье от слепого глаза»), «Агъладым» («Расплакался»), «Севин эй, шанлы миллет!» («Ликуй, эй, славный народ!»), объясняются некоторые пути авторского влияния на читательскую аудиторию.

Мемет Нузет родился в 1888 году в селе Хайдаргазы близ древнего города Кезлев (Евпатория) в Крыму. Его первые стихи были опубликованы в известной газете И. Гаспринского «Терджиман» («Переводчик») в 1912 году. Наиболее плодотворный период творчества М. Нузета приходится на 1920-е годы. В национальных газетах и журналах, как «Миллет» («Нация»), «Еньи дюнья» («Новый мир»), «Илери» («Вперед»), «Козь айдын» («Благая весть»), он часто печатается под псевдонимами Тюйревич и Челебизаде Хайдаргазы. В 1928–1930 гг. по национальной программе Крымского комитета нового тюркского алфавита М. Нузет переводит на крымскотатарский язык и издает отдельными книжкам и произведения известных русских писателей. В последние же годы своей жизни работал учителем в дер. Коклуз (совр. название – Богатое Ущелье). Впоследствии тяжелой болезнью скончался в 1934 году.

Ключевые слова: национальный, портрет, народ, литература, характер, Мемет Нузет.

Для цитирования: Киримов Т. Н. Художественный психологизм произведений Мемета Нузета // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С.110-123. DOI: 10.22378/kio.2019.1.110-123

Судьба и творческое наследие Мемета Нузета всегда остаются в центре внимания литературоведов, лингвистов, биографов, искусствоведов. Например, в трудах У. Ипчи, Э. Шемизаде, Дж. Бекирова, А. Алтанлы, Ю. Темир-кая, И. Керимова, Ю. Кандымова рассматриваются культурно-исторические, политические процессы в Крыму, повлиявшие на формирование личности писателя; обсуждаются стратегии поиска утерянных после его смерти рукописей [2; 8; 9; 13; 28]. Таким образом, в 2003 году издается сборник избранных произведений М. Нузета под названием «Къырымнынъ чёль аатындан» («Из жизни крымской степи»), составленный Н. Сейтягъевым [18]. Совсем недавно под редакцией К. Саладинова свет увидела книга воспоминаний дочери Ниаль об отце «Бабачыгъымны хатырлап» (2015) [26]. Их дополняет ряд тематических статей и заметок, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях. Здесь читатели могут ознакомиться с блоком интересной информации о жизни, писательской и просветительской деятельности автора. Вместе с тем в довоенной национальной периодике, как «Енъи дюнья» («Новый мир»), «Козь айдын» («Благая весть»), «Янъы Чолпан» («Новая Венера»), «Миллет» («Нация»), «Илери» («Вперед»), можно встретить и малоизвестные стихотворения Мемета Нузета, подписанные псевдонимами Тюйревич, Челебизаде Айдар Газы [14; 15]. Не менее примечательной является переводческая деятельность писателя. В 1929–1930 годах им были переведены на крымскотатарский язык произведения А. Чехова – «Агафья», Е. Бывалова – «Реджи», Б. Житкова – «Плотник», А. Мирской – «Смелая» [3; 5; 7; 19; 24; 27]. Классик крымскотатарской литературы М. Нузет плодотворно работал в различных жанрах поэзии и прозы. В его произведениях оживают тонкие, проникновенные чувства, облекаясь в изящные речевые фигуры. Автор создает образы запоминающихся литературных героев, прослеживает, как проявляются их характеры в весьма сложных, часто суровых жизненных условиях. В случае, если нужно уточнить определенные национальные черты, мировоззрение народа, прибегает к психологическому анализу взаимоотношений людей в том или ином социуме.

Вот, например, на первый взгляд кажущееся простым, комическим драматическое по сюжету произведение М. Нузета «Селим сохта» («Учащийся Селим»). Здесь изображен преимущественно в серых, негативных, сардонических тонах ученик медресе – бородатый мужчина в самом расцвете сил. С Селимом случаются различные нелепые приключения. Эти приключения обусловлены прежде всего его мечтой связать свою судьбу с Момине, нежной и добродушной дочерью зажиточного крестьянина. Но только на протяжении многих лет Селим, в силу то ли необъяснимых психологических трудностей, то ли своего тяжелого экономического положения, никак не решится раскрыть свои чувства понравившейся девушке. Однажды, когда до него дошла весть о помолвке девушки с Куртмуратом – сыном богача Адже-

мета Кыпчаклы, влюбленный ничего не смог предпринять, кроме как похоронить огонь любви в своем сердце. Впрочем, спустя некоторое время слух о смерти супруга Момине в русско-японской войне возродил утраченные надежды. На этот раз, стараясь не упустить прекрасный случай сблизиться с любимой, Селим не обращает особого внимания на то, что у нее на руках двое маленьких детей. В конце концов, во время подготовки к женитьбе неожиданно для всех с войны приходит роковое письмо, которое кардинально переворачивает всю жизнь главного героя. Примечательно, что М. Нузет с помощью письма также меняет ход событий и в другом рассказе – «Бахтсыз хоранта» («Несчастливая семья»). Не менее интересно и то, что проницательный читатель, дойдя до самого драматического накала сюжета, может увидеть в, казалось бы, неизменном облике персонажа черты нежного, глубоко ранимого человека. Селим предстает перед нами в совершенно ином амплуа. В тот момент, когда предельно накаляется ситуация, более отчетливо в нарративной структуре рассказа обозначается фигура автора. Он берет на себя ответственность прочесть содержание упомянутого письма:

«Гедже дюшюмде, куньдюз эсимде, башымнынъ таджы, гонъюмнинъ иляджы, дердимнинъ дерманы, къуванчымнынъ ферманы, багъчамнынъ гулю, далымнынъ бульбули, джерде изим, кокте йылдызым <...> Момине ханыма чокъ-чокъ селямлар идуп, хатыр-ы шерифни истифсар идерим. Ве йине, куръне къозуларым Айшемен Эсманынъ козьчюклеринден оюп, меним бу къавгъадан сагъ-селямет уйге къайтуп бармакълыгъым ичюн Танъриден гедже-куньдюз дуа идуп истеменьизни ирджа этемен. (Мен ольсем де, къалсам да эгер) бу киши сизге баргъандай боса эгер, меним бир къабат урбамны огъа кийдиригъиз, биз онынъман бек якъын дост болгъанымыздан, бирбиримизге ресимлеримизни де беришитик. Бакъий селям, къара язылы Къуртмурат <...>» («Той, которая ночью является во сне, а днем в воспоминаниях; короне власти надо мной; фирману счастья, целителю сердца моего, соловью на ветви, розе в саду моем, отпечатку ступни на земле, отблеску звезды на небесах. Моей Момине ханум передаю низкий поклон и спешу справиться о ее здоровье. Вновь целую в глазки маленьких, словно росинки, моих козочек Айше и Эсму, прошу вас не забывать в молитвах Богу о моем благополучном возвращении с войны. Будь я мертвым или живым, переоденьте в мою одежду человека, пришедшего от меня. Мы стали близкими друзьями и обменялись на память фотографиями. С почтением, горемычный Куртмурат <...>») [18, с. 152; 22].

Основной текст рассматриваемого произведения и вышеприведенный текст письма заметно отличаются друг от друга языком и стилем. Посредством функционально-стилевых расслоений лексики, в частности, своеобразным сочетанием прозы и поэзии, писатель ищет способы передачи возвышенных чувств. Притом это не единственный случай смешения жанров

в его творчестве. Достаточно вспомнить поэтический рассказ под названием «Фериде апте» («Тетя Фериде») [18, с. 159–164]. Риторические градации, экспрессивные интонационные повторения, используемые в приведенном тексте письма, выражают большую воодушевленность литературного героя, мы как бы слышим его учащенное дыхание и ощущаем романтическое головокружение от любви к супруге. Эта стилистическая фигура, именуемая полисиндетонем, помогает читателю с особой яркостью представить чувства персонажа.

Подобное воссоздание возвышенного любовного состояния мы встречаем и в лирике автора, в частности, в стихотворении, раскрывающем трагическую судьбу поэта. Это стихотворение в жанровом отношении близко к плачу (*агыта*), здесь лирический герой оплакивает смерть любимой супруги:

*Алтындайым, эльмазым, ачкъан гулюм,
Бенлик, барлыкъ, багъымда бир бульбулим...
(Я спустился [в могилу], мой алмаз, раскрывшаяся роза,
Я это ты, жизнь моя, соловушка в розарии...) [18, с. 98].*

Эти первые строки стихотворения «Печаль моего разбитого сердца», в котором воссоздается картина последнего прощания с любимой, проникнуты горестными чувствами, исполнены глубокого драматизма. Мы видим, как под молитву мулл «Бисмилляхи ве аля миллети Ресюлиллях» («Именем Аллаха, перед единоверцами Пророка погребаем тебя») спускается в могилу супруг и, вытянув руки вверх, в то же время с нежным трепетом удерживает тело умершей, пытаясь его не уронить. Грустные слова, которые в последний раз говорит муж своей жене, крайне трогательны и проникновенны. Это первоначальное двустипшие, которое почему-то отсутствует в публикациях Э. Шемизаде, биографа М. Нузета, находим в новом издании избранных произведений автора, подготовленном на материале рукописей. Рассматриваемое стихотворение входит в поэтический цикл «Къырымнынъ чёль аятындан» («Из жизни степного Крыма»). Продолжение стихотворения не менее эмоционально и тревожно:

*Табут тартуп тенингни топракъ тутты,
Джаши джанынъны джутукъ джер джалмап джутты.
Учтынъ артыкъ, элимден олюм алды,
Къырыкъ къальбим къараруп, къарап къалды.
Козь корьмеген кечеде, конъюль кирли,
Тюшюнджелер, тасалар тюрли-тюрли.
Мезарынъа мингенлер миявкъушлар,
Тек, тик тенге туюла тик тавушлар...*

(Вырвав ноши [из рук], тебя схватила земля,
 Проглотила и зажевала молодую душу могила.
 Ты улетела, вырвала тебя из рук моих смерть,
 Мое разбитое сердце, потемнев от горя, обезумело.
 Мое сердце темнее беспросветной ночи,
 Меня терзают всевозможные думы, скорби.
 На могиле твоей только совы сидят,
 Изредка лишь доносятся их (страшный) вопль...) [18, с. 98].

В оригинальном тексте весьма ощутима экспрессивная звукопись. Это помогает ярче представить переживания лирического героя. Мы словно видим его пересохшие, посиневшие губы, из которых вырываются сгустки безмерной печали, порывы гнева и отчаяния. Аллитерации, ассонансы согласуются с передачей состояния человека, читатель ощущает содрогание тела, возгласы, крики, застрявшие комом в горле, но доносящиеся из самых недр души:

*Талпынаман тентиреп , тен тарлыкъта,
 Мырылдануп, монъсиреп мезарлыкъта.
 Къабыринъни къармалап къалтырайман,
 Джангъа джсетти джангъызыкъ, деп джылайман*
 (Я, содрогаясь, пытаюсь вырваться из телесного плена,
 Скитаюсь по кладбищу в стенаниях и скорби.
 Содрогаюсь, увидев могилу твою,
 От одиночества устав, не таю слез) [18, с. 98].

Подобной экспрессивности, эмоциональной насыщенности способствуют красноречивые фонетические повторы, используемые поэтом Джемилом Керменчикли на фоне анафоры. В его исполненном революционного пафоса стихотворении «Севин, эй, шанлы миллет!» («Ликуй, эй, славный народ!») так изображаются люди, желающие незамедлительно расквитаться с изменниками родины:

*Быракъ! Бираз дамарында долашан къан къурусун.
 Быракъ! Бираз зинданларда кемиклери чюрюсюн.
 Быракъ! Бираз сюрдюнлерде бизим киби юрюсюн.
 Быракъ! Бираз козьлеринде хасрет къаны бурюсюн*
 (Брось! Пусть немного и в их жилах попортится кровь.
 Брось! Пусть немного погниют и их кости в темницах.
 Брось! Пусть немного, как и мы, поскитаются по чужбине.
 Брось! Пусть немного и в их глазах отобразится тоски печаль) [31].

В этих патетических строках впечатлительный читатель может услышать страшный рык стаи разъяренных волков, готовых наброситься на свою жертву.

Обоих авторов объединяют глубокие переживания за судьбу народа, который они представляют и традиции которого развиваются в их творчестве. Не случайно жанры, формы, драматические и анекдотические эпизоды в творчестве М. Нузета черпаются из народной жизни. Это и схожие по форме с национальными песнями пятистишья, двустишья – «Ички кьурбаны» («Жертва зелья»), «Батыр джигит» («Смелый джигит»), «Къарылгъач» («Ласточка»), и притчи, во многом близкие к народной сказке – «Тиленджи къарт» («Старый нищий»), «Кирпи ве турна» («Еж и журавль»), «Онъмаз бике» («Непутевая хозяйка»). Таковы также басни, в которых высмеиваются устаревшие моральные принципы, – «Къышта нелер ангылыр?» («О чем вспоминается зимой»), «Хакъ рахмет эйлесин!» («Пусть земля будет пухом!»), «Вааз» («Проповедь»).

Вот характерные поэтические строки:

*Бир заманда бек айтувлы бир байнынъ
Олгъан буюк такъдиринен Худайнынъ,
Дар-дюньяда мал дегенден бир кызы,
Лякин сокъур экен онынъ бир козю.
Ходжа, мектеп, окъув, язы корьмеген,
Бай олгъан сонъ, окъуйым деп, юрьмеген...*

(Когда-то у одного очень известного бая
По великой божьей воле была
Единственная в этом тесном свете дочь,
Вот только на один глаз она была слепа.
Не ведала она ни о школе, ни о грамоте,
Ибо, будучи богатой, не видела в этом нужды...) [18, с. 39].

Это строки из стихотворения «Сокъур козьден саадет» («Счастье от слепого глаза»). Здесь можно усмотреть продолжение сюжета сватовства с интригами того самого учащегося (сохты) Селима. Начиная свое стихотворение в стиле сказки, поэт повествует о беспечной жизни малограмотной девушки. Здесь он проявляет сострадание к невежественным из-за бедности крестьянам, выражает презрение богачам, игнорирующим учебу в школе. Таким образом, поэт сравнивает малограмотность «старой девы» с неприглядным слепым глазом. Уродливая слепота (невежество) привлекает лишь невезучего, беззаботного студента медресе Сефера, мечтающего о светлом будущем.

Этот момент из жизни М. Нузета, как мастер создания анекдотических сюжетов, удачно использует в дальнейшем поэтическом повествовании:

Киев этип кетиргенлер Сеферни,
 Сеадетке тез къавушкъан бу «эрни».
 Къапагъанлар акъшам къызнынъ эвине,
 Кирген киев, пек севине-севине.
 Изин алмай, къызынъ сорап озюнден,
 Пек юректен опе сокъур козюнден.
 – Вай! Сав союн оъсенъиз, эв! – деген къыз.
 Сохта деген: «Бу менимчюн бир йылдыз!
 Олмагъайды эгер сенинъ бу козюнъ,
 Арам эдинъ эп бир магъа сен озюнъ...»
 (Вот привели жениха Сефера,
 «Мужа», быстро достигшего счастья.
 Заперли вечером в комнатке с нареченной,
 Входит нареченный с отрадой чрезмерной.
 Без позволения девицы той
 От сердца целует глаз незрячий.
 – Не лучше ли вам здоровый глаз поцеловать, – возмутилась та.
 В ответ студент: «Он для меня точно светило!
 Если бы не глаз твой этот,
 Противна ты была бы мне на самом деле...»)).

В последних строках стихотворения обращает на себя внимание неординарность, острота мысли поэта. Можно полагать, что на фоне контраста эстетических и этических ценностей проявляется прискорбная «проза жизни».

Как отмечалось, поэт проявляет большой интерес к чувствам и формам их выражения. Так, с целью близкого знакомства с обликами невежества он выслушивает поникшего, тоскливо спрятавшего голову в плечи нищего старца-чабана. Он подставляет плечо ослабевшему от вина, отчаявшемуся в будничной безысходности земледельцу, дабы тот не окошел ночью в зимнюю стужу. Из-за этого вступает в перепалку с толстобрюхим и толстошеим лицемером муллой.

Эти особенности творчества автора тонко ощущает современная художница Зарема Трасинова, искусный мастер книжной графики. В ее работах живо представлены многие художественные типы, описанные в таких произведениях писателя, как «Ногъайнынъ адагъы» («Обещания ногойца»), «Шаирнинъ уйкъусы» («Сон поэта»), «Аман, шу акъайлар!» («Айда, мужики!»), «Бастырыкъкъа» («В тюрьме»), «Тиленджи къарт» («Нищий старик»), «Ошек» («Клевета»), «Бахтсыз хоранта» («Обездоленная семья»). Ее иллюстрации помогают нам по-новому взглянуть на клеветницу Фатиму, несчастную Сафие, двуличного Менсеита. Помогают вновь пережить горесть за тщетно прожитую жизнь нищего чабана, услышать, как сбивается с ритма сердцебиение поэта в камере узников.

Поэт, стремясь разносторонне осмыслить действительность, прибегает к различным повествовательным стратегиям. С целью повышения жизненной убедительности он может говорить устами своего героя, выступать в роли свидетеля важных событий. Такой оригинальный подход помогает М. Нузету не выглядеть в обществе читателей назойливым моралистом. Примером могут послужить стихотворения, опубликованные в крымскотатарской газете «Миллет» за 1917–1918 годы: «Окюнч» («Раскаяние»), «Бир сархошынъ агъзындан» («Исповедь пьянчуги»), «Бир татарынъ фигъаны» («Стенания татарина») и др. В назидательных стихах поэт как бы перенимает грехи и беды народа и горькими слезами раскаяния пытается привлечь к лирическому герою особое внимание окружающих.

Стихотворение «Агъладым» («Расплакался») написано в такой манере:

*Алем-и ислямы баштан баша сейран идеркен,
Эй-вах! Сюрю-сюрю маздумлары корюп агъладым!
Саурелер марифетте джиханы хайран идеркен,
Козьлери багълы муслюманлары корюп агъладым.
Эмляки гъасп идильмиш, укъукъы пайимал олмуш,
Акъсыз чийненмиш масюм джанлары корюп агъладым!
Месут аилелер шерр адуве дучар олуп,
Сув кибиде тѣкюльмиш ал къанлары корюп агъладым!
Вуджутлар бербат олмуш, къалмамыш аяттан эсер,
Чехрелери солмуш инсанлары корюп агъладым!
Недир достлукъ, недир душманлыкъ билен пек аз къалмыш,
Кѣр нефсине къурбан оланлары корюп агъладым!
Къардашынынъ мутхиш дердине дерманлар араюп,
Уджумлара маруз къаланлары корюп агъладым!
Бу алы фелякет иштимальден ибрет алмаян,
Инсан шеклиндеки айванлары корюп агъладым!
(Долго скитаясь по всему мусульманскому миру,
О горе! Наблюдая за толпами угнетенных, я плакал!
Когда все восхищались достижениями вселенной,
Глядя на мусульман с завязанными глазами, я плакал!
Их лишили имущества, растоптали волю и честь,
Глядя на эти подавленные невинные души, я плакал!
О, те счастливые семьи, оказавшиеся в руках заклятого врага,
Глядя, как их кровь проливалась рекой, я плакал!
Изнеможенные тела, не подающие признаков жизни,
Глядя в блеклые лица этих людей, я плакал!
О, те, кто перестал отличать друзей от врагов,
Глядя на этих жертв слепых желаний и сует, я плакал!*

О, те разыскивающие эликсир от ужасных недугов собрата,
Глядя на то, как они подвергаются нападкам, я плакал!
О, те, кто не научился извлекать урок из бедствий бесконечных,
Глядя на вас, тварей в облике человека, я плакал!) [30].

Эти поэтические строки, к сожалению, и сегодня не потеряли своей актуальности, ценности. Состояние мусульман мало изменилось со времен жизни и деятельности автора. С целью привлечения внимания единоверцев к глобальному идеологическому кризису поэт прибегает к обряду плача, причитания. Таким образом, обращаясь к окружившему его народу, он говорит о ценностях веры и нравственности, предупреждает о пагубности невежественности и низменных страстей. Вероятно, подобной психологической стратегии воздействия на людей поэт научился на занятиях по теологической риторике в медресе. Известно, что Мемет Нузет учился в известных духовных учебных заведениях Крыма и Казани.

Короткая жизнь автора (1988–1934) наполнена трагическими событиями. Ранняя смерть матери, гибель первой жены с ребенком, а вместе с тем и преследования со стороны Советской власти за верность национальной идее сформировали в нем поэта-борца, философа. Многогранное творческое наследие Мемета Нузета – это значительное явление классической крымскотатарской литературы первой половины XX века. В художественных произведениях автора чувствуются острота, неординарность поэтической мысли. Стремясь разносторонне осмыслить истинную реальность бытия, он прибегает к различным литературным стратегиям. С целью привлечь внимание читателя к проблемам, связанным с поисками национальной и культурной идентичности народа, поэт использует стилистические и смысловые фигуры, а также литературные и эпистолярные жанры – плач, сказ, анекдот, письмо. Вместе с тем язык поэзии М. Нузета совершенно не случайно сочетает в себе несколько функциональных стилей речи, как публицистический, возвышенный и народный. Посредством своих произведений, персонажей, образов писатель стремится убеждать, просвещать читателя, пробуждать в нем возвышенные чувства. Собственно, на чувствах выстроено все творчество художника слова. Ранее исследователи мало обращали внимание на это. Сегодня, применяя психологический и семиотический подходы к изучению художественных текстов классика, удалось более детально рассмотреть морально-этический облик М. Нузета. Понять его философию жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алтанълы А.* Эдебий яшлыккъъа ярдым // Ленин байрагы. 1960. Майыс 12.
2. *Бекиров Дж.* Несиллерден несиллерге мирас. Акъмесджит: Лемешко К. А., 2012. 160 с.

3. *Бывалов Е.* Реджи: хикяе / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1929. 32 с.
4. *Борев Ю.* Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М.: Искусство, 1970. 268 с.
5. *Вашенцев С.* Бутюнрусие императричеси / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1929. 32 с.
6. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): биобиблиографический словарь / гл. ред., сост.: Д. Урсу. Симферополь: Доля, 1999. 240 с.
7. *Житков Б.* Дюльгер / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1930. 32 с.
8. *Ипчи У.* Мен де шаштым, апакъбай // Енъи дюнья. 1925. Окт. 29.
9. *Керимов И.* XIX ас. сонъу ве XX ас. башында къырымтатар бедий сёзюнинъ эврими. Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 1998. 184 с.
10. *Керимов И.* Медений эснас: 1920–1938. Симферополь: Таврия, 1997. 496 с.
11. *Киримов Т.* Творческое наследие Джемиля Керменчикли (первая треть XX века). Симферополь: Оджакъ, 2007. 164 с.
12. Кунештен бир парча: къырымтатар шиириети антологиясы / аз. М. Мирошниченко, Ю. Къандым. К.: Украинада яшагъан миллий азлыкълар, 2003. 786 с.
13. *Къандым Ю.* Юкъу ёкътыр козьлерде. Симферополь: Тарпан, 2009. 192 с.
14. Къырымтатар тили, эдебияты, тарихи ве медениети иле багълы библиографик сечмелер (1832–1941); Эдебий макъале ве малюматлар библиографиясы (1957–1987) / аз. И. Керимов. Акъмесджит: Къырымдевокъувпеднешир, 1994. 62 с.
15. Къырымтатар тили, эдебияты, фольклоры, тасили, тарихи, медениети ве техник илимлери иле багълы библиографик косътергич (1618–1944) / аз. И. Керимов. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2009. 324 с.
16. Къырымтатар эдиплери: косътергич / аз. З. Къуртнезир. Акъмесджит: Таврия, 224 с.
17. Къырымтатарджа къыйын сёзлер (тахаллюслер лугъаты) / аз. И. Керимов. Симферополь: Таврида, 2006. 176 с.
18. *Мемет Нузет.* Къырымнынъ чёль аятындан: сайлама эсерлер джыйынтыгы / аз. Н. Сейтягъев. Симферополь: Доля, 2003. 240 с.
19. *Мирская А.* Джесаретли кыыз / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1930. 22 с.
20. *Невзглядова Е.* Интонационная теория стиха. СПб.: Нестор, 2015. 160 с.
21. *Потебня А.* Психология поэтического и прозаического мышления // Семиотика и авангард: антология / сост. Ю. С. Степанов и др. Под. общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Академический Проект; Культура, 2006. 1168 с.

22. Сектор рукописей ГБУК РК Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского. Фонд М. Нузета. Д. 1. С. 156–157.
23. *Селимов Ш.* Къырымнаме-II: Тамчылар. Акъмесджит: Тарпан, 2008. 176 с.
24. *Стефаник В.* Якъыджылар / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1929. 40 с.
25. *Успенский Б.* Семиотика искусства: поэтика композиции; семиотика иконы; статьи об искусстве. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 360 с.
26. *Хайрединова Н.* Бабачыгъымны хатырлап / аз. Къ. Саядинов. Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2015. 120 с.
27. *Чехов А.* Агафья / тердж. М. Нузхэт. Акъмесджит: Къырым Девлет нешрияты. 1929. 20 с.
28. *Шемизаде Э.* Эдебий ве тенкъидий макъалелер. Симферополь: Доля, 2000. 248 с.
29. *Экман П.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2018. 448 с.
30. *Çelebizade Mehmet Nüzhet.* Ağladım! // Millet. 1917. № 56. Sent. 4.
31. *Kermençikli C.* Sevin, ey şanlı millet! // Terciman. 1917. Mart 16.

Сведения об авторе: Киримов Таир Нуридинович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарского языка, литературы, истории и культуры этносов Крыма ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); tairkerimoff@gmail.com.

The Psychological Elements of Mehmet Nuzhet's Written Creation

Tahir Kirimov

(SBEEHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University»)

Abstract. The article deals with life and literary heritage of the prominent figure of the Crimean Tatar literature of the pre-war period, Memet Nuzhet. Particular attention is paid to his personal qualities, the depths of his philosophical thinking, his memories. The author's methods and ways of psychological influence on the subconscious of readers are revealed. The future man of letters was born in 1888 in the village of Haydargazi in the vicinity of the Crimean city of Kezlev (Evpatoria).

His first poems were published in 1912 in “Terdzhiman” (“Translator”) newspaper edited by Ismail Gasprinski. It is generally accepted that the most fruitful period of his creative activity dates back to the 1920 s. His works, published during the very short period of national independence of the Crimean Tatars People’s Republic and under the Soviet regime in such journals and magazines as “Millet” (“Nation”), “Yeni Dunia” (“New World”), “İleri” (“Move on”, “Kozaydin” (“Glad tidings”), were signed with pseudonyms of Tuyrevich and Chelebizade Haydargazi. In 1928–1930s, by the order of the Central Committee about New Crimean Alphabet, he translated the works of renowned Russian writers into Crimean Tatar language and published them in separate books. In the last years of his life he worked as a teacher in a rural school. Then, because of his class position, the writer was persecuted by the communist authorities. Being in a state of constant stress, he fell seriously ill, got to the hospital, where died on May 4, 1934.

Keywords: literature, portrait, psychology, people, Mehmet Nuzhet.

For citation: Kirimov T. N. The Psychological Elements of Mehmet Nuzhet’s Written Creation. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.110-123. DOI: 10.22378/kio.2019.1.110-123

REFERENCES

1. Altanli A. *Edebiy yashlikka yardim* [Assistance to creative in literature youth] *Lenin bayragy* [The banner of Lenin]. 1960. Mayis 12. [May, 12]
2. Bekirov Dzh. *Nesillerden nesillerge miras* [A heritage from generation to generation]. Simfeopol: Lemeshko K. A., 2012. 160 p.
3. Bivalov E. *Redzhi: hikaye* [A story]. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Kirim Devlet neshriyatı [Crimean State publishing house]. 1929. 32 p.
4. Borev Yu. *Komicheskoe ili o tom, kak smeh kaznit nesovershenstvo mira, ochischaet i obnovlyaet cheloveka i utverzhdает radost bytiya* [About funny or how laughter punishes the world, cleans and renovates the man and gives happiness in life]. M.: Iskustvo, 1970. 268 p.
5. Vashentsev S. *Butyunrusie imperatrichesi* [Emperess of all Russia]. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Kirim Devlet neshriyatı. 1929. 32 p.
6. *Deyateli krymskotatarskoy kulturi (1921–1944): biobibliograficheskiy slovar* [Public figures of the Crimean Tatar culture]. Chief editor, compiler D. Ursu. Simferopol: Dolya, 1999. 240 p.
7. Zhitkov B. *Dyulger*. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Crimean State publishing house, 1930. 32 p.
8. Hayredinova N. *Babachygymny hatyrlap* [Remembering my father]. Compiler K. Salyadinov. Simferopol: Kirimdevokuvpedneshir, 2015. 120 p.

9. Ipchi U. *Men de shashtym, apakay* [I was also astonished, my wife]. *Yeni dyunya* [The New World]. 1925. October, 29.
10. Kandym Yu. *Yuku Yoktir kozlerde* [There is no sleep in my eyes]. Simferopol: Tarpan, 2009. 192 p.
11. Kerimov I. *19. as. sonu ve 20. as. bashynda kirimtatar bediy syozyunun evrimi* [Evolution of the Crimean Tatar literature at the end of the XIX century and beginning of the XX century]. Akmesdzhit: Crimean State Educational and Pedagogical publishing house, 1998. 184 p.
12. Kerimov I. *Medeniy esnas: 1920–1938* [Cultural process: 1920–1938s]. Simferopol: Tavriya, 1997. 496 p.
13. Kirimov T. *Tvorcheskoe nasledie Dzhemilya Kermenchikli (pervaya tret XX veka)* [Creative legacy of Dzhemil Kermenchikli (the first third of the XXth century)]. Simferopol: Odzhak, 2007. 164 p.
14. *Kirimtatar edipleri: kostergich* [Crimean Tatar writers: index]. Compiler: Z. Kurtnezir. Akmesdzhit: Tavriya, 224 p.
15. *Kirimtatar tili, edebiyaty, folklory, tasili, tarihi, medenieti ve tehnik ilimleri ile bagli bibliografik kostergich (1618–1944)* [Bibliographic index connected with the Crimean Tatar language, literature, folklore, education, history, culture and technical science (1618–1944)]. Compiler: I. Kerimov. Simferopol: OAO «Simferopolskaya gorodskaya tipografiya», 2009. 324 p.
16. *Kirimtatar tili, edebiyaty, tarihi ve medenieti ile bagli bibliografik sechemeler (1832–1941)* [Selected bibliography connected with the Crimean Tatar language, literature, history (1832–1941)]; *Edebiy makale ve malyumatlar bibliografiyasy (1957–1987)* [Bibliography of literary articles and information]. Compiler I. Kerimov. Simferopol: Crimean State Educational and Pedagogical publishing house, 1994. 62 p.
17. *Kirimtata dzha kyyyn syozler (tahallyusler lugaty)* [Difficult words of the Crimean Tatar language, vocabulary]. Compiler I. Kerimov. Simferopol: Tavrida, 2006. 176 p.
18. *Kuneshten bir parcha: kirimtatar shiiriyeti antologiyasy* [One piece from the sun: anthology of the Crimean Tatar poetry]. Compiler M. Miroshnichenko, Yu. Kandym. K.: Ukrainada yashagan milliy azlyklar, 2003. 786 p.
19. Memet Nuzet. *Kirimnyn chyl ayatyndan: saylama eserler dzhiyintigi* [From the steppe life of the Crimea: a collection of selected works]. Compiler N. Seytyagayev. Simferopol: Dolya, 2003. 240 p.
20. Mirskaya A. *Dzhesaretli kyz* [A brave girl]. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Kirim Devlet neshriyaty. 1930. 22 p.
21. Nevzglyadova E. *Intonatsionnaya teoriya stiha* [Intonation theory of the poem]. SPb.: Nestor, 2015. 160 p.
22. Potebnya A. *Psihologiya poeticheskogo i prozaicheskogo myshleniya* [Psychology of the poetic and prose thinking]. *Semiotika i avangard: antologiya* [Semiotics and vanguard: anthology]. Compiler Yu. S. Stepanov and others. Under common editorship of Yu. S. Stepanov. M.: Academical Project; Culture, 2006. 1168 p.

23. Manuscripts sector of Republican Crimean Tatar library after I. Gasprinski. D. 1. Pp. 156–157.
24. Selimov Sh. *Kirimname-II: Tamchylar* [Kirimname-II: Small drops]. Akmesdzhit: Tarpan, 2008. 176 p.
25. Shemizade E. Edebiy ve tenkidiy makaleler [Literary and critical articles]. Simferopol: Dolya, 2000. 248 p.
26. Stefanik V. *Yakydzhylar* [Translator]. Translator M. Nuzhet. Akmesdzhit: Kirim Devlet neshriyaty. 1929. 40 p.
27. Uspenskiy B. *Semiotika iskusstva: poetika kompozitsii; semiotika ikony; stati ob iskusstve* [Semiotics of art: poetry of composition; semiotics of icon; articles about arts]. M.: School «Languages of Russian culture», 1995. 360 p.
28. Chehov A. *Agafya* [A story: «Agafya»]. Translator M. Nuzhet. Simferopol: Crimean State publissing house. 1929. 20 p.
29. Ekman P. *Psihologiya emotsiy* [Psychology of the emotion]. SPb.: Piter, 2018. 448 p.
30. Çelebizade Mehmet Nüzhet. *Ağladım!* [I wept!] *Millet* [Nation]. 1917. No 56. Sent. 4.
31. Kermençikli C. *Sevin, ey şanlı millet!* [Be happy, my glorious people] *Terciman* [Translator]. 1917. Mart 16.

About the author: Tair Nuridinovich Kirimov – Cand. Sci. (philology), Associate Professor, leading specialist of the Scientific Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture; SBEEHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University» (8, Uchebnyi lane, Simferopol 295015, Crimea, Russian Federation); milletara@mail.ru

Народное врачевание крымских татар глазами путешественников (вторая половина XIX века)

Лилия Габдрафикова

(Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. Крымские татары имели богатые традиции медицинских практик. В XIX в. эта система включала в себя языческие верования и обряды, тюркские привычки питания, а также способы врачевания, связанные с мусульманской культурой. Образ жизни крымских татар, в том числе их отношение к болезням и способы исцеления, нашел отражение на страницах различных путеводителей по Крыму имперского периода. Авторы путевых заметок обращали внимание на внешний вид крымских татар, на их публичные действия (например, паломничество к «святым источникам», танцы дервишей и т. д.). Вместе с тем практики народных целителей были скрыты от посторонних глаз. Данные труды XIX в. объединяют схожие оценки народных практик врачевания, где превалировал подход «свои» – «чужие». Такое отношение мешало конструктивному диалогу между представителями разных культур. Но вторая половина XIX в. была примечательна тем, что в области здравоохранения наблюдалось межкультурное взаимодействие. С одной стороны, развивалась земская медицина, в сферу влияния которой были вовлечены и крымские татары. С другой стороны, некоторые способы народного врачевания крымских татар вошли в практику официальной научной медицины.

Ключевые слова: народная медицина, крымские татары, повседневная жизнь, культура питания, образ жизни, «святые места».

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р. Народное врачевание крымских татар глазами путешественников (вторая половина XIX века) // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С.124-134. DOI: 10.22378/kio.2019.1.124-134

Представления народа о болезнях и здоровье, методы врачевания являются одной из самых устойчивых составляющих его повседневной жизни. Даже в современных условиях глобализации культурологи порой выделяют разное восприятие болезни в зависимости от этнической принадлежности пациента. Например, одно из таких исследований проводилось в Симферополе, в ходе которого измерили психологическое состояние больных хроническим бронхитом. Результаты опроса показали, что для славян был характерен так называемый «уход в болезнь», для них счастье и здоровье были равнозначными понятиями. Крымские татары в этой ситуации вели себя иначе, старались «уйти от болезни», т. е. отрицать, исследователи наблюдали некий фатализм, в сложившихся обстоятельствах эти пациенты предпочли развести понятия здоровья и счастья [7, с. 19].

В этом можно увидеть продолжение ментальных установок дореволюционного времени. Например, в начале XIX в., по словам немецкого исследователя Корниса, крымские татары считали, что болезни посылает судьба и люди должны терпеливо переносить их в ожидании своего срока, установленного свыше [17, с. 326]. Конечно, такая модель поведения была тесно связана с мусульманским мировоззрением. Авторы второй половины XIX в. тоже подчеркивали, что «в болезнях татары редко лечатся даже домашними средствами» [11, с. 98].

В XIX в. многие народы ощущали на себе влияние научной медицины, укреплявшей свои позиции на официальном уровне. Однако и народные практики исцеления оставались такими же популярными. Если рассуждать о мусульманах Российской империи, то среди них был высок процент недоверия к врачам-иноверцам, поэтому услуги земских врачей и других медиков воспринимались с некоторым подозрением, обращались к ним только в крайних случаях. Например, в середине XIX в. Ф. Домбровский в историко-статистическом очерке о г. Бахчисарае отмечал, что «много детей ежегодно похищает оспа, потому прививанье ее у татар идет весьма слабо» [8, с. 45]. В то же время он же писал, что «при проявлении эпидемической холеры татары не совсем чуждались медицинских пособий, а некоторые даже охотно отправляли больных во временную холерную больницу, видя пользу, приносимую медициной» [8, с. 52].

В данном сообщении мы представляем лишь краткий обзор медицинских практик крымских татар, подмеченных наблюдателями со стороны. Это лишь «внешний» обзор, реконструкция системы врачевания глазами самих народных врачей и непосредственных пациентов возможна только с использованием татарских источников.

Итак, что же подмечали многочисленные авторы трудов о Крыме, преимущественно путешественники? Прежде всего они оценивали внешний вид крымских татар и различные публичные действия. Например, обращали вни-

мание, что как у детей, так и у взрослых часто руки были окрашены хной. Это средство растительного происхождения, которое имеет широкий спектр действия, особенно активно использовалось в народной медицине.

«Прогуливаясь между магазинчиками, путник не мог не заметить изобилия темно-желтого порошка под названием кна (*Lawsonia alcaanna*), который продается повсюду; смешивая его, местные жители красят ногти», – отмечал в 1825 г. в книге «Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии» шотландский доктор Роберт Лайелл. Очевидно, что врач-путешественник еще не догадывался о лечебных свойствах хны [19, с. 98]. Уже более сведущим был автор конца XIX в. М. А. Бернов. «На дороге сидят татары. Сели в тень телеги и закусывают. У молодого татарчонка ногти намазаны хэнной, красильным растением, которое сушат, трут в порошок, делают из него род припарок и прикладывают их на ногти...», – писал он [2, с. 67].

Наблюдатели видели лишь то, что было на виду. Так, около деревни Сюирень привлекал всех прохожих гигантский дуб с окаменелой корой. По мнению путешественников, мощному дереву было не менее 700 лет. Местные татары обычно скоблили топором кору дуба для «илача», который считалась лекарством от многих болезней [10, с. 159]. «Илач» – это «лекарство» на крымскотатарском языке [12, с. 46]. Сегодня фитотерапия является надежным помощником официальной медицины, в основе многих современных рецептов многовековой народный опыт. Конечно же, система народного врачевания крымских татар помимо хны и коры дуба включала еще многие другие растения. Например, среди них были еще кошениль, лук, лавр, черный перец, имбирь, мак [17, с. 328]. Но не все из них попали в обзор путешественников XIX в.

Как среди христиан, так и мусульман полуострова в этот период было распространено паломничество к источникам воды. Эти «святые места» упоминаются практически во всех крымских путеводителях.

Вообще, в культуре многих народов мира прослеживается особое отношение к воде. Если говорить о России, то это характерно как для тюрков, так и для финно-угров, славян и других народов. Подземные источники воды (родники) в этой связи наделялись особой целебной силой.

Крымские «святые источники» в различных путеводителях и путевых заметках XIX в. преподносятся как христианские объекты поклонения, но каждый раз наблюдатели добавляли, что эти источники ценятся и крымскими татарами.

Например, один из таких источников находился на территории Косьмо-Дамиановского мужского монастыря (недалеко от современной Алушты). Монастырь был основан только в 1856 г. херсонским и таврическим архиепископом Иннокентием. До этого здесь стоял сруб с образом святых братьев Косьмы и Дамиана, поставленный симферопольским купцом. Он исцелился,

после того как искупался в этой воде, и решил таким образом отблагодарить целебный источник. С тех пор это стало местом христианского паломничества [3, с. 366]. При этом уже спустя сорок лет мужской монастырь превратили в женский, посчитав, что такое переустройство «способствует чистоте и порядку в нем» [10, с. 393].

Родник вытекал у самого монастыря. Татары называли источник «Савлух-Су» (здоровая вода). Очевидно, что целебная вода источника была известна задолго до открытия монастыря, и крымские татары всегда привозили к роднику своих больных [3, с. 364; 16, с. 54].

Аналогичный источник находился в горах, в местечке Качикален, недалеко от Бахчисарая (примерно в 8–9 км от города). Рядом с родником имелся скит святой Анастасии и была возведена церковь, которая относилась к Успенскому мужскому монастырю. Паломники поднимались к целебному источнику по узкой горной тропе. За чудесным исцелением сюда приходили не только христиане, но и крымские татары [3, с. 91–92].

Еще одна популярная местность с целебным источником под названием Безбайлан тоже находилась в горной части Крыма. Больного обычно поили водой, а потом отрывали от его одежды лоскут и вешали на дерево рядом с источником. Поэтому все деревья вдоль речки были увешаны разноцветными лоскутками. Люди верили, что вместе с лоскутками оставляют у источника и свои болезни [5, с. 85].

В крымскотатарской культуре «святые источники», как правило, были связаны с могилами азизов (мусульманских святых) [17, с. 327]. Очень похожая традиция существует и в Татарстане, в с. Билярск (бывший город Волжской Булгарии – Биляр), где в одном месте издревле поклонялись и язычники, и христиане, и мусульмане.

«Утром из соседнего села Билярска тянется торжественный крестный ход к часовне, где после молебствия многие сотни людей припадают к освященному источнику; вечером при закате солнца в разных местах площадки расстилают ковры, на которых восседают татары в чалмах и погружаются в благоговейную молитву, опустив голову на сторону», – писал об этой традиции в 1849 г. местный помещик П. В. Анненков [1, с. 18].

Очевидно, что традиции поклонения воде в Крыму были обусловлены как местными верованиями, так и подкреплялись языческими тюркскими представлениями, где каждое природное явление наделялось особой силой. Поэтому в глазах татар дух родника, конкретного места, мог сотворить чудеса в самых трудных жизненных ситуациях.

Если целебные свойства воды из подземных источников не всегда поддаются научной «расшифровке», то сегодняшняя наука вполне успешно применяет другие дары земли. В XIX в. врачи обратили внимание на один из популярных способов врачевания крымских татар: они лечили свои недуги с

помощью сакской грязи. Например, один из авторов отмечал, что эта традиция осталась со времен Крымского ханства. Причем, по его словам, практиковали лечение целебной сакской грязью ханские муллы [15, с. 31]. Название «Саки» созвучно с крымскотатарским словом «сагълык» (здоровье) и, очевидно, имеет общий с ним корень.

Многие медики скептически оценивали пользу такого грязелечения, но военный доктор Матвей Федорович Глаголев (1828–1887), служивший в Сакской военной лечебнице, был убежден в обратном. Он одним из первых, несмотря на всевозможные ярлыки «татарщина» и т. п. предубеждения, успешно начал применять грязелечение для исцеления от ревматизма.

«<...> Этот метод лечения в виде ванн-лепешек, нагреваемых лучами солнца и принимаемых на открытом воздухе, крайне оригинален и нигде, кроме Крыма, не практикуется, хотя на одесских лиманах, по примеру Сак, практикуются и натуральные ванны, для которых грязь нагревается искусственно, – приводил слова врача Глаголева один из авторов путевых заметок. – Правда, этот метод лечения перешел к нам от татар, которые и по сие время, помимо врача, без всяких приспособлений, где-нибудь на озере копают себе грязь, делают натуральные ванны, в которые и закапывают своих больных; но уже в течение многих лет «метод» лечения сакскими минеральными грязями применяется под наблюдением врачей, у которых немало накопилось и накапливается фактов относительно влияния этого метода лечения грязями на болезненные процессы; эмпирические наблюдения на каждом шагу убеждают беспристрастного врача в пользу, которую оказывают «сакские грязи» приезжим больным» [18, с. 47–48]. Сегодня о сакской минеральной грязи известно далеко за пределами Крыма. Но первооткрывателями его целебных свойств упоминают древних греков. Как видно из наблюдений русского автора, сначала сакская грязь ассоциировалась с «татарщиной».

К слову, такое же грязелечение именно от ревматизма применялось в татарских деревнях юго-востока Татарстана. Лишь в 1930-е гг. местный врач М. И. Игнатьев обратил на это внимание. В результате после многочисленных проверок и исследований накануне Великой Отечественной войны на этом месте открыли санаторий «Бакирово» (Лениногорский район РТ). При этом традиции грязелечения местных татар были известны еще с дореволюционных времен. Но они не расценивались земскими врачами в качестве серьезного дополнения к официальным способам лечения.

Вообще, из-за предвзятого отношения к мусульманам и татарам русская культура поначалу игнорировала многие полезные находки их быта. Например, автор популярного путеводителя Г. Г. Москвин предупреждал своих читателей, что «при выборе помещения следует предпочитать дачи христиан, так как дачи татар грязны, причем после больных татары обыкновенно

не дезинфицируют и вообще не очищают помещение» [10, с. 330]. С таким отношением отдыхающих к жилищу крымских татар долгое время не было и речи о близком знакомстве разных культур. Поэтому различные элементы врачевания, а также системы питания оставались закрытыми для посторонних глаз.

Например, тюркские народы по сей день объединяют остатки кочевой культуры питания, не являясь исключением из этих правил и крымские татары. Хотя, безусловно, мясо-молочная кухня кочевников претерпела в Крыму определенные изменения, обогатилась местными традициями растительной пищи. Тем не менее, в XIX в. с наступлением весны крымские татары продолжали делать кумыс, особенно степные. «Кумыс начинают пить в Крыму с апреля месяца и продолжают до сентября. Лучшее время – весна», – сообщали в путеводителях, тут же добавляя, что крымский кумыс уступает по качеству уфимскому и самарскому. В этом замечании опять же сквозит некоторое недоверие к местным санитарным условиям. В Поволжье и Приуралье, по мнению автора, существовал строгий «медицинский надзор за чистотой приготовления» [10, с. 413]. Но, очевидно, что сами крымские татары делали кумыс не столько для продажи, а для собственного употребления. Они были прекрасно осведомлены о целебных свойствах старинного напитка. Например, кумыс использовали при лихорадках [17, с. 328]. Впрочем, некоторые крымские татары все же отправлялись на кумысолечение на Урал. Так, с этой целью дочь Исмаила Гаспринского – Шафика ханум лето 1911 г. провела в Уфимской губернии. «Цена в месяц 60–70 рублей в месяц вовсе не так высока, как тебе кажется, наконец, дело не в деньгах, а в здоровье», – наставлял свою дочь И. Гаспринский [6, с. 124].

Если как целебный напиток крымский кумыс не особо вдохновлял гостей полуострова, то совсем иначе обстояло дело с другим кисломолочным напитком – кефиром. Сегодня этот напиток воспринимается как вполне обыденный, даже традиционный. Между тем для культуры XIX в. это было новым словом в системе питания. Кефир воспринимался прежде всего как лечебный напиток, а кефирные бактерии продавались исключительно в аптеках. По сообщениям путеводителей, кефир заменял кумыс в холодное время года, а придумали его «кавказские горцы татарского происхождения». Речь идет о тюркских народах, в данном случае о карачаевцах. По одной из версий, кефир получился из кумысной закваски, которая случайно попала в коровье молоко. Автор пишет, что когда-то кефирные грибки очень трудно было достать, т. к. «татары не продавали из какого-то суеверия», но к концу XIX в. их можно было купить в аптеках [10, с. 413]. Популярность этот кисломолочный напиток приобрел именно в Крыму, благодаря доктору Владимиру Николаевичу Дмитриеву (1842–1904), который советовал употреблять его своим пациентам. Не зря современники называли его «доктором без лекарств». Пер-

вые научные наблюдения о полезных свойствах кефира также принадлежали Дмитриеву [10, с. 414]. Любопытно, что крымские татары называли кефир немного иначе – «капир», из-за созвучия кефира с кяфиром (неверным, по-татарски). В первое время этот напиток в Ялте был известен именно под этим названием [4, с. 36].

Кумыс и кефир к концу XIX в. стали такими же медицинскими достопримечательностями Крыма, как целебные источники и минеральные грязи.

Немногие из авторов путеводителей имели возможность наблюдать манипуляции крымскотатарских знахарей – джимджи. Богатая «внутренняя» жизнь народных целителей была скрыта от посторонних глаз. Поэтому встречавшиеся в литературе отдельные упоминания о джимджи (они их называли «джинджи») акцентируют внимание не столько на методах лечения, а намекают на «мошеннический» характер их деятельности [9, с. 384; 11, с. 98]. Показательно, что в путеводителе от 1925 г., при составлении которого принимал участие и У. Боданинский, народные целители упоминаются уже без оценочных суждений. «Болезни, по поверию татар, посылаются Аллахом или злыми духами как наказание за грехи. Знахари и знахарки «ирымджи», «джимджи» и др. лечат их своеобразными средствами, среди которых играют значительную роль заговор, внушение и массаж» [13, с. 68].

С принятием ислама народные способы врачевания вытеснялись мусульманскими практиками, в особенности лечением сурами из священного Корана. Среди мусульманских религиозных деятелей тоже были свои целители. Например, занимались врачеванием многие ишаны. Кроме лечения сурами, популярным способом врачевания было кровопускание. Этот метод получил распространение во всех мусульманских уголках России. Однако в самых популярных образцах путевой литературы мы не находим упоминания о данной мусульманской практике.

По замечанию авторов дореволюционного времени, «только в самых упорных недугах татары решаются прибегать к отчитыванию мулл, прикладыванию к больным частям тела различных «дуа» – молитв или изречений из Корана и к содействию «джинджи» <...>» [14, с. 46]. Выделяли даже «алтын дуа» («золотая записка»), которую носили как оберег от разных болезней [17, с. 327].

В Крыму особой целительной силой наделялись дервиши. Мусульманские обряды крымских татар казались для посторонних наблюдателей странным зрелищем. Между тем, мусульмане перед богослужением приводили своих больных и укладывали рядом, а дервиши становились вокруг них и начинали свое таинственное кружение. Обычно богослужение начиналось в девять вечера и продолжалось до полуночи. «Орден дервишей состоит из обывателей Бахчисарая. Вне своих молитвенных церемоний они обыкновенные торгов-

цы и промышленники», – отмечал наблюдатель. Обряды с дервишами проходили при двух бахчисарайских мечетях. Мечеть при Азисе – по четвергам, и в мечети вблизи ханского дворца – по воскресеньям [3, с. 118–119].

Конечно, советский этап истории крымских татар вытеснил многие религиозные традиции, осталось в прошлом и кружение дервишей на Крымской земле. Но удивительная сила веры, способная победить самые разные заболевания, до сих пор остается необъяснимым феноменом в медицине.

Таким образом, Крым представлял собой особый уголок Российской империи, став к XIX в. своеобразной лечебницей на открытом воздухе. Однако контакты представителей научной медицины и местного населения (крымских татар) не смогли кардинально изменить их повседневный уклад, в том числе методы врачевания.

Описания медицинских практик крымских татар, представленных в популярных путеводителях и путевых заметках XIX в., можно объединить в три условные группы: 1) языческие (автохтонные) верования и обряды, связанные непосредственно с землей Крыма; 2) тюркские привычки, привнесенные степными кочевниками; 3) мусульманские целительные практики. Но, в целом, у многих наблюдателей складывалось впечатление, что крымские татары воспринимают болезни как некое испытание, и считалось, что они редко прибегают к услугам целителей. Это объяснялось особыми мировоззренческими установками. Поэтому и за официальной медицинской помощью они обращались лишь в самых крайних случаях, например, только во время эпидемий.

Самобытные традиции врачевания крымских татар привлекали приезжих врачей, в некоторых случаях они брали на вооружение эти медицинские практики. Примечательно, что данные способы лечения успешно применяются в медицине до сих пор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анненков П. В.* Воспоминания и критические очерки. Т. 1. 1849–1868 гг. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. 344 с.
2. *Бернов М. А.* Из Одессы пешком по Крыму. СПб.: Тип. Глазунова, 1896. 218 с.
3. *Бесчинский А. Я.* Путеводитель по Крыму. 4-е изд. Москва: Т-во И. Н. Кушнерев и К^о, 1904. 468 с.
4. *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. XV. СПб., 1895. 478 с.
5. *Васюков С. И.* Крым и горные татары // В гостях у крымских татар (записки путешественников и этнографов XIX–XX столетий) / сост., вступ. статья Т. Бекирова. Симферополь, 2015. С. 55–113.

6. *Гаспринский И.* Письмо Шафике Юсуфбейли // Исмаил Гаспринский. Историко-документальный сборник. Казань: Жыен, 2006. С. 124–125.

7. *Гутова Т.* Отношение к болезни больных с разной этнической принадлежностью // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах. Отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М., 2015. С. 19–21.

8. *Домбровский Ф.* Историко-статистический очерк г. Багчесарая // По старым улочкам столицы (Из истории Бахчисарая и крымскотатарской культуры) / сост., вступ. статья Тимура Бекирова. Симферополь, 2013. С. 38–53.

9. *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма. Ч. 12. СПб.: Типография В. Веллинг, 1875. 90 с.

10. *Москвич Г. Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Изд.-е 13-е. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1904. 414 с.

11. Народы России: этнографические очерки. СПб.: Журнал «Природа и люди», 1880. Т. 2. 648 с.

12. Полный русско-татарский словарь : крымскотатарского наречия / сост. Осман Заатов, преп. Симфероп. рус.-татар. минист. шк. Симферополь, 1906. 120 с.

13. Путеводитель по Крыму / под редакцией проф. А. И. Маркевича, А. И. Полканова и проф. Н. Л. Эрнста. Изд. 2-е испр. и доп. Симферополь: Крымгосиздат, 1925. 267 с.

14. *Радде Г. И.* Крымские татары. СПб.: Тип. Ген.-майор Зыкова, 1879. 52 с.

15. *Раисов Н.* Новейший иллюстрированный путеводитель по Крыму и Кавказу на 1897/8 г. Одесса: Р. Рашковская и А. Евгеньев, 1897. 352 с.

16. *Сосногорова М. А.* Путеводитель по Крыму для путешественников. 2-е изд. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1874. 456 с.

17. Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чинова. М.: Наука, 2003. 459 с.

18. *Филиппов С. Н.* По Крыму. Отражения. М.: Тип. А. Левенсон и К^о, 1889. 469 с.

19. *Лайелл Р.* Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии // Дермедведь-Эрбаш Е. Крым: по следам забытых путешествий. Заметки по литературно-историческому краеведению. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. С. 98–115.

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Батурина, 7А, г. Казань, Россия); bahetem@mail.ru

Travelers about folk healing of the Crimean Tatars (second half of the 19th century)

Liliya Gabdrafikova

(Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences)

Abstract. The object of this study is various guides and travel notes about the Crimea of the imperial period. These travelogues present a special picture of the daily life of the Crimean Tatars. In the 19th century, Crimean Tatars had interesting and original traditions of medical practices. This literature has stories about the life style of the Crimean Tatars, their attitude towards diseases and methods of healing. The authors of travel notes looked at the external image of the Crimean Tatars, at their public actions. For example, the pilgrimage of the Crimean Tatars to the “holy well”, dancing of Dervishes, etc. So, this system of medical practices of the Crimean Tatars (in the lens of the authors of travel notes) included pagan beliefs and rituals, Turkic food culture, healing methods associated with the Muslim culture. But they did not see the practice of folk healers of the Crimean Tatars. These works of the 19th century have the same assessments of folk practices of healing, where the authors contrasted “their” and “alien” culture. As a result this attitude hindered constructive dialogue between people of different cultures. But in the second half of the 19th century in the Crimea began intercultural interaction in the scope of public health. During this period the medical service of the zemstvo (municipality) was created, and the Crimean Tatars were in the zone of influence of this service. On the other hand, some methods of folk healing of the Crimean Tatars began to be used in the practice of official scientific medicine.

Keywords: traditional medicine, Crimean Tatars, daily life, food culture, lifestyle, “holy places”.

For citation: Gabdrafikova L. R. Travelers about folk healing of the Crimean Tatars (second half of the 19th century). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.124-134. DOI: 10.22378/kio.2019.1.124-134

REFERENCES

1. Annenkov P. V. *Vospominaniya i kriticheskie ocherki* [Memories and Critical Essays]. Vol. 1. 1849–1868. St. Petersburg: M. Stasyulevich publ., 1877. 344 p.
2. Bernov M. A. *Iz Odessy peshkom po Krymu* [On foot from Odessa across the Crimea]. St. Petersburg: Glazunov publ., 1896. 218 p.
3. Beschinskij A. Ya. *Putevoditel' po Krymu* [Crimea Guide]. Moskow: I. N. Kushnerev publ., 1904. 468 p.
4. Brokgauz F. A., Efron I. A. *Enciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. XV. St. Petersburg, 1895. 478 p.
5. Vasyukov S. I. Krym i gornye tatary [Crimea and the mountain Tatars]. *V gost-*

yah u krymskih tatar (zapiski puteshestvennikov i ehtnografov XIX–XX stoletij) [Visiting the Crimean Tatars (notes of travelers and ethnographers of the 19–20th centuries)]. Simferopol, 2015. Pp. 55–113.

6. Gasprinskij I. Pis'mo Shafike Yusufbeyli [Letter to Shafika Yusufbeyli]. *Ismail Gasprinskij. Istoriko-dokumental'nyj sbornik* [Ismail Gasprinsky. Historical and documentary collection]. Kazan: Жыен, 2006. Pp. 124–125.

7. Gutova T. Otnoshenie k bolezni bol'nyh s raznoj ehtnicheskoy prinadlezhnost'yu [Attitude to the disease of patients with different ethnicity] // *Ot istokov k sovremenosti* [From the beginnings to the present]. Moscow, 2015. Pp. 19–21.

8. Dombrovskij F. Istoriko-statisticheskij ocherk g. Bagchesaraya [Historical-statistical essay of the city of Bagchesaray]. *Po starym ulochkam stolicy (Iz istorii Bahchisaraya i krymskotatarskoj kul'tury)* [In the old streets of the capital (From the history of Bakhchisarai and the Crimean Tatar culture)]. Simferopol, 2013. Pp. 38–53.

9. Kondaraki V. H. *Universal'noe opisanie Kryma* [Universal description of the Crimea]. Vol. 12. St. Petersburg: V. Velling publ., 1875. 90 p.

10. Moskvich G. G. *Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Krymu* [Illustrated practical guide to the Crimea]. Odessa: L. Nitche publ., 1904. 414 p.

11. *Narody Rossii: ehtnograficheskie ocherki* [Peoples of Russia: Ethnographic Essays]. St. Petersburg: 'Priroda i lyudi' magazine publ., 1880. Vol. 2. 648 p.

12. *Polnyj russko-tatarskij slovar': krymskotatarskogo narechiya* [Full Russian-Tatar dictionary: Crimean-Tatar dialect]. Simferopol, 1906. 120 p.

13. *Putevoditel' po Krymu* [Crimea Guide]. Simferopol: Krymgosizdat, 1925. 267 p.

14. Radde G. I. *Krymskie tatary* [The Crimean Tatars]. St. Petersburg: General-major Zykov publ., 1879. 52 p.

15. Raisov N. *Novejshij illyustrirovannyj putevoditel' po Krymu i Kavkazu na 1897/8 g.* [The newest illustrated guide to the Crimea and the Caucasus in 1897/8.]. Odessa: R. Rashkovskaya and A. Evgen'ev publ., 1897. 352 p.

16. Sosnogorova M. A. *Putevoditel' po Krymu dlya puteshestvennikov* [Guide to the Crimea for travelers]. Odessa: L. Nitche publ., 1874. 456 p.

17. *Tyurkskie narody Kryma. Karaimy. Krymskie tatary. Krymchaki* [Turkic peoples of the Crimea. Karaites. Crimean Tatars. Krymchaks]. Moscow: 'Nauka' publ., 2003. 459 p.

18. Filippov S. N. *Po Krymu. Otrazheniya* [In the Crimea. Reflections]. Moscow: A. Levenson publ., 1889. 469 p.

19. Lyell R. *Puteshestvie po Rossii, Krymu, Kavkazu i Gruzii* [Journey through Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia]. Dermedved-Erbash E. *Krym: po sledam zabytyh puteshestvij. Zametki po literaturno-istoricheskomu kraevedeniyu* [Crimea: in the footsteps of the forgotten journeys. Notes on the literary-historical local history]. Simferopol: Business-Inform publ., 2013. Pp. 98–115.

About the author: Liliya R. Gabdrafikova – Doc. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin Str., 7A, Russian Federation); bahetem@mail.ru

УДК 811.512.1:8(091):82Крымтат.08

DOI: 10.22378/kio.2019.1.135-146

Национальные символы в публикациях О. Акчокраклы (комментарии к статье «К вопросу о флаге»)

Рефат Абдужемилев

(ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»; Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ)

Аннотация. В статье предлагается перевод на русский язык публикации крымскотатарского ученого и писателя О. Акчокраклы (1878–1938) под названием «Байракъ меселеси» («К вопросу о флаге») из № 108 газеты «Миллет» за 1917 г. В предисловии излагается краткое содержание переведенной работы: выбор цвета татарского флага Мусульманским Военным Советом, голубой цвет у древних тюрков, отображение исламских цветов на флаге, тарак-тамга и драконы как атрибуты флага. В историческом обзоре прослеживаются этапы использования крымскими татарами официальных государственных символов: бунчук в Золотой Орде, знамена и бунчуки в Крымском ханстве, мусульманский санджак (знамя), флаг в период Крымской Народной Республики, во время Второго Курултая. Значительное внимание уделено цветовой символике на знаменах. Отмечены фрагменты из крымскотатарских хроник «Тарих-и Сахиб Герай хан», «Тарих-и Ислам Герай хан», «Тарих-и Мехмед Герай», в описаниях которых имеют место бунчук и санджак.

Ключевые слова: Акчокраклы Осман, бунчук, санджак (знамя), крымские татары, Крымское ханство, флаг, цвет.

Для цитирования: Абдужемилев Р. Р. Национальные символы в публикациях О. Акчокраклы (комментарии к статье «К вопросу о флаге») // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С.135-146. DOI: 10.22378/kio.2019.1.135-146

В № 108 газеты «Миллет» за 1917 год была опубликована статья Османа Акчокраклы, посвященная национальному флагу крымских татар. Автор пытается преподнести читателям предысторию появления голубого (синего) и зеленого знамен у тюрко-мусульманских народов, ссылаясь на известные мнения, при этом не делая определенных утверждений. Круг вопросов, поднятых в статье: инициатива Мусульманского Военного Совета о выборе цвета татарского флага, флаг как символ военной славы, зеленый флаг, история флага в контексте исламской истории, использование бунчука из конского хвоста, зеленый цвет в суфийских орденах, зеленый сарык у сейидов, голубой (синий) цвет на флаге татар, почитание небес древними тюрками, идея о размещении символа тарак-тамги на флаге крымских татар, изображение драконов.

Современный крымскотатарский флаг имеет голубой (синий) цвет. В верхнем углу у древка расположена тарак-тамга – символ ханского рода (Герая), который встречается на стенах, на печатях в документации и на монетах. Пункт из постановления Курултая крымскотатарского народа «О национальном флаге и национальном гимне крымскотатарского народа» от 30 июня 1991 года гласит следующее: «Считать национальным флагом крымскотатарского народа прямоугольное полотнище голубого цвета с изображением в его верхнем углу у древка золотой тамги. Соотношение ширины флага к его длине – 1:2» [9]. Стоит подчеркнуть, что тамга не использовалась на флаге Крымской Народной Республики. Пункт 8 из положения о власти, принятом татарским парламентом: «Государственным флагом признается голубой флаг впредь до окончательного разрешения этого вопроса Крымским учредительным собранием» [3, с. 167]. Таким образом, вопрос флага оставался открытым.

Военным знаком, доставшимся от Золотой Орды и древнетюркских времен, являлся бунчук (тугъ) из конского хвоста, с навершием на древке [4, с. 553]. Количество хвостов, навешивавшихся на бунчук, – признак, по которому определялся должностной ранг. Санджак, или штандарт (знамя), выполнял функцию военной координации. Его считают религиозной реликвией. Санжак-и шериф (благословенное знамя) пророка Мухаммеда (с. а. в.) хранится в музее дворца Топкапы в качестве эманет-и шерифе [9]. Во времена пророка традиционно начали использоваться санджаки черного, белого и зеленого цветов. Известно, что зеленый цвет считался символом сейидов, потомков пророка Мухаммеда (с. а. в.) [11]. Зеленый встречается в одежде (сарык, джуббе и др.), а также в дюрбе (мавзолеях). Исламский санджак являлся оберегом всего войска. Наличие свято чтимых воинских реликвий воодушевляло воинов и настраивало на победу.

Древнетюркская и исламская символика цвета отразилась на санджаках Крымского ханства. Желтый цвет считался символом золота, белый – чистоты и справедливости. Согласно древнетюркской мифологии, существовал

дворец с золотыми воротами и золотым тронem, который олицетворял собой центр мироздания. Голубой/зеленый цвет – символ рождения, бесконечности, постоянства, величия, света, дружбы и верности. Древние тюрки не разделяли цвета на голубой, синий и зеленый, это были оттенки одного цвета, называвшегося словом «кок». Зеленый цвет символизировал религию ислам. Красный цвет использовался на флагах древних тюрок и символизировал огонь. Черный цвет – цвет санджак-и шерифа. В Османской империи существовало три военных санджака: красный, зеленый и белый [10]. В Крымском ханстве применялись санджаки различной цветовой гаммы (сохранившиеся ныне крымскотатарские военные знамена хранятся в Варшавском музее).

Упоминание о знаменах и бунчуках находим в крымскотатарских хрониках (*ниже – фрагменты из текста, перевод Р. Абдулжамилев*). Авторы таких сочинений, как «Тарих-и Сахиб Герай хан», «Тарих-и Ислам Герай хан», «Тарих-и Мехмед Герай», в своих записях, прославляя героические деяния крымского войска, уделяли внимание военным символам Крымского ханства. В атрибутах воинской власти просматривается преемственность древних традиций. Описывая военные походы, летописцы особо выделяли эпизоды, связанные с воинскими атрибутами, посредством таких эпитетов, как «лучезарный бунчук», «победоносное знамя», «благословенный санджак» и др.

Крымские ханы имели право владеть пятибунчужным знаменем (тугъ-и хумаюн) [5, с. 174]. Согласно одному из пунктов соглашения, заключенного между султаном Мухаммедом и Менгли Гераем (1478 г.), «хан имел пятибунчужное знамя. Потом бунчуки были разделены. Хан имел два, а прочие даны калге-султану, нуреддин-султану и Ширин-бею. Однако в военное время хан имел всегда пять бунчуков» [2, с. 257].

Бунчук и санджак выступают как символы верховной власти, знаки одобрения правления и наделения полномочиями: «<...> *tuğ ve sancağ birle altı yüz yeniçeri ve biñ qadar yarağlı Aqkermana geldi <...>*» / («<...> в Аккерман прибыло 600 янычар и около 1000 снаряженных воинов с бунчуком и знаменем <...>») [8, с. 21]; «<...> *Andan Han Hazretleri anı getürüb, leşkeri ana sipariş etdi ve tuğ verdi, gönderdi <...>*» [8, с. 49]. / «<...> Хан, позвав его, вверил ему войско, вручил бунчук и отправил в путь <...>».

Бунчук – неотъемлемый атрибут надвигавшегося войска, он всегда в авангарде, выставление ханского бунчука – сигнал к выходу в поход: «<...> *oğlı merd-i güzin Emin Geray Sultan, elli biñ güzide ‘asker ile tuğın çeküb, gelür*» [8, с. 100]. / «<...> отборный воин Эмин Герай-султан с войском в 50 тысяч человек, выставив бунчук и приближаясь <...>»; «<...> *Bu kez bir taraftan Emin Geray Sultan ve bir taraftan ‘Adil Geray Sultan ve bir canibden Hacı Geray Sultan ve bir canibden dahi Selâmet Geray Sultan ve Ğazanfer Geray Sultanlarıñ tuğları yürüyüb ve bir taraftan Emin Geray oğulları Cafer Geray Sultan ve Qutlu Geray*

Sultan *tuğ*ı yürüdi. Ve Şirin ve Barın ve Arğın ve Qıbçaq ve Manqıt Oğlanğıyun *tuğları* yürüdi. Etrafdan düşman üzerine aç qurtlar gibi hücum edüb, toqındılar <...>» [8, с. 112]. / «<...> На этот раз с одной стороны виднелись бунчуки Эмин Герай-султана, с другой – Адиль Герай-султана, с третьей – Хаджи Герай-султана, с четвертой – Селямет Герай-султана и Газанфер Герай-султана, с другой стороны – бунчук сыновей Эмин Герая, Джафер Герай-султана и Кутлу Герай-султана. Таким же образом в глаза бросались бунчуки сыновей родов Ширин, Барын, Кипчак и Мангыт. Все они бросились на врага, словно голодные волки <...>».

Поднятие бунчука и санджака расценивалось и в качестве элемента древней традиции, утвердившейся церемонии: «<...> Ve qapu önünde *sancaqlar* *çözülüb*, *tuğ* *dikilmiş* idi. Ve qazasker ve quzat ve müdderisin ve cümle 'ulema ve suleha dua etmege hazır turmuşlardı. Ve şehir halqı 'am u haş temaşaya turub, seyrederlerdi» [8, с. 60]. / «<...> Перед дверьми развернули санджаки и был выставлен бунчук. Кадыаскер и кадии, и мудеррисы, и все богословы, и набожный люд готовились к молитве. Горожане с любопытством наблюдали за процессией <...>»; «<...> Çünkü sabah oldu, Han hazretleri buyurdi. *Sançağ-ı islâm* *dikülüb*, *tuğlardır* çekildi <...>» / «<...> Поскольку светало, хан дал приказ выступать в поход. Подняли исламский санджак, выставили бунчуки <...>»; «<...> Ve hanın *tuğun* çeküb, han qullarından atlanan erenler anuñ tuğı yanında cem' olurdi <...>» [8, с. 49]. / «<...> Выставив ханский бунчук, воины-всадники собирались для похода у того бунчука <...>»; «<...> Tuğ-ı fûruğ-ı sahibqıranı ayuuka peyveste oldu <...>» [7, с. 210] / «<...> И гордый сахибкранов бунчук взвился аж до Капеллы <...>» [6, с. 55].

Санджак как обязательный атрибут крымских войск во время походов всегда находился в центре, на видном месте, он являлся символом признания власти, стимулом для поднятия морального духа войска, появление санджака сигнализировало старт к передвижению или остановке войска: «<...> Orta yerde *altun başlu sancağı* göricek bildiler ki, Han Hazretleri budur <...>» [8, с. 29]. / «<...> При виде санджака с золотым навершием знали, что это приближался хан <...>»; «<...> Cümle alaylâr ve saflar bağlayub, *sancağı* gözleyüb yürürler ve *sancağın* ardınca hazinedar ve aqabınca cebehane ve iki taraf da Hanın tüfenkçileri <...>» [8, с. 73]. / «<...> Выстроились все полки и ряды, смотрели за санджаком, за санджаком были казначей и место воинского сбора, да с двух сторон – ханские оружейники <...>»; «<...> rayât-ı feth-ı ayâtı hüsrevanileri <...>» [7, с. 176] – «<...> победоносные ханские знамена <...>» [6, с. 9].

Вниманию читателей предлагается статья О. Акчокраклы под названием «Байракъ меселеси» («К вопросу о флаге»), опубликованная на страницах газеты «Миллет» [Стр. 83–87 из книги Акъчокъракълы О. Эсерлер топламы / О. Акъчокъракълы ; тертип эткен ве неширге азырлагъан: проф. И. А. Керим. – Акъмесджит : «Таврия» нешрияты. – 2006. – 320 с.]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдужемилев Р. Р. Воинская символика Крымского ханства (на материале крымских хроник) // Qasevet. Симферополь. 2015. № 43. С. 5–17.
2. Богуш С. История о Таврии. СПб.: В типогр. Шнора. 1806. 442 с.
3. Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Крымгосиздат. 1927. 336 с.
4. Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. СПб.: В типогр. штаба военно-учебных заведений. 1853. Изд-е 2. Т. 2. 632 с.
5. Очерки России, издаваемые В. Пассеком. М.: В типогр. Н. Степанова. 1840. К. 2. 216 с.
6. Сенаи М. Книга походов. История хана Ислям Герая Третьего / под ред. К. Конгурата (Усеинова). Симферополь: Крымучпедгиз. 1998. 72 с.
7. Туранли Ф. Літописні твори М. Сенаї та Г. Султана як історичні джерела. Київ. 2000. 311 с.
8. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimee de 1532 a 1551): Edition Critique, Traduction, Notes et Glossaire / Neşr. Ö. Gökbilgin. Ankara: Baylan Matbaası. 1973. 313 s.
9. Флаг крымских татар. Историческая справка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://avdet.org/ru/2015/06/01/flag-krymskih-tatar-istoricheskaya-spravka/>.
10. Osmanlı sancaklarının anlamı [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gururumuz.blogcu.com/osmanli-sancaklarinin-anlami/7296918>.
11. Yeşil sancak [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tr.yenisehir.wikia.com/wiki/Yeşil_sancak.

Сведения об авторе и переводчике: Абдужемилев Рефат Рустем оглы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (Крым, Симферополь, 295015, Учебный пер., 8); старший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация): refatimus@gmail.com

Осман Нури-Асаноглу Акчокраклы К вопросу о флаге

В отношении деления татарского войска на отдельные полки, батальоны с одной стороны, национальных демонстраций, открытия автономных управлений (вопрос самоуправления), национальных съездов (курултай) – с другой, самопроизвольно возникает вопрос о «Национальном флаге».

Естественно, татары не задумываются по этому поводу, а когда происходит событие религиозного или национального значения, тогда наготове символ «Полумесяц» наряду с «Зеленым» цветом. Но откуда же возник этот «Полумесяц»? Что он означает? Об этом не приходится задумываться. А какой смысл заключает в себе «Зеленый» цвет, и почему он воспринимается так свято? И об этом глубоко не задумываются. В представлении людей мусульманин воспринимается посредством изображения «Полумесяца» с «Зеленым» цветом.

На днях центральный совет мусульманских войск России занялся вопросом подготовки флага для наших военных частей, с этой целью была создана комиссия, и в то же время появилось обращение к некоторым специалистам (квалифицированным людям) с нижеприведенными вопросами:

1. Какого цвета было знамя (флаг) всех мусульман в прежние времена? (Какой цвет наиболее подходящий ныне?)

2. Какой формы было знамя татарской нации в прежние времена? (Какая форма подходит ныне?)

В связи с этой инициативой Мусульманского Военного Совета в своей статье в 26-м номере газеты «Къурултай» А. Баттал¹ говорит следующее: «Поскольку флаг является живым символом силы и славы полков, сегодня вздымающийся флаг представляет собой знак силы военной силы татар, он переходит из поколений в поколения и будет считаться историческим флагом. А ходить с любой поднятой материей, без всяких на то исторических и национальных оснований, называть ее «Национальным флагом» было бы постыдным явлением.

В Казани, когда 22-го июля этого года объединились три съезда, в зале городского театра два наших воина вывесили флаги красного и зеленого цвета и хотели показать их в качестве «Национального флага»... Почему же татарский флаг имеет зеленый окрас? Есть ли на то историческое и научное обоснование? Никто не изучал и не исследовал этого прежде.

Над дверьми места для съезда мулла в клубе «Нур» (?) также был развернут зеленый флаг. Таким образом, очевидно, это цвет знамени Пророка!...

Наш великий религиозный ученый (из улема) Муса-эфенди Бигиев² говорил, что знамя Пророка не зеленое, а черное, зеленый же цвет у мусульман является знаком скорби, траура. Муллы на съезде не дали на это определенного ответа.

После этих разъяснений А. Баттал-эфенди говорит: «Полагаю, что знамя

¹ Абдулла Баттал (Габдулла Батталов) (1916–1944) – участник подпольной организации Волжско-татарского легиона «Идель-Урал».

² Бигеев Муса Яруллович (1873–1949) – выдающийся татарский философ-богослов, публицист, один из лидеров прогрессивного движения (джадидизм) среди мусульман России начала XX века.

всех мусульман должно быть зеленого цвета, но какая же связь между национально-культурной автономией тюрко-татар Поволжья и союзным исламским мнением?»

...Коль сегодня у татар имеется возможность развернуть собственный флаг, то первоначально подняли бросающееся в глаза зеленое сукно...

Прошлое татар было историческим, у них было государство, величие, войско, порядок, флаг. А. Баттал-эфенди, таким образом, оставляет вопрос открытым.

Мы оставим для другой статьи вопрос о переходе формы «Полумесяц», по строгим преданиям, от древних римлян (румлар) к мусульманам, и двуглавого орла от древних хетинских татар к римлянам, а затем к пруссам и русским, и к другим европейцам. А в этой же статье мы опубликуем собранные нами сведения касательно вопроса о флаге.

В первом томе истории одного из известных османских историографов (мюверрихлеринден) Джевдет-эфенди³ в части «Санджакълар» («Знамена») сообщается, что в первый год хиджры одному из сахабе (товарищей) почтенного Пророка Эбу Мерсе было дано знамя (флаг. – *О. А.*) из белой (ак – *О. А.*) материи. Первоначально в исламе был утвержден этот флаг, а Эбу Мерсе был аксакалом исламских знаменосцев. В битве при Хайбер был дан Лева-и Кебир (большой черный флаг. – *О. А.*), и он получил название рает (санджак, флаг).

Затем в период халифата степень использования флагов и санджаков увеличилась. Для халифов Аббасие, шехидов Кербелы⁴, почтенных Хасана⁵ и Хюсейина⁶ (мир и благословения им!) в качестве знака печали и скорби был развернут черный флаг, тогда же надели черную одежду. Впоследствии в противостоянии алевитов (сторонники хазрета Али) с аббасидами, в целях отличия от них был развернут белый флаг. Позднее халиф Мемун⁷ ввел в обычай использование зеленого флага вместо черного и ношение черной одежды.

В Андалусии в полках государства Бен-и Ахмер имелись окрашенные (с позолотой. – *О.А.*), разноцветные знамена, а после установления западного владычества, разнообразно украшенные узорами знамена (санджаки).

³ Ахмед Джевдет-паша (1827–1895) – османский государственный деятель, историк и правовед, писатель, чиновник, автор 12-томной истории Османской империи под названием «Тарих-и Джевдет» («История Джевдета-паши, 1852 – 1882).

⁴ Кербела – город в Ираке, в 100 км на юго-запад от Багдада.

⁵ Хасан ибн Али аль-Кураши (624–669) – внук пророка Мухаммеда (с. а. в.), сын его двоюродного брата Али и дочери Фатимы. Пятый халиф и второй имам шиитов.

⁶ Хюсейн ибн Али аль-Кураши (626–680) – второй сын Али ибн Абу Талиба и Фатимы, третий шиитский имам.

⁷ Абдуллах аль-Мамун (аль-Мамун) (786–833) – багдадский халиф из династии Аббасидов, астроном.

В восточных странах и в туркестанских степях (Дешт-и Туркистан), в прежних тюркских государствах, в государствах Хинд (Индия) и Чин (Китай) на большое знамя размещали символ, раскрашенный и похожий на кисточку, на распушенный кисет из волос сплетенного конского хвоста. Это знамя поднималось до смерти воина и называлось «халиш». В войсках Джэнгиза (Чингисхана) и Хулагу⁸ также использовался халиш. Его использовали и государства Эюбий и Сельджукий. Только свыше устанавливалась позолоченная часть (фелеке вазы), а затем украшали, сжав волосинки вокруг пучками, словно кисточку. Это то, что называется в Турции словом «туг» (знамя).

Известно, что символ «туг» (кисточка), сделанный из хвоста, впоследствии надевался на имаме (сарык) и венцы султанов и пашей в Турции. Его надевали и на головы лошадей, запряженных в телеги султаната. Этот обычай был в тенденции и в императорский период во дворце России. (Лошади запряжены «тугом» – говорили. – О.А.).

Обычай использования туга (знамени) у татарского воина также имел место у русского всадника-казака, позаимствовавшего все обычаи и методы прежнего татарского воина.

Если обратить внимание, можно было бы увидеть, как перед казацкими полками вместе с музыкантами брали палку с лошадиным хвостом и на эту палку прикрепляли зиль (тарелки) и колкольчики, а затем ее поднимали ввысь.

Вернемся же к «Истории Джевдета» («Тарих-и Джевдет»). Вот что написано там: «<...> по древнему обычаю, свойственному халифу, флаги и хияля (форма полумесяца), черные и зеленые санджаки с алемами (символами) постепенно остались за шейхами суфийских тарикатов (орденов), и, находясь в текие (молельнях), поднимались перед похоронами великих людей, и разворачивались в дни Ашура⁹ (дни поминания хазрет Хюсейна).

Таким образом, вот это и есть несколько преданий относительно флагов, их цвета и формы в исламской науке. Среди них ни один из цветов не показывается в качестве официально утвержденного. Насколько ясно, использовались белый, черный, зеленый. Согласно словам Мусы-эфенди и свидетельствам «Истории Джевдета», зеленый цвет не являлся пережитком времени Пророка, намного вероятней, он использовался после случая взятия (в сражении) Кербелы, и в особенности в качестве символа печали и горести той исламской трагедии. Вероятно, использование зеленого цвета связано с молодостью шахидов или же с зеленой травой на угасшей земле во время трагедии.

⁸ Хулагу (1217–1265) – монгольский правитель и военачальник, внук Чингисхана, основатель династии Хулагуидов.

⁹ Ашура – 10 день месяца мухаррем, в исламе особо почитаемый день, у шиитов известен как день траура.

В нашем Крыму люди по имени Сейит¹⁰ (Сеит), которые близки к роду Пророка (через хазрет Фатму и Али), отличаются от других зеленым цветом. К примеру, они носят зеленый сарык (чалму).

В родословном свидетельстве одного из таких сейидов, эфенди, имеются следующие строки: «<...> есть неведающие и люди с чистыми помыслами. Мы в отношении этого вопроса, таким образом, свидетели и будем свидетельствовать – говоря, всякий высоким путем свидетельствуя, извещает, высокие условия принимаются, а не принятые свидетельства <...> Здесь сейидам (челобие садат) в отношении обладателей уважения в готовности демонстрации специального знака дано позволение обвивать зеленый цвет вокруг головы <...>».

Это свидетельство написано в Крыму в 1136 году и со временем подписано благословенными накибами¹¹ и обществом сейидов. Исходя из этого, ясно, что в нашем Крыму зеленый цвет – специальный цвет сейидов.

Обратимся теперь к голубому цвету. В последнее время широко распространенным стало мнение считать голубой цвет в качестве национального цвета татар, на национальном флаге. Мы не знаем, в чем суть и основание этого решения. Известно только, что в своем романе по истории Дженгиза (Чингисхана) известный французский писатель Ленуан Кахун сообщал о том, что татарский флаг имеет голубой цвет, и даже озаглавил произведение «Голубое знамя» («Кок санджак»).

В порядке вещей скажу, что слово «санджак» должно быть «санчак». От неопределенной формы глагола (масдар) «санчмак» (колоть) или «чанчмак». То есть водрузить, установить. Например, установить древко флага на скале.

«Голубое знамя» Ленуана Кахуна было переведено одним из турецких писателей Неджипом Асимом. Вероятно, основание на голубой флаг взято отсюда. Во всяком случае, крымцы сегодня воспринимают голубой флаг как национальное знамя.

Все же можно полагать о близости голубого цвета к старому монгольскому цвету. Поскольку весьма логично и вероятно, что в прежние времена тюрко-татарские племена, велико почитавшие небо, луну, солнце, придавали значение небесам, считая голубой цвет неба священным.

В этой связи я бы хотел поделиться и собственным опытом. В нашем Бахчисарае, если внимательно приглядеться, при постройке нового здания пре-

¹⁰ Сейид – почетный титул у мусульман для потомков пророка Мухаммеда (с. а. в.).

¹¹ Накиб («старейшина», «глава», «уполномоченный») – исламский термин, широко употреблявшийся в практике мусульманских конфессиональных общин и религиозно-политических движений. Во времена правления Аббасидов накиб осуществлял юрисдикцию над потомками пророка Мухаммеда и членами их семей.

имущественно деревянные места обязательно покрываются синей краской, голубой краской. «Как же идет синяя краска!» – говорят. Окна, решетки, двери – все они голубого или же синего окраса. Иногда и на потолки наносилась синяя краска из синьки (чивитли). Значит, в татарской крови все еще сохранилась жилка, которая притягивает голубой цвет, его же и манит.

В задумке разместить некий знак на голубом флаге в Крыму, без колебания появилась склонность к изображению тарак-тамги (знак в виде гребня). Эта тарак-тамга в эпоху Крымского ханства использовалась родом Герай (Герай ханеданы). При входе в Хан-Сарай на стене Мечети и на старых деньгах Гераев размещена эта тамга. Является ли эта тамга фамильной тамгой Гераев или же тамгой всех крымских татар – достоверно неизвестно. Известно, что у татар и монголов, у каждого племени имела своя собственная тамга. Изначально эта тамга у монголов и татар клеймилась на спинах лошадей (табуны / йылкы), с необходимостью не смешивать табуны с другими лошадьми. Впоследствии в связанных с ней всех вещах она использовалась и ныне используется в школах взамен подписи или же вместе с подписью взамен шифра.

Помимо этой тарак-тамги, в Бахчисарае на внешней и внутренней стороне ворот Хан-Сарая в виде узора представлены образы борющихся между собой драконов (аждерха).

Вместе с директором Дворца, художником Усеин-эфенди Боданинским, мы попытались изучить основание истории этого образа дракона. В этом отношении в Бахчисарае есть некоторые предания, со временем мы поясним их. Вопрос заключается в следующем: являются ли эти драконы татарским произведением, или же они перенесены из другого места? В произведениях русских и европейских писателей, преподнесших историю дворца, ничего не указано касательно этого вопроса. Если же придать значение поклонению монголов в случае всяких бедствий и катастроф, можно говорить о том, что образ дракона свято чтился в их традиции, и он остался со времен огнепоклонников (меджу-сиеттен). Этот обычай, вполне вероятно, сохранился и после исламизации татар. Действительно, образ дракона в определенный период времени считался официальным и религиозным символом китайцев (чинлилер), находившихся под управлением монголов. По дошедшим до нас устным сведениям, в Китае (в Пекине) на мечетях и джами мусульман и ныне можно увидеть изображение дракона. Нам не известно, размещают ли их в принудительной форме по приказу китайского правительства или же мусульмане тех земель делают так по своей собственной воле. Таким образом, вот те сведения, которые нам удалось собрать касательно флага, его цвета и разных символик.

Сведения же относительно полумесяца и двуглавого орла будут представлены в другой статье.

*О. Акчокраклы, «Миллет». – 1917. – № 108. –
19 ноября (оригинал на арабице).*

The national symbols in the publications of O. Akchokrakly (comments on the article “The matter of the Flag”)

Refat Abduzhemilev

(Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea in SBEEHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University»; Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences)

Abstract: the article offers the Russian translation of the publication by the Crimean Tatar scientist and writer O. Akchokrakly (1878–1938) entitled “Bayrak Meselesi” (“The matter of the Flag”) from No. 108 of the “Millet” newspaper in 1917. The preface contains a summary of the translated work: the choice of the colour of the Tatar flag by Muslim Military Council, the blue colour of the ancient Turks, the display of Islamic colours on the flag, tarak-tamga and dragons as attributes of the flag. In the historical survey the stages in the use of the official state symbols by the Crimean Tatars are traced: horsetail (bunchuk) in the Golden Horde, standards and horsetails in the Crimean Khanate, the Muslim sanjak (standard), the flag during the Crimean People’s Republic in the time of the Second Kurultay. The considerable attention is paid to the colour symbolism on the standards. In the article were also noted the fragments from the Crimean Tatar chronicles “Tarikh-i Sahib Geray Khan”, “Tarikh-i Islam Geray Khan”, “Tarikh-i Mehmed Geray”, in the descriptions of which horsetail and sanjak had taken place.

Keywords: Akchokrakly Osman, horsetail (bunchuk), sanjak (standard), Crimean Tatars, Crimean Khanate, flag, colour.

For citation: Abduzhemilev R. R. The national symbols in the publications of O. Akchokrakly (comments on the article “The matter of the Flag”). Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.135-146. DOI: 10.22378/kio.2019.1.135-146

REFERENCES

1. Abduzhemilev R. R. *Voinskaya simbolika Krymskogo khanstva (na materiale krymskikh khronik)* [The military symbols of the Crimean Khanate (on the material of the Crimean chronicles)]. *Qasevet* [Concern], Simferopol, 2015, no 43, pp. 5–17.
2. Bogush S. *Istoriya o Tavrii* [The history of Tavria]. SPB. : v tipogr. Shnora [in the printing-house of Shnor], 1806, 442 p.
3. Bunegin M. F. *Revolutsiya i grazhdanskaya vojna v Krymu (1917–1920 gg.)*

[The revolution and the Civil War in the Crimea (1917–1920)]. Simferopol: *Krymgo-sizdat* [Crimean State Publishing house], 1927, 336 p.

4. *Voyennyi entsiklopedichskiy leksikon, izdavayemyi obshchestvom voyennykh i literatorov* [The military encyclopedic lexicon, published by the society of the military men and writers]. SPb.: *V tipogr. shtaba voyenno-uchebnykh zavedeniy* [In the publishing house of the headquarters of military schools], 1853, 2nd edition, v. 2, 632 p.

5. *Ocherki Rossii, izdavayemye V. Passekom* [Sketches of Russia, published by V. Passek]. Moscow: *V tipogr. N. Stepanova* [In the publishing house of N. Stepanov], 1840, Book 2, 216 p.

6. Senai M. *Kniga pokhodov. Istoriya khana Islam Giraya Tret'yego / pod red. K. Kongurata (Useinova)* [Book of expeditions. The history of khan Islam Giray III / ed. by K. Kongurat (Useinov)]. Simferopol: *Krymuchpedgiz* [Crimean educational and pedagogical publishing house], 1998, 72 p.

7. Turanly F. *Litopysni tvory M. Senayi ta G. Sultana yak istorychni jerela* [An-nalistic works by M. Senayi and H. Sultan as historical sources]. Kyiv, 2000, 311 p.

8. *Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 a 1551): Edition Critique, Traduction, Notes et Glossaire / Neşr. Ö. Gökbilgin* [Tarikh-i Sahib Giray Khan (The story of Sahib Giray, Khan of the Crimea from 1532 to 1551): Critical edition, Translation, Notes and Glossary / ed. Ö. Gökbilgin]. Ankara: *Baylan Matbaası* [Baylan Printing House], 1973, 313 p.

9. *Flag krymskikh tatar. Istoricheskaya spravka* [The flag of the Crimean Tatars. The historical information] [Electronic resource]. Access mode: <https://avdet.org/ru/2015/06/01/flag-krymskih-tatar-istoricheskaya-spravka/>.

10. *Osmanlı sancaklarının anlamı* [The notion about Ottoman sanjaks] [Electronic resource]. Access mode: <http://gururumuz.blogcu.com/osmanli-sancaklarinin-anlami/7296918>.

11. *Yeşil sancak* [Green snjak] [Electronic resource]. Access mode: http://tr.yenisehir.wikia.com/wiki/Yeşil_sancak.

About the author and translator: Abduzhemilev Refat Rustem oğly – Cand. Sci. (philology), senior researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea in SBEEHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University» (8, Uchebnyi lane, Simferopol 295015, Crimea, Russian Federation); senior researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation); refatimus@gmail.com

Реммаль Ходжа.

**Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан»
(«История о хане Сахиб Герае»). Часть 3**

Рефат Абдужемилев

*(Крымский инженерно-педагогический университет; Крымский
научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ)*

Аннотация. Вниманию читателей предлагается перевод на русский язык фрагментов из хроники «Тарих-и Сахиб Герай хан» (XVI в.). Начало и продолжение произведения были опубликованы в предыдущих номерах [1 (10) и 2 (11)] журнала «Крымское историческое обозрение». Автором хроники являлся ученый, придворный астролог при дворе хана Сахиба Герая, Кайсуни-заде Мехмед Нидаи, известный под литературным псевдонимом Реммаль Ходжа.

Наряду с фактографической составляющей хроники немаловажное значение имеет и художественная специфика. В сравнении с другими сочинениями историографической направленности данное сочинение наиболее ярко демонстрирует силу художественного слова, свой эстетический потенциал. Произведение написано в панегирической форме, автор воспекает героические деяния в период ханства Сахиба Герая. В хронике проявляются традиции османской историографии.

Перевод выполнен с турецкого издания «Tarih-i Sahib Giray Han» («Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 a 1551», Анкара, 1973). Автор перевода пытается коррелировать содержание перевода с содержанием оригинала, передать художественное воплощение исторических событий, сохранить стиль произведения, по возможности сохранить реалии языка ханской эпохи. Текст будет полезен для специалистов по истории и литературе Крымского ханства.

Ключевые слова: хроника, Крымское ханство, Сахиб Герай, Реммаль Ходжа, крымскотатарская литература.

Для цитирования: Абдужемилев Р. Р. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 3 // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С.147-174. DOI: 10.22378/kio.2019.1.147-174

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХАЗРЕТ ХАНА ИЗ ПОХОДА В СУ-И ЖАНЕ

Однажды хазрет хан сидел благословенно на корюнюше. И прибыл человек от кефинского бека, и принес письмо. А в содержании того письма было написано: «Доносим до Высочайшего Порога¹ и до центра мироздания² от имени бесчисленных слуг³ и всякого мелкого люда⁴, что бей племени Жане, Кансавук не прислал ежегодное число пленников и схватил наших четырех людей, отправившихся за пленниками, и угнал большое число скота [тавар] с Таманского острова. И сделал явным свое намерение, молвив: «Посмотрим, что учинит со мной хункяр, или же хан». Теперь же окончательный ферман⁵ за хазрет ханом». Сими словами и завершил свою речь.

Хазрет хан, ведая по сему, молвил: «Сей негодяй нарушил заключенный со мною договор. Теперь же я хочу пойти на него походом». И, написав благословенный ярлык кефинскому беку, повелел: «Решено идти в начале следующего месяца [тогар ай]. Прежде же вы идите в Керчь и подготовьте судна». И молвив эти слова, поставил вензель⁶ и отправил письмо. А сам же начал беспокоиться о приготовлениях к походу⁷. Ибо сей привилегированный падишах и татарский хакан⁸, хан Сахиб Герай, занявшись приготовлениями к черкесскому походу, однажды с благополучием и счастьем вознамерился совершить газу против злонравных неверных. И, приготовив все необходимое, согласно древнему обычаю, отправился в путь. Однако так повелел великим бекам, дабы при выборе кого-нибудь из годных нокеров и эренов [витязей], и из подчиненных не приноровили. Черкесов, на которых собрались идти, было мало. И молвил: «Приноровите необходимых для сего дела людей».

А сам же отправился прямо в Кефе с капу-халками⁹. И перед Крымом в местечке Нахчиван собралось все войско, намеренное идти в поход. Однако Эмина Герай-султана вместе с Адилем Герай-султаном оставил в Бахчисарае. И оставил реая [подчиненных] на своих позициях, сам же собрал капу-халков, тугдзы [бунчужных] и тюфенкчи [стрелков из ружей], и доблестных слуг, и войско янычар, и четыре карачи-рода, и беков Оглангиюн, и ички-беков, и славных татарских военачальников¹⁰ – общим числом в двадцать тысяч людей.

¹ «dergâh-ı muallâya».

² «bargâh-ı felekasaya».

³ «bende-i bimiqdar».

⁴ «zerre-i haksar».

⁵ Ферман – приказ, повеление, решение.

⁶ «mühr urub».

⁷ «Ve kendü dahi sefer yarağın görmege beşladı».

⁸ «Çünkü ol mümtaz şehriyar ve haqan-ı Tatar».

⁹ Капу-халк – придворный слуга.

¹⁰ «ve iştihar bulmuş Tatar serverleri».

Тогда весть пришла в Кефе: «Хазрет хан вышел в поход на черкесов племенни Жане и прибудет завтра, остановится в Сары-Голе». В то время кефинский муфтий и кадий, и назыр [министры, надзиратели], и умана [верующие], и фузала [добродееи], и агния [богачи], и сулеха [праведники], и фукара [бедняки] вышли созерцать за происходившими делами¹¹. Тогда сообщили о том, что хазрет хан явился с величием в полдень и остановился в Сары Голе. А кефинский народ взобрался на Паша Депеси, чтобы созерцать за всем. И окинув взором, увидели, как мимо под звуки зурны¹² и бору¹³ проходили пятнадцать тысяч витязей из рода Ширин¹⁴ с бунчуком Баба-бека, а сами они и лошади их облачены в лазурные доспехи¹⁵. За ними вслед – хазрет хан, за бунчужным запасные лошади¹⁶, а за ними перед санджаком с красным обрамлением и золотым навершием¹⁷ облаченный в золотистые одеяния¹⁸ хазрет хан. И прибыл подобно Искандеру времени и Сулейману эпохи величественно и с твердой походкой¹⁹, а у санджака собралось три сотни янычар с золотыми устюфами²⁰ и меткие стрелки из ружей. А под санджаком стояли ханские ич-огланы, полностью вооруженные и в доспехах, так что они на солнце сияли всем своим видом словно молния²¹. Общее число ханских слуг составило десять тысяч. И всякий там был светлым витязем, богатырем, который не повернет лика от войска тюменя. А справа были беи родов Аргын и Кипчак, и Оглангиюн, каждый из них был отличным стрелком из лука²², и около трех тысяч татарских предводителей²³. А по левому крылу от хана были деловитые молодцы, мангытские богатыри²⁴. И храбрые вояки с распростертыми грудьми, двадцать тысяч молодцев – одна десятая часть крымского войска.

И, связав все полки и ряды²⁵, шли вслед за санджаком. А за санджаком – казначей, вслед – джебехане, и по двум сторонам – ханские оружейники, а за ними – янычарские и бекские телеги с провизией, вслед шел кош всего

¹¹ «temaşaya çiqub».

¹² Зурна – восточный деревянный духовой музыкальный инструмент с резким звуком.

¹³ Бору – духовой инструмент, труба.

¹⁴ «Şirin serverler ile».

¹⁵ «gömgök demüre müstağraq olub».

¹⁶ «yedek atları».

¹⁷ «qırmızı pervzlu, altun başlu sancağın önce».

¹⁸ «altunlu libaslara ğarq olub».

¹⁹ «İskender-i zaman ve Suleyman-ı devran gibi heybet ve salâbet birle gelüb».

²⁰ Устюф – длинный сарык, чалма.

²¹ «cebe ve cevşene ğarq olub, güneşe qarşu berk ururlar idi».

²² «her biri tir-endaz yigitler».

²³ «üç biñ qadar Tatar serverleri».

²⁴ «Han qolunuñ sol yanında Manğıt bahadırları iş görmüş erler».

²⁵ «Cümle alaylâr ve saflar bağlayub».

войска, и передвигались груженные лошади [колан]. Тогда разбили шатер для хазрет хана в центре всего войска. А хазрет хан расположился там, прибыв туда благополучно и счастливо. И, взяв в круг кирпичи, телеги с пушками и телеги с джебехане, огородили цепями. А за пределами того круга расположились янычары, а далее были разбиты шатры ички-беков. Словом, та долина переполнилась войском. А кефинский народ, увидев порядок расположений этого войска и вознося молитвы хазрет хану, молвил единогласно: «Еще со времен Чингисхана не ступала сюда нога всякого падишаха с такой пышностью, торжественностью и в таком порядке»²⁶.

После того в ожидании прибытия людей на корюнюш хазрет хан совершил полуденный намаз. И созвал корюнюш, сначала прибыл муфти-эфенди и вручил пешкеш [подарок], и поцеловал руку. Вслед за ним кефинский казы [кадий] преподнес свой пешкеш и встретился с ханом, а затем принимал решения у лошади муфтия. А за ним прибыл назир-ы эмвал [министр по делам имущества] и, поцеловав ханскую руку, преподнес свой пешкеш. А затем присел слева от хазрет хана. Тогда явились великие и знатные мужи Кефе и уселись в определенном числе. Хазрет хан справился о их здравии и благополучии, и, оказал им приятное расположение. В тот момент накрыли стол и приступили к трапезе. А после молитвы пришедший люд разошелся, пожелав здравия и мира. Тогда прибыли кефинские бедняки. И тогда всякому прибывшему были даны разные блага и оказаны милости, так что никто не остался обделенным всяких богоугодных милостей. И каждый, воздавая молитвы, пожелал хану удачи и счастливого пути. С наступлением вечера же народ разошелся. Хазрет хан совершил вечерний намаз, вслед за тем покушал и, снова совершив намаз, полностью предался молитвам в своем шатре. А газии же кто молился, а кто красиво читал Коран²⁷.

Прошла ночь, и совершили утренний намаз, зазвучала мелодия «Тур атлан борусы»²⁸, оповещавшая о готовности выходить в путь. И войско, пребывая на лошадях, выстроившись в ряды, ожидало прибытия хазрет хана. Хан же, совершив утренний намаз, облачился в красное одеяние. И, выйдя из шатра, перед ним выставили лошадь. Тогда хан сел на лошадь, и ехали они в тот день согласно древним Чингизовым обычаям²⁹. А достигнув места привала, решили остановиться в прекрасной степи³⁰. В тот день прибыл человек от кефинского бека и доставил письмо. И повелел хазрет-хан, дабы прибы-

²⁶ «ta Çengiz Handan berü bu vechle ayin ve ziyet, ve tertib sahibi padişah gelmiş degildir».

²⁷ «kimi ta'atde ve kimi telâvetde olub».

²⁸ «Тур атлан борусы» (смысл – мелодия трубы «Подымайся, пора отправляться в путь») – сигнальная мелодия к отправлению в путь посредством трубы.

²⁹ «qanun-ı qadim-i Çengiz üzre yürüyüb».

³⁰ «bir lâtif sahrada qondılar».

ли кятибы [секретари, писари] и прочитали его. И было сказано: «К порогу мироздания и прибежищу мира земли³¹ просьба слуги состоит в том, дабы приготовили корабли». Так и было велено. Согласно высокому ферману приготовили три сотни кораблей и пять кайыков [лодок], и не отправили ни единого человека на Таманский остров, и приняли прибывших с той стороны по получению вестей. И ответ их был таков: «По извещению о выходе в путь Черкесского падишаха частями направились в обрывистые места. А всадников и пеших, и воинов, вместе собралось тех неверных около десяти тысяч, и на путях они выкопали рвы и выставили колья, а сами же заняли проходы на пути. Окончательный же ферман за хазрет ханом». С такими словами письмо было довершено. Хазрет хан, ведав о содержании письма, с улыбкой на лице молвил: «Отведает он моего удара. Коль под рукой у него сто тысяч войска будет, то при виде моей тени не будет он ведать, что чинить³². Тогда у него в груди дыхания не хватит, словно гора свалится на него³³. Не только не сможет он взойти на вершину горы, ему даже не позволю провалиться в глубь земли».

На сей молве той ночью остались там, а рано утром тронулись в путь. В общем, на четвертый день добрались до Керчи. И прибыл навстречу кефинский-бек поцеловав руку хана. И отправились в беседе, добравшись до начала переправы. Ибо достигли ночлега. Бек, откланявшись и пожелав благополучия, уехал обратно. Хазрет хан остановился на ночлег. Было время к полудню. Немедленно повелев, в тот день переправилось войско рода Ширин. И войско карачи, и беки Оглангиюн, и мангытские предводители. Рано утром ровно ко времени меж полуднем и заходом солнца переправился ханский рукав, затем хазрет хан сел в кайык [лодку] и переправился. Той ночью остановились на берегу моря, а газии, словно волки наострившие зубы на овец³⁴, вступили в отчаянный бой с черкесами на смерть.

Ибо наступило утро, солнце подняло голову из-под башни горы Каф и осыпало мир своими яркими лучами, все засияло вокруг³⁵. Тогда газии сели на лошадей и отправились дальше. И, добравшись до Ыылан Хисары [Змеиной крепости], там же остановились. Однако же, та крепость, что зовется Ыылан Хисары, в свое время была такой великой крепостью на вершине выси, что из-за боязни змей народ той крепости рассеялся, а змеи прижились в том месте и сделали его своим кублом. Так, бесчисленное число змей лежит там, киша постоянно. И никто не пойдет туда из-за внушительных больших змей, похожих на драконов. Той ночью войско переночевало вблизи, а рано

³¹ «dergâh-ı felekfersa ve bargâh-ı gerdunasa turabına».

³² «benim qaraltum gördükde nidecegin bilmez».

³³ «dem nefesi sinesinde bağlanur-tağlanur».

³⁴ «qurd qoyuna diş biler gibi»

³⁵ «Güneş Qaf qullesinden baş götürdi. Nuru ile alemi münevver qıldı».

утром отправились с величием. И по прибытии ближе к Темрюкской крепости стали стрелять пушками с крепости и ликовать. Хазрет хан повелел, дабы стреляли стрелки из тысячи ружей и тридцати пушек шахи [название пушки]. И было такое землетрясение, что даже гора Эльбрус громко отдавала эхом и содрогнулась земля³⁶. И народ виляета Жане в испуге от звуков пушек и ружей, не найдя места для спасения, не ведал что делать.

Тем временем Кансавук услышал эти звуки на пути расстоянием в три дня. Обезумев и расстроившись в лике, лишившись духа, немедленно же собрал бывалых старцев и созвал совет. И в конце пришли к тому, что нужно отдать пять сотен пленников хазрет хану, а благословенному хункяру – тысячу пленников. Хан счастливо поехал обратно, а тот поехал навстречу. Тогда там и перемолвятся словом. И отправил посланником одного пожилого бека, который отбыл с двадцатью людьми. Они же ехали навстречу к хану. Однако в тот день перед Темрюкской крепостью выстреливали пушки и ружья. Затем, сильно не предаваясь увеселеньям, все войско из-под Темрюка переправилось через реку Кубань и совершило привал на горе Хытыбыт.

Ибо наступила ночь. Мир облачился в черное одеяние³⁷. Газии повсеместно разожгли костры и каждый занялся приготовлениями, газии и абида [набожные благочестивцы] предались молитве, хафизы³⁸ занялись чтением суры Фатиха [Фетх-и Шериф], а ариффы [ученые, знатоки] своими привычными делами. Ибо наступило утро. После совершения намаза газии оседлали лошадей и вышли в путь. В тот день по прибытии к подножию горы Эльбрус войско стояло, связав ряды, стая косуль [аху, караджа] показалась, числом около двух тысяч. Появлялись перед войском, воины [чери-халкы] окружили их и застрелили столько, что ни единой не удалось убежать. Войско вдоволь получило мясо дичи [шикяр]³⁹. В тот день же остановились на ночлег, трапезничали и распивали напитки. И воздавали хвалу Всевышнему Аллаху. И молвили: «Да будет на то воля Всевышнего Аллаха, да сопутствует нам удача!». Потом рано утром того дня от Кансавука прибыли те два десятка людей и сообщили о своем положении ханским агам. Хазрет хан же повелел принести скамью, а сам гордо и с гневом воссел на нее словно палач Кахраман⁴⁰. Затем повелел привести тех черкесов и спросил у них о вестях. Тогда сняв такие [тюбетейки] с голов и ударив челами, прося о свободе, известили со словами: «Нет сил у нас противостоять вам, даем тысячу пленников хункяру и пять сотен падишаху». Тогда хазрет хан молвил в ответ: «Неужели тот

³⁶ «Bir zelzele oldu ki, Kuh-ı Elbruz güm-güm gümlledi ve zemin-i zaman inledi».

³⁷ «Çünkü gece oldu. Alem siyah libası бүрindi».

³⁸ Хафиз (*араб.* «учащий наизусть, хранящий») – хранитель Корана, запоминающий его наизусть.

³⁹ «asker şikâr etine ğani olub».

⁴⁰ «üzerine Qahraman qatıl gibi kibr u kin ile otrub».

подлец и злонравный нечестивец не мог прежде быть в согласии с нами, зная свои силы и численность, из года в год отправляя положенных нам и хункяру пленников и не совершая к нам злодеяний? Нынче почему же он ранее не думал, присылая мне пять-десять пленников. Он сам попал в мои лапы. Разве что-то мешало ему думать о плохих последствиях для себя в то время, как он схватил человека кефинского бека и угнал скотину [тавар] и овец у жителей острова, и не испытывал страха к хану и хункяру?». И при этих словах повелел капуджиям, дабы раздели этих негодяев и отхлестали каждого тремя тысячами ударов [плетью]. И поставили их в ряд, и каждого из них били по два удара плетью. Черкесы же громко начали стонать: «У-у-у! Вай!». А слышавшие их голоса издалека черкесы думали, что те кричали «Вай, вай!». После избития оных по отдельности тремя тысячами ударов плетью, девятнадцатерых заковали в кандалы и обвязали цепями. А у двоих отрезали носы и уши, и отправили со словами: «Ступай, извести о нашем прибытии!».

Тогда хазрет хан сел на лошадь и по той реке отправился в путь вместе с войском. Оные [черкесы] же отправились, а сии черкесы с отрезанными носами и ушами непременно вошли в войско Кансавука. Люд же увидел оных, их сердцами овладел страх, и встрепенулись, беспокоясь за свои головы и души, стали расспрашивать тех. А те же молвили: «Хан есть змей, никому не под силу одолеть его. А войско его не удержит ни земля, ни небо⁴¹. Когда мы прибыли к нему, он, не позволив и очей сомкнуть, повелел всех нас раздеть. И приказав избить нас тремя тысячами ударов плетью и заковать в кандалы девятнадцатерых из нас, отрезал нам носы и уши, а затем отправил обратно». При сей молве люд раздался стенаниями и сказали тогда: «Смотри, какая напасть нашла на нас из-за твоей неудачи и неправильных поступков». И каждый, взяв с собой жен и сыновей, разошлись по сторонам. Лишь только с ним [Кансавуком] осталось стоять две тысячи людей. А шпионы⁴² сообщили весть: «Хазрет хан с величием и твердым решением завтра утром прибудет сюда». И словно гром разразился над их головами⁴³. Остались они в таком положении.

Ибо хазрет хан взобрался на гору. И молвили хазрет хану:

– Благословенный наш падишах! Завтра утром вы доберетесь до места, где черкесы выкопали ров и наставили кольев».

И повелел хазрет хан остановиться в одном месте.

Той ночью тихо расположились там, однако же прибыли несколько отважных черкесов и учинили осаду войска с одной стороны. Татарское племя взяло их в середину, одних уничтожили, а других пленили. А тех пленных

⁴¹ «Ve askerin yer ve gök götürmez».

⁴² «casuslar»

⁴³ «Güya anların başına kıyamet qopdı».

черкесов привели к хазрет хану. Тогда падишах повелел привести толмача, дабы расспросить оных. А те же молвили:

– Прибыли те люди, которым вы отрезали носы и уши. И по извещении нас о вашем величии и вашей мощи, множестве вашего войска, мы приготовили всех бойцов, всех их было пятнадцать тысяч. О наш падишах! Все они, вразумев урок от тех двух, рассеялись по сторонам. Ныне же при Кансавуке не осталось и двух тысяч молодцев. Оставшиеся же с усердием пребывают на поле».

Тогда славный хан тех пленников обильно и милостиво вверил поймавшим их людям.

И прошла та ночь, ибо наступило раннее утро. Войско единодушно и в ряд выехало на лошадях. Однако хазрет хан запретил ехать впереди и сзади по одному человеку! И велено было никому из войска не отделяться! Ибо наступило время дополуденного намаза [зуха вакты]! Они поехали и достигли места. И при виде пленных во рву татары, заняв тыльные позиции черкесов внутри горы, приблизились и учинили такой бой, что целый мир сотрясся⁴⁴. Беки Жане не были уничтожены подобным образом. В общем, от крови черкесов ручьи текли потоками. Не прошло и часу, разбили их полностью. Кансавук едва ли спасся благодаря двулличному человеку. Остальных же кого уничтожили, а кого взяли в плен. Затем хазрет хан дал позволение татарам часть за частью проходить сквозь лес. И предстало перед стрелками из ружей вместе с хазрет ханом одно место для остановки. И за пятнадцать дней войско прочесало черкесские горы, будто бы пропустив через сито⁴⁵. Тогда развернувшись и собравшись воедино, совершили привал. Хазрет хан в течение трех дней взял савга [откуп] с пятидесяти тысяч пленников. А более сотни мурз были закованы в кандалы. По истечении трех дней вернулись благополучно и снова тронулись в путь. Войско было вдоволь сыто, а без пленников никто и не остался. А душа людей была навеселе и довольной.

Останавливаясь и дальше трогаясь в путь⁴⁶, трапезничая и распивая напитки⁴⁷, прибыли в Темрюк и дали в садака [как милость, подаяние] годных пленных агалар. Оттуда поехав далее, прибыли к началу переправы [гечид агзы]. И люд ринулся на корабли, начали переправляться. Тогда переправилось все войско. И под конец хазрет хан прибыл к кайыку [лодке], дав по двое пленных кефинскому беку и капудану⁴⁸. Затем прибыв к началу переправы, кефинский бек стоял в готовности, склонившись и с благами [нимет]. Ибо переправился хазрет хан. И предстал перед ним кефинский бек, поцеловав руку и поднеся блага. Хазрет хан в ответ на то дал двадцать пленных и

⁴⁴ «Çerkesin ardın alub, bir qıran etdiler kim, dünyâ dünyâ olalı».

⁴⁵ «Ve onbeş gün asker Çerkes tağların elekden eler gibi etdiler».

⁴⁶ «Qona ve göçe».

⁴⁷ «ve yiye ve içe».

⁴⁸ Капудан – титул командующего кораблем или флотом, капитан.

двух мурз. А по тридцать пленных дали вдобавок за выкуп [джилуов]. Тогда оттуда отбыв, прибыл в Кефе.

Люд Кефинского виялета молвил воодушевленно: «Да будет благословенной твоя газа, о наш падишах!». И были милостиво одарены муфтий и кадий пятью-десятью пленными. А назирю и умере [эмирам] дал по одному, по двое, а беднякам в садака [милостыней] были даны акче и золото. В общем, никто из пришедших не ушел чем-либо обделенным. Тогда хазрет хан, приготовившись к отбытию, вышел в путь. Однако прибыли муждеджилер [вестники] к султанам в Ор-Агзы и султанам в Бахчисарае, и ко всему дворцовому люду. И известили о прибытии хазрет хана в здравии и в благополучии, в сытости. И тогда щедро одарили милостями вестников. И надели на них кафтаны [хилятлар]. И возрадовался люд прибытию войска в сытости⁴⁹. А те, кто не смог прибыть туда, опечалились и чувствовали горечь⁵⁰.

В общем, хазрет хан счастливо и благополучно прибыл в свой дворец, увенчанный славой. И прижав к своей груди маленьких султанчиков, расцеловал лики [глаза] своих дочерей [ханий]. И прибыли приближенные люди [махрем-хаслары], затем Эмин Герай-султан и Адиль Герай-султан прибыли из Ора, и поцеловав руку отца-хана, ударили челами. Хазрет хан же, каждому дав пленников и ценные халаты⁵¹, расцеловал в глаза. И были пиршества и веселья. С тех пор прошло время. И прибыли люди тех пленных черкесских мурз и за каждого пленного привели джылым [выкуп, обмен], наименьше – по двадцать пленных. Набольше привели по сорок-пятьдесят пленников, забрав с собой заложников.

Хазрет хан приготовил прекрасных юношей с лицом, словно роза⁵², и луноликих девушек⁵³ для благословенного хункяра [султана] и визирей. И, отправив посланника, пояснил сложившиеся происшествия. И, оповестив купцов со всех сторон и написав соседним падишахам, известили о пленении черкесских женщин и сыновей.

На сей раз беки окрестных земель узнали о сем положении, и прибыли послы с подарками. И слава разошлась по сторонам при упоминании благословенного имени хазрет хана⁵⁴. Ведь черкесское племя зналось своим богатством. И ни одному падишаху не удавалось так взобраться на черкесские горы, и не было подобного усердного падишаха из рода Чингизового⁵⁵. И

⁴⁹ «Halq-ı alem askerin toyım geldüğine şad olub».

⁵⁰ «varmayanlar ğam ve qasavet çekdiler».

⁵¹ «fahir hil'âtlar».

⁵² «gül yüzlü mahbub oğlanlar».

⁵³ «mahpare qızlar».

⁵⁴ «Han hazretlerinin nam-ı şerifi ile iştihar buldı».

⁵⁵ «Ve hiç bir padişah Çerkes tağlarına böyle girdügi yoğidi ve nesl-i Çengizden böyle iqdamlu padişah geldügi yoqdur deyüb».

враги его спаслись бегством, и приняли дружественный облик. А выступивших супротив него проучил он по делам. И так по прошествии времени, в благословенном часу⁵⁶ мать Гази Герай-султана родила маленького султана. Хазрет хан назвал его Селямет Герай. И в благодарность освободил он пленников, проявив милость и щедро совершая благодеяния. И тогда провели пиршество, беков одарили кафтанами [хиль'атлар], а придворный люд одарили милостями. При таком счастливом правлении великий и славный хан пребывал в благополучии и радости, а люд обрел спокойствие, вознося молитвы во благо падишаха⁵⁷.

ПРИХОД ПОЛЮСА ВРЕМЕНИ, КЕФЕВИ АЛЬ-ШЕЙХ ЭБУБЕКИРА ЭФЕНДИ – ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННЫМ ЕГО ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ УМ

Тогда полюс времени⁵⁸, Кефеви Шейх Эбубекир Эфенди, постигал множество шейхских дел⁵⁹; он был человеком, обращавшим свой лик на безграничное число больших порогов [астане, текие], который провел сорокадневный срок [эрбаин] в земле арабов, в горах Священного Иерусалима [Куддус-и Шериф], и особенно в созвездии святых эвлиа – в Багдаде⁶⁰. Он достиг своих намерений, проведя время в молитвах в Лучезарной Медине [Медине-и мюневвере] и Величественной Кабе [Кябе-и муаззамда]. И был дан свыше знак благословенному светочу [азиз], дабы он прибыл в Кефе и наставлял народ на истинный путь⁶¹. По воле Всевышнего он прибыл туда. И многие последовали за ним, в это время сей светоч отправился к дому Аллаха, к Каабе [Кябет-уль-Аллах]. И, возвращаясь, повелели некоторым людям, поступающим согласно положению: «Хазрет хану было велено дважды совершить поход, и даже нас назначили. Прежде на кабардинских черкесов, а потом на Астрахань [Аждархан] пойдя, с легкостью удостоились побед; на третий поход нет повеления. И что будет далее – знает лишь только Аллах». На сей раз сие слово разошлось среди людей⁶². Однако не ведал о сем слове хазрет хан. Однажды пришла весть о том, что прибыл к падишаху [хану] бек по имени Эльбозады из кабардинских беков. И, отправив человека, хазрет хан позволил ему остаться на ночь. Рано утром дан был корюнюш, где тот ударил челом. И велено ему было сесть. И в дар привел он двадцать пленных. Хазрет хан справился о его здравии и благополучии. На что тот молвил:

⁵⁶ «bir mübarek sa'atde».

⁵⁷ «bu sürur ile han-ı alıſan huzur ve safada, hakq asude olub, padiſah du'ada idiler».

⁵⁸ «qutb-ı zaman».

⁵⁹ «nice meſayih hizmetine eriſmiſ».

⁶⁰ «burc-ı evliyâ Baĝdatta».

⁶¹ «Kefe diyârına varub, halqı irſad ede».

⁶² «Bu kez bu söz halq içinde meſhur oldu».

– О мой падишах! Сын моего дяди прибыл ко мне с силой, и мы долго с ним провозились; и, обманув и предав меня, стал он мне чужим. Прошу, дабы я став вашим проводником [кулагуз], помог пленить их. А тот бек из племени Жане, что зовется Кансавук, направился в Капартай с парой сотней людей и известил беков о положении дел. Они же заключили союз с намерением взять Азак и тем самым лишить сил крымского войска. О мой падишах, люди крепости Азак не ведают того. И прибыли немощные люди из Азака, уповая на Аллаха и с просьбой о помощи от падишаха. И нужно твердо решить отправляться, не откладывая дело на месяц. И просят они о помощи.

В то время хазрет хану донесли толкования слов Шейха Эбубекира Эфенди. Хазрет хан, занявшись подготовкой к походу⁶³, известил всех беков о положении дел. Тогда было оглашено, дабы все благополучно выходили в путь на лошадях с трехмесячной провизией⁶⁴. И было тогда ведомо о выходе хазрет хана. И всяк был на тех приготовлениях.

Стих:

Знаешь ты, что никому не останется сей мир,

На сей земле человек не останется навечно.

Много тысяч шахов было в мире,

И никто не остался ныне.

Где те султаны сего мира?

Те души всей земли,

Где же те, кто называл себя Сулейманом, что с ними, где они?

Или же остались еще богатыри подобные Искандеру?⁶⁵

Где те, кто нарекал себя Самом⁶⁶, Нариманом⁶⁷,

Что беспокоились о грядущих летах?

Коль среди них есть Кахрман, Рустем⁶⁸ и Заль⁶⁹,

Все же им суждено покинуть сей мир.

Расскажи нам о том падишахе,

Что сделал он врагу, тень Бога на земле⁷⁰.

Пусть будет поминаем с течением времени до Дня Собранья,

⁶³ «yarağ görüb».

⁶⁴ «andan üç aylıq zahire ile safası olan cümle atlansun deyü nida oqundı».

⁶⁵ «Yahud İskenderin varmı nişanı?».

⁶⁶ Сам – герой древнеперсидской мифологии, одна из ключевых фигур в эпосе иранского поэта Фирдоуси «Шахнаме».

⁶⁷ Нариман – богатырь, герой.

⁶⁸ Рустем – легендарный герой персидского народного эпоса, одна из центральных фигур эпоса «Шахнаме».

⁶⁹ Заль – персонаж эпоса «Шахнаме», отец Рустема.

⁷⁰ «Zill-ı İlâhî».

Пусть его имя будет вписано в книгу, дабы читали о нем⁷¹.

Пусть воздаст свои молитвы за него читатель и слушатель,

Пусть с его именем будет поминаемым и время⁷².

Проза:

Ибо хазрет хан, вознамерившись совершить газу, повелел подготовить сорок пушек и тысячу тюфенкчи [стрелков из ружья]. И согласно тому подготовили джебехане [военное снаряжение] и пять телег с цепью, и необходимое количество захире [провизии], и сефер ярагы [походное вооружение]. И однажды в благословенном часу, попрощавшись с придворным людом, согласно древним обычаям, сел он на лошадь, повелел расправить санджак и выставить бунчук⁷³. И под звуки зурны и труб [нефр] вышли в путь⁷⁴.

И добрались до реки Алма, совершив там привал на день. И, позаботившись о всех надобностях, направились с капу-халком к Ор Агзы.

И непременно весть пришла бекам внутри виляета о том, что вышел в путь хазрет хан. В то время, приняв меры, готовые воины немедленно и отовсюду держали путь к Ор Агзы. А причина того срочного отправления крылась в том, что не проводили они время жатвы [орак]⁷⁵.

Хазрет хан же с благополучием однажды добрался до Орской крепости. И навстречу к нему вышел народ Ора, вознося молитвы, выстреливая из крепостных пушек и ружей, чинили торжества. Хазрет хан той ночью принял решение немедленно двигаться дальше.

И добравшись аж до берегов Днепра, тогда прибыла и оставшая часть войска. И из четырех частей только одну часть составляли всадники.

На сей раз припомнился хазрет хану Полус Времени «аль-Шейх Эбубекир Эфенди». И стали его искать среди войска. А найдя, молвили о приглашении к нему от хазрет хана. И, оказав полную любезность и общее великодушие, просили явиться перед ханом. Светоч⁷⁶ же, прибыв с несколькими почитаемыми дервишами на аудиенцию к хану, и вознеся молитвы и преклонившись перед хазрет ханом, приблизившись на несколько шагов, поприветствовал хана. И все они, стоя в близости от хана выразили свое почтение. Хазрет хан указал места для дервишей, куда они и сели учтиво. Тогда принесли всякие блага и занялись они трапезой и питьем напитков⁷⁷. И подали сахарные шербеты⁷⁸, стали их распивать. После того вознесли молитвы до небес и слушали

⁷¹ «Yazub, anı kitab etsün oqıyan».

⁷² «Añılsun anuñ ile hem zamanı».

⁷³ «Sancaq ve tuğın çeküb».

⁷⁴ «ve surna ve nefrin çalub göçdi».

⁷⁵ «oraq zamanın geçürmiyeler».

⁷⁶ «aziz».

⁷⁷ «Andan ni'met gelüb, yediler-içdiler».

⁷⁸ Шербет – восточный фруктовый прохладительный напиток.

их. Тогда уединившись в шатре, хазрет хан начал тайную речь и повелел:
– Эй, светоч! Что стало причиной отправления с нами в поход Вашей по-
чтенности; нам бы и хватило Ваших молитв.

Шейх-эфенди тогда начал речь:

– Мой падишах! Вы красиво сказали, но все же мы отправились не по сво-
ей воле. От распорядителя миров и Полюса человечества⁷⁹, Любимца Господа
Миров⁸⁰ сему бедняку был указан Истинный Путь праведника [хиялет], и сей
Путь направил в Кефинский вилайет. Несколько лет мы достигали желаний ис-
полнения наставлений в высоком звании мюршида⁸¹ и просвещении учеников.
В минувшем году дан был нам тайный знак свыше. И велено было Господом
отправиться к Священной Каабе. И по прибытии туда собрался в Священной
Каабе воедино весь праведный люд, что есть на земле. И тогда Полюс Време-
ни окинул взором сего бедняка⁸² и велел: «Ступай обратно в тот вилайет! Тебе
вверено надзирать за тем климатом⁸³. Однако хан Сахиб Герай должен совер-
шить два похода. Один – кабардинский, а другой – астраханский. Так будь же
ты проводником⁸⁴ войска в тех походах». Мы сюда прибыли не с мыслями о
легких делах. Падишах сего войска есть чабан, а сей бедняк и немощный про-
водник есть слуга ваших повелений⁸⁵. Нет в наших руках власти. Предприим-
чивость от раба, предопределение от Аллаха⁸⁶. Всякое дело – в руках Всевыш-
него Аллаха. Воистину, Аллах Всемогущий⁸⁷. Всевышний Аллах наблюдает за
всеми [назир] и Он есть падишах над всем миром.

Бейт:

Всюду будь готов следовать истине по пути Аллаха!

Умей взглянуть вглубь своего сердца!

Проза:

И по сему, искусно молвив много слов, речь того светоча коснулась серд-
ца хана. И по лику хазрет хана из его благословенных очей прокатились сле-
зы, словно жемчуга⁸⁸. На сей раз вопрошали у шейха-эфенди:

– Чем бы ни был занят человек, постигая светочей, ведающих тайны
[риджалъ-и гъайб], видя их своими очами наяву, непременно ли он прекло-
няется перед землей, на которую ступала их нога?

⁷⁹ «qutb-ı benı Adem».

⁸⁰ «habib-i Rabbi'l-aleminden».

⁸¹ Мюршид – наставник, учитель, шейх, глава тариката.

⁸² «qutb-ı zaman bu faqire nazar edüb».

⁸³ Климат – страна, земля. В тексте: «Ol iklimin gözcülüğü saña verilmiştir».

⁸⁴ «sen askerin didebanı ol».

⁸⁵ «Bu askeriñ padişahım çobanı ve bu faqir ve miskin didebanıyuz, emir kuluyuz».

⁸⁶ «Al abdü yudebbirü İlâhu yuqaddiru hu».

⁸⁷ «İnna'llâhe alâ külli şey'in qadirdir» – сура «Аль-Анкабут» / «Паук», 20 аят.

⁸⁸ «mübarek gözlerinden dür danesi gibi yaş yüziniñ üzerine revan oldı».

Светоч молвил в ответ хазрет хану:

– Вы правы. Они тайно являются перед обладателями разума, не показываясь наяву. Однако именно они есть напиток любви⁸⁹. Они, виднеясь наяву, вступают в беседу. Они не скрыты для глаз. Теперь же увиденное вами изнутри и сказанное вами, выглядит, словно увиденное наяву. Не печальтесь, они неотлучны от вас. Ведь Всемогущий Аллах, одарив Вас силами, сделал Вас падишахом среди людей. Вы же есть одним из праведников [велилер]. Всевышний Аллах наградил Вас возможностью править столькими людьми, которые подчинены Вашим повелениям. Теперь же непременно воздавайте хвалу за ниспосланные свыше блага! Постоянно поминайте [зикр] словесно Его Священное Имя! И да будет чистой Ваша вера на помощь Аллаха!

И при сих словах, говоря много наставлений, откланявшись, попрощался. Хазрет хан вслед за ним вышел из шатра и повелел отправить две сотни алтынов светочу. На что светоч не принял награду, а раздал ее беднякам. Тогда, выйдя из той остановки, однажды добрались до Азака. Азакский люд при виде войска хазрет хана, выстреливая из крепостных пушек, чинил торжества⁹⁰. Рано утром татарское войско связало плоты и переплыло реку Тон. Азакские аги и кадий, и знать [экабири], явившись со всякими благами, представ на аудиенции перед хазрет ханом, поцеловали руку и возносили молитвы. В тот день, приняв решение вблизи Азака, на рассвете⁹¹ отправились в путь.

Через три дня хазрет хан велел остановиться на берегу большой реки. Тогда Эльбозды-бек вошел в его хальвети [уединенное место для молитвы]. И спросил хан о положении дел в сем Кабардинском климате. Бек же, ударив челом, отвечал:

– Мой падишах! Что это за гора Эльбрус, сами ведаете. Ее вершина достигает небесного свода⁹². К северу от той горы расположена гора, похожая на извилистый минарет⁹³. Снег с той горы не сходит с начала сотворения мира⁹⁴. Племя аджем называет его гора Эльбрус-ы Кучек. Меж гор Эльбрус и Сиври Кабардинский край и кабаки [хаты], а впереди русские. А всего пять гор. К степи ведет только одна дорога. Обрывистый путь. По нему пару человек не проведут и сотни тысяч аскеров, и не ступала туда нога чужеземца с отвесной скалы. И от начала того пути⁹⁵ в дороге одного дня засеян посев [экин]. И дважды в год прибывают со всем своим войском и ждут до сбора урожая. Однако по наступлении жатвы [орак] выходят все мужчины, женщины, сы-

⁸⁹ «Amma şunlar ki, aşiq meşrebdır».

⁹⁰ «hisardan toplar atub, şeñlikler etdiler».

⁹¹ «ale's-seher revana oldılar».

⁹² «Qullesi evc-i asmane ermişdür».

⁹³ «Ol tağın şimalinden yana bir yalınız müdevver minare gibi tağ vardır».

⁹⁴ «Dünyâ turalu ol tağın qarı gitmemişdür».

⁹⁵ «ol yol ağzından berü».

новья и дети, и слуги. Человек, что посоветует им не упустить случая, сам пойдет во время жатвы. Нынче же именно то время. В общем, до десятого дня никто не останется дома, а выйдет на работу.

– Сколько у Бужадука войска? – спросил.

И в ответ:

– Десять тысяч молодцев, должно быть, да такие, что войдут в разгорающееся пламя⁹⁶. Они – из богатырского рода.

Ибо хазрет хан получил вести от врага. И уповая на Аллаха, удалившись из того места, оправились далее. До засеянных полей [мезра] Кабарды остался путь в пять дней. Хазрет хан, пригласив своего сына Эмин Герай-султана и назначив его главным в нападении [чапул], повелел, дабы войско не шло рассеявшись. И да не причиняло никому жестокости, а ночью пребывало в бдении. И назначил его [сына] сераскером, приставив к нему отважных молодцев, что надеются на сметливость своих лошадей. А Эльбозды был назначен проводником [кулагуз]. В тот день с утра войско было в готовности, и единодушно со словами «Аллах, Аллах!» направились в путь на лошадях⁹⁷.

В тот день по выпадку ночи, рано на рассвете добрались до жнецов⁹⁸ кабардинских. Лишь только женщины и сыновья, и войско полностью не вышло. Да и Бужадук еще не прибыл. Коль так, то явятся через три дня. И взяли тогда Кабарду. Хазрет хан, явившись вслед, сократил пятидневный привал до трех дней и прибыл к насытившемуся войску. Войско при виде хазрет хана со страху воодушевилось и укрепилось уверенностью. Прибыл хазрет хан и поверх засеянного поля повелел разбить шатер. И засел в нем. Ибо жнец был взят. И пришла весть тогда к Бужадуку о том, что войско татарское прибыло и сокрушило жнецов и людей, что были наготове. А сорок-пять десятков беков вернули обратно. И выйдя верхом на лошадях со всеми достойными воинами⁹⁹, на макушке высокой горы наблюдали за ханским войском. И видели, что войску тому не было числа¹⁰⁰. Совершив привал, ночуют здесь. И допустили мысль, что их, должно быть, шестьдесят тысяч. Тогда, поднявшись и проведя совет [кенъеш], решили отправить весть хазрет хану: «Среди тех пленников, что попали к вам, есть наши достойные и славные беки. Давайте мы возьмем их обратно, а взамен отправим прекрасных девушек и хороших юношей». И на сей молве решили ночью застать тех врасплох. Ибо татарское войско, раздевшись, спит в неведении. И для исполнения сего предприятия отправили человека. И прибыв к хазрет хану, рассказал он о таком положении дел. Тогда хазрет хан спросил:

⁹⁶ «ve şöyle kim, yanar ateşe girerler».

⁹⁷ «at saldılar».

⁹⁸ «Qapartayın oraqqısına yetişüb».

⁹⁹ «Cümle yarar asker ile atlanub».

¹⁰⁰ «Gördiler ki, ucu dönmez askerdir».

– Где же Кансавук?

И молвил тот:

– Мой падишах! Он прибыл к нам, с сотней – двумя сотнями людей, плача о своем состоянии; беки молвили: «Нынче не время, иди обратно»; так устранились и ушли.

Хазрет хан, надев на того человека кафтан, молвил ему в ответ:

– Что ж, стойте еще два дня, и тогда ступайте, готовьтесь.

Так и велел. Те отбыли.

Тогда хазрет хан, повелев привести Эльбозды, молвил:

– Что скажешь, можно ли верить их словам?

Тот и молвил в ответ:

– Мой падишах! Они весьма подлые люди. И не верь их словам, все их дела – это хитрость. Они придут сей ночью и нападут неожиданно на вас.

Тогда хазрет хан, исполнив полуденный [уйле] намаз, повелел одному своему человеку:

– Ступай-ка, немедленно передай мое приветствие Шейху-эфенди и спроси у него, оставаться ли на привал на сем месте или же отправляться далее, что скажут? И явись с ответом.

Тот же, отправившись к светочу, вскоре явился обратно. И молвил:

– Мой падишах, явившись, я видел его, он совершал намаз. И стоял в ожидании, он же оторвался от намаза. И передал я ему падишахский селям [приветствие], и преклонился перед ним, он принял Ваш селям, усевшись на месте. И молвил я: «Повелел хазрет хан спросить, остановиться ли здесь или же отправиться далее. Что скажете?» И вдруг, в тот же миг, встав с места, закинул свой молитвенный коврик [седжде] на плечо и снова уселся, не молвя ни слова. Я же поднялся и прибыл сюда.

На сей раз хазрет хан быстро велел, дабы звучала мелодия к отправлению «гочь борусы»¹⁰¹, и, отправившись в путь, остановились на берегу реки Бельх. По одну сторону от войска – вода, по другую – степь. Хазрет хан повелел разбить шатер на одном из высоких холмов. И издали видели войско черкесское.

Ибо наступил вечер. Хазрет хан повелел переместить шатер из того места и разместить на низком месте. А вокруг прочно растянули цепи. Тогда велено было, дабы татары убрали с глаз видимое и завели лошадей внутрь, привязав их. И все войско, не впадая в сон, стояло в готовности. А стрелки из ружей зажгли фитили. В то время, как они пребывали тут, вооружившись и в снаряжении, опоясавшись садагом [футляр, торба для стрел] и мечом, с именем Аллаха на языке, стоя в ожидании, то на другой стороне десять тысяч черкесов надвигались фронтом, с пиками в руках¹⁰². И, приблизившись к

¹⁰¹ «Гочь борусы» (смысл – *звуки трубы к началу передвижения*) – сигнальная мелодия, оповещавшая о выходе в путь.

¹⁰² «ellerinde süngülerin alub».

татарскому войску, что, как полагалось, вот-вот заснет¹⁰³, стали советовать-ся. Прежде нужно напасть на хана, а когда будет схвачен хан, тогда татары рассеются вдребезги по сторонам. Ибо, коль спадет голова, ноги не устоят на месте¹⁰⁴. И молвили, что сотрут татар, словно овец¹⁰⁵. И несколько неверных, двинувшись вперед, молвили: «Хан не будет спать в неведении, ведь снаружи вокруг ханского шатра вооруженные до зубов около двух сотен ханских слуг стоят в ожидании, а ич-огланы поочередно до утра толпятся у шатра. А три сотни слуг, стрелков из ружей, зажгли фитили и стоят в готовности, не сомкнув глаз до самого утра. И снаружи всего того окружили пространство янычары и татские стрелки из ружей, а далее снаружи ички-беки выставили вокруг свои шатры. Так что ныне, ежели прямо пойдете на хана, никто из вас не спасет свою душу, и все будете истреблены. Однако татары спят в неведении, пойдете же на них, ударим молниеносно¹⁰⁶. И в панике заберем их лошадей, а самих сокрушим, достигнем своих намерений». И при сей молве, принято было решение на совете. На сей раз, приблизившись к татарскому войску, что вот-вот шло ко сну¹⁰⁷, и единодушно нанеся молниеносный удар, десять тысяч черкесов, размахивая пиками и надвигаясь на лошадях, напали с одной стороны от татар, будто бы голодный волк, вошедший в стадо овец¹⁰⁸. Однако, бросившись на суматоху, прибывшие в авангарде напоролись на штыки и зависли в выси. И повредив ноги лошадей, татары забросали стрелами в темноте вошедших в суматоху и перебили черкесов. Оставшиеся в живых в конце сбежали и спасли свои души. Тогда повелел хазрет хан, дабы зазвучали зурна и трубы бору. И зажгли повсеместно костры. Голоса муминов [правоверных] с восклицаниями «Аллах, Аллах!» достигли высей Капеллы [звезд]¹⁰⁹. А эхо от пушек раздавалось настолько, что сотрясало гору Эльбрус¹¹⁰. И вплоть до утра аскеры не спали и совершали веселья. По мудрому провидению Аллаха, даже капля крови не пролилась с носа какого-либо татарина¹¹¹. И по пронзительности и удаче светоча, по благословению падишаха мусульмане пребывали в радости и веселье. И прошла та ночь, наступило утро. Хазрет хан велел разбить шатер на том высоком холме. На сей раз повелел, и привели всех пойманных ночью черкесов, которых знал чело-

¹⁰³ «ilk uyhuda tatar askerine yaqın gelüb».

¹⁰⁴ «Zira baş gidiçek ayâq paydar olmaz».

¹⁰⁵ «tatari qoyun gibi qırarız».

¹⁰⁶ «ğijğırık uralım».

¹⁰⁷ «ilk uyhuda asker-i tatara yaqın gelüb».

¹⁰⁸ «aç qurd qoyna girür gibi toqundılar».

¹⁰⁹ «"Allah, Allah!" avazı 'ayyuka erüb».

¹¹⁰ «toplارın hod sadası Kuh-ı Elbruzı gümletdi».

¹¹¹ «bir tatarın burnı qanamadı».

век, прибывший в качестве посла. Хазрет хан дал повеление четвертовать¹¹² их. А из достойных беков сорок – пять десятков привести на место казни [сидят мейданы], одних лишить голов, других посадить на кол, а третьих – повесить, одних повесить за руки, а других – за ноги. В общем, каждого велел казнить разными способами. А поймавшим тех пленников людям оказали милости. Рано утром с благословением вышли в путь и направились в Крым.

Трапезничая и распивая напитки, остановка за остановкой¹¹³ ехали в пути. Однажды один бедняк пришел к хазрет хану с жалобой:

– Благословенный падишах, у меня был пленник. Нокер твоего сына, Эмина Герай-султана, силой забрал его у меня. Он учинил жестокость ко мне. Ферман за тобой, Великодушный Падишах!¹¹⁴

При сих словах хазрет хан разгневался от услышанного. И немедленно отправил весть сыну-султану: «Среди моего войска твой нокер чинит такую жестокость. Теперь же, ты либо найдешь того человека, либо за него передо мной придется отвечать тебе».

И при сих словах прямо отправил человека к султану.

В тот день к султану прибывали человек за человеком¹¹⁵, молвя:

– Хан, твой отец идет бороться с тобой. Немедленно готовься! Пусть найдется тот человек [нокер], или же дела будут плохи.

В тот момент спохватился султан за свою голову и душу и тогда же велел людям рассеяться на четыре стороны, дабы в отведенный срок нашли того человека.

И, связав тому руки за спину, привели ко взору хана, молвя:

– Наш падишах! Не ведал султан о сем деле.

Хазрет хан повелел. Приведя того пленника, вверил его тому бедняку. Тогда, приказав раздеть того человека, связав руки за голову и повесив на шею цепь, заперли в пушечной телеге. И, заставив идти пешком, повелели четверем людям поочередно бить по два удара плетью до доставления его к месту ночлега и непременно не дать тому покоя, лишив всех сил и здоровья.

Ибо пришли к конаку¹¹⁶. Побив немного по лицу и по ушам, нацепили на нос кыл и при каждой остановке [конак], усадив на одну лошадь, вверив в руки трех слуг, что не знали языков¹¹⁷, побивая плетью с ездой на лошади, провели среди войска. А перед тем деллял [глашатай] взывал ко всем¹¹⁸:

– Да сделает Аллах жизнь падишаха долгой. Он промеж войска забрал

¹¹² «dört pare edüb».

¹¹³ «menzil-be-menzil».

¹¹⁴ «Ferman Mürüvvetli Padişahımıñdur».

¹¹⁵ «adam, adam üzerine varub».

¹¹⁶ Конак – место остановки.

¹¹⁷ «üç nefer dil bilmez quluñ eline verüb».

¹¹⁸ «Ve önünce dellâl nida ederdi ki».

пленника из рук человека. И тем самым показал, что ожидает чинящего жестокость!

В общем, в тот день провели посреди войска. Потом, забрав все принадлежности, оставили обнаженным без ничего. На сей раз войско увидело его настолько лишенным собственной души, словно бы он нуждался в зернах [пшенице]. Случившееся показало, что падишах настолько захватывает и властвует, что войско всюду держится за лик от боли. Истинный аскер не боится своих падишахов. То войско в конце одолеет враг.

А теперь вернемся к нашему рассказу¹¹⁹. Хазрет хан, выйдя за границы Кабарды, повелел сделать привал на берегу одной реки. На том привале, взяв савга с десяти тысячи пленников, предоставил по одному – по два пленника находившимся поблизости людям, что не пошли на чапул. И никого он не обделил, ежели не пушкари и ежели не стрелки из ружей. У хазрет хана было три-четыре сотни пленников. И каждый из них стоил сорока-пятидесяти иных пленников. Тогда был написан ярлык с вестями о приключившихся событиях и дан вестнику [муждеджи], который отправился в Ор. Хазрет хан же, переправившись через Азак, держал путь в сторону Ор Агзы.

С сей же стороны вестник [муштуджу], добравшись до Ора, предстал в услужение Адилу Герай-султану и, склонив голову, ударил челом. Вручил ярлык. Взяв его [ярлык] и ознакомившись с содержанием, ведая о победоносном прибытии и приближении хазрет хана, надел кафтан на вестника и подарил ему лошадь. Тогда отправил в Бахчисарай. И велел султан, дабы отбивали в большие барабаны «нёбет кусларь», а с крепости выстреливали пушки и ружья, и были салюты [тонанмалар]. Три дня и три ночи длились трапезы и питья.

Однако на сей стороне вестник добрался до Бахчисарая. Гази Герай-султан, и Хаджи Герай-султан, и Селямет-султан надели на него кафтаны. И дали ему как благо хороших лошадей. И взял бесчисленное число вещей из ханского гарема [харем-и хаслар]. Тогда во всяком городе хазрет хана выстреливали салюты и чинили веселья. Так они и пребывали во всеобщей радости¹²⁰.

Хан же вслед за войском, будто бы чабан, погоняющий стадо овец, медленными шагами добрался до Ора¹²¹. Войско в здравии и в благополучии рассеялось по своим домам. По счастливом прибытии хазрет хана в Бахчисарай, весь люд вышел созерцать его благословенный лик и собрался на приеме¹²².

¹¹⁹ «İmdi biz yine sözümüze gelelim».

¹²⁰ «Andan Han hazretlerinin her şehrinde tonanmalar olub, şenlikler etdiler. Bunlar bu şadlıqda».

¹²¹ «Han dahi leşkerin ardınca çoban qoyunun sürer gibi, aheste-aheste gelüb, Ora yetdiler».

¹²² «Han hazretleri devletle Bağçesaraya gelüb, halq-ı alem mübarek cemalin görüb, görünüş etdiler».

Хазрет хан же оказал всевозможные блага и милости улеме, набожникам и благочестивцам, беднякам, и всякому люду проявил почтение согласно положению¹²³. Тогда вознесли молитвы.

И ведали тогда соседние падишахи о деяниях хана. Слышали, что Сахиб Герай-хан нанес сокрушительный удар¹²⁴ кабардинским бекам. Даже враги при этом присылали отовсюду подарки и награды [пешкешлер ве армаганлар]. А со стороны хазрет-и худавендигяра [султана], падишаха, прибежища миров, были отправлены золотая булава и позолоченный меч, и седло, инкрустированное драгоценными камнями, и лошадь, приносящая счастье. А сыновьям, султанам, отправил подобных же арабских скакунов и похвальные грамоты [ситайишнамелер]. А хазрет хан отправил Благословенному Хункяру статных юношей¹²⁵ и исключительной красоты девиц¹²⁶ с ликами розы, нарцисса и кариими глазами.

ПОХОД ХАЗРЕТ ХАНА В АСТРАХАНЬ И ПРИСОЕДИНЕНИЕ КУПЕЧЕСКОГО ПЛЕМЕНИ¹²⁷

В общем, хазрет хан счастливо и благословенно, беспечно и в довольствии восседал на троне, а народ находился в спокойствии под крылом их благополучия. После того много времени прошло¹²⁸.

Однажды прибыло несколько людей, воздавая молитвы за благополучие хана. И молвили:

– Благословенный хан! Хвала Аллаху, что Вы есть исламский падишах. Мы прибыли к Вашему Государственному Порогу¹²⁹, склонив наши головы, с надеждой о восстановлении наших погранных прав и наказания учинивших нам жестокость.

На сей молве стали плакать и молить о помощи. И молвил тогда хазрет хан:

– Не плачьте, кто осмелился чинить жестокость к вам? Известите меня! Надежда есть, что ваше намерение будет исполненным.

После того сии люди молвили:

– Наш падишах! В то время, как хан Астрахани Ак-Кобюк пребывал на своем престоле, Ягмурчы-султан ночью напал на хана и казнил того в собственном же дворце. А сам же сел на его трон и стал ханом. Тем временем

¹²³ «Han hazretleri dahi ulema ve suleha, ve fuqaraya bipayân in'am ve ihsan edüb, her kişiyе hallü-haline riayet eyleyüb».

¹²⁴ «Qaapartay Beglerine urduğı tabancayı işüdüb».

¹²⁵ «mahbub oğlanlar».

¹²⁶ «ve mustesna gül yüzlü, nergis ve şehla gözlü mahbube gönderdi».

¹²⁷ «taife-i bazirgân».

¹²⁸ «bunıñ üzerine bir zaman mürür edüb».

¹²⁹ «Devlet eşigine yüz süre gelüb».

мы вышли из Казани с груженным караваном [агыр карбан]. И по прибытии в ваш виляет ведали о том, что он [новый хан] объявил Крым своим врагом.

И услышав о смерти хана Ак-Кобюка, хан [Сахиб Герай] тотчас же молвил:

– Разве достоин Ягмурчы быть ханом? Я отправлюсь туда и назначу одного из моих сыновей ханом Астрахани.

Так и изъяснил свои претензии. Продолжили тогда свою речь:

– Ныне, прежде его [хана] прибытия, я соберу войско [лешкер], отправлюсь туда, опустошу его край и виляет, мне предстоит сровнять его с землей. Ибо вы есть добыча¹³⁰, что пришла к моим ногам из Крыма.

Далее молвили:

– И схватив нас, забрав товара на сто тысяч флоринов¹³¹, оставил нас одних в той степи. А некоторые из нас просили того хана не грабить нас, ибо не подобало сие дело его правлению. Благословенный хан Сахиб Герай выслушает внимательно об этой жестокости и сильно накажет вас. И за слова «Не будь несведущим. Не чини жестокость и мучения купеческому племени» нескольким из нас заставил встать на колени и отсек головы. По просьбе беков прибыли мы к Вам. Всего нас десятеро. Явились к Вашему Государственному Порогу. Окончательный ферман за Вами.

И после этих слов снова стали рыдать. И сжалились хан с беками над ними. И молвил тогда хазрет хан:

– О, страдальцы!¹³² Слыхал я и ранее о сиих делах. Чинил он жестокость к людям, даже несколько раз отправляли к нему письмо с увещанием [тен-бих]. Не остерегся он. Отныне впредь нам крайне необходимо стереть с лица земли его жестокость, дабы показать ему его никчемность. Ведь наш грех устранен. Пусть греховная тяжесть, которую несут люди виляета, нависнет на его шею. С помощью Всевышнего Аллаха я верну то, что принадлежит вам по праву, от того деспота. Однако вы, зная о моем отправлении в путь, выходите в поход вместе со мной! Да будет больший достаток и сытность из-за вашего дела.

И молвя это, утешил тех. Тогда повелел, дабы деллялы [глашатаи] оповестили, дабы войско с трехмесячной провизией готовилось на месяц. И не оставив виляет никому, весь люд вышел в поход. И, выдав благословенный ярлык, было извещено из Ор Агзы, что тот, кто не прибудет к хазрет-хану, лишится своего имущества и своей головы. Тогда разошелся диван, и, напавившись во все стороны, огласили благословенное повеление падишаха: «Коль в этом походе не примут участие юноши пятнадцати лет и старцы [пиры] семидесяти лет, тогда они будут строжайше наказаны». Такими сло-

¹³⁰ «Qırımdan ayağıma gelen şikârimisiz».

¹³¹ Флорин – западноевропейская золотая монета.

¹³² «Behey adamlar!».

вами было сие увещание. Тогда диван рассеялся, а люди разошлись по сторонам. И по всеобщему оглашению всякий стал готовить оружие и снаряжение. Хазрет хан же занялся своими необходимыми делами.

Стих:

Знать число людей – есть лекарство,
Коль ты шах, коль богач, или бедняк.
Он, словно огонь, станет противиться,
Ведайте, что Иблис¹³³ ведет его по своему пути.
Он перечит высшему по степенству,
Его запретное имя, словно у шайтана.
Знания суждены очистить его.
Нижайшие поднялись вверх,
Высокомерные остались в низах.
Проявляй почтение к великим по степенству,
Коль твоя голова покрыта благополучием!

Проза:

ПОХОД ХАНА В АСТАХАНЬ

Ибо хазрет хан занялся походными приготовлениями. И однажды зазвучали мелодии труб, оповещавшие о выходе в путь [кур-ы рыхлеет]. Хазрет хан выступил счастливо и в благополучии прибыв в Алма-Сарай¹³⁴. И, остановившись там на три дня, занявшись всеми делами, повелел привести шесть десятков шахских пушек [топ-у шахы] и привести в готовность янычар вместе с тысячью стрелков из ружей [тюфенк-эндаз]. И со всем капу-халком оттуда вышли в путь, добравшись с благополучием в Ор Агзы. И три дня принимали решения, тогда добрался и авангард войска.

И в один благословенный день и в благословенном часу¹³⁵ на рассвете зазвучала мелодия труб «Тур атлан борусы». И войско встрепенулось, словно звездное море¹³⁶, около двухсот тысяч воинов село на лошадей. Хазрет хан благословенно оседлал лошадь. Выставили бунчук и расправили санджаки. И громко отбивали большие барабаны [табл] и маленькие барабаны [накка-релер]. И отправились в путь со словами «Где же ты, Астрахань?».

И, пребывая в пути несколько дней, как-то на рассвете хазрет хан, выйдя со своими приближенными слугами [хаслары] впереди войска, по-

¹³³ Иблис – дьявол, шайтан, имя джинна, который из-за своей гордыни был низвергнут с небес.

¹³⁴ Алма-Сарай – дворец на берегу реки Алма.

¹³⁵ «Bir mübarek günde ve eşref sa'atde».

¹³⁶ «deryâ-i ahderan gibi leşker çalqanub».

велел стоять на высоком месте. И, направив взор на войско¹³⁷, видели, что сын их [хана], отборный молодец [мерд-и гюзин] Эмин Герай-султан приближался с отборным войском, числом в пятьдесят тысяч, выставив бунчук. Вслед за ним – Бахадыр-бек, а за ним – Баба-бек и Ак Мамай, и их братья, и предводители войска, герой бранного поля¹³⁸ Мырза с богатырями-предводителями рода Ширин в числе более двадцати тысяч. Все они, прибыв туда, проехали величаво. А за ними – беки, и каждый лучше другого, с племенами и родами, и с витязями в числе пятнадцать тысяч, выставив бунчук, проехали мимо. А за ними – семьдесят-восемьдесят тысяч воинов, величаво и внушительно¹³⁹, и с султанской походкой и согласно чинам шли¹⁴⁰. Ханское крыло, связав полк, пребывало посередине, а исламский санджак рядом. Ички беки облачились в лазурные доспехи¹⁴¹, а затем янычары и тысячи стрелков из ружей, а за санджаком – шесть десятков пушек. И тянулись вереницы лошадей (?) с телегами. А по правый бок войска шли беки Оглангиюн вместе с князьями [асылзаде] и ханзаде [ханскими сыновьями], и усердные витязи, шли с около десятью тысячами воинственных предводителей [серефраз серверлери]. А по левую сторону – мангытские витязи и татарские богатыри¹⁴², шли облаченные в шубы (?) молодцы с семью-восемью тысячами лошадей. А вслед за ними шло столько войска в такой плотности, что не было и возможности посчитать коши и коланы [лошадей]¹⁴³. Окинув взглядом две стороны дороги, не виднелась ни ширина, ни длина войска. Так и шли они путем в один день. И молвил тогда хазрет хан:

– Что молвите о сем войске?

Стоявшие в готовности, склонив чела, молвили:

– О наш падишах! Никто доселе не видел такую силу-силенную, такого множества крымского войска в пути. А твои слуги преклонного возраста молвили о том, что никогда доселе наше войско не было в такой силе, как в правление нашего падишаха. Ибо, коль у войска будет усердный падишах, тогда и войско будет богатырским¹⁴⁴. Но коль рука войска будет самовольничать [башдак олса], тогда по сей причине настигнет его [войско] поражение, и будет оно обессиленным перед супротивником. И последует за тем утрата из-под рук владений и разруха земли [виляета]. О, наш падишах! Не вступал

¹³⁷ «Ve askere göz urub gördiler ki».

¹³⁸ «merd-i merdan Mırza».

¹³⁹ «azamet ve heybetle».

¹⁴⁰ «saltanat ve ünvanla».

¹⁴¹ «göm-gök demüre ğarq olub».

¹⁴² «Manğıt dilâverleri ve tatar bahadırları».

¹⁴³ «bu qadar askeriñ qoş ve qolanı arası kesilmeyüb».

¹⁴⁴ «Zira bir askerün padişahı iqdamlı olsa, çerisi bahadır olur».

доселе на престол Дешт-и Кипчака падишах, подобный Вам¹⁴⁵. Да не лишит Всевышний Аллах [Хак] наши головы удостоенной от тебя благодати! Да будет твоё благополучие постоянным, а жизнь – долгой и оберегаемой!

На сей молве возносили они молитвы. Затем, когда до Азака оставалось всего три привала, внезапно явился из Азака некий человек, и привели его к хазрет хану. И спроси хазрет хана у того человека:

– Какие у тебя вести? Говори!

Отвечал тогда тот человек:

– Благословенный хан! Видал я караван из Астрахани [Аждарханнынъ кярбаны]. Совершив привал в месте расстоянием в день до Азака, направляется он в Азак для учинения торговых дел.

На сей молве, призвав немедленно из беков Гуньтоган-бека, велел [хан]:

– «Направляйтесь вместе с тысячью людей в Азак и схватите тех купцов, что прибыли туда! И какого бы [сколько бы] у них ни было товара [маллар], отберите. Только смотрите, и крупинки не пророните [не потеряйте впустую]. И, схватив прибывшего с той стороны человека, отдельно не назначайте там другого человека!

Молвя сие, отправил их. Сам же поехал медленно. Однако же в тот день они учинили набег [чабагул]. Рано утром, переправившись через реку, вблизи Азака напали на караван [кярбан]. И, заполучив товар, опечатали его. И, явившись с товаром к крепости, по велению хана выдали его [товар] коменданту крепости [каль'а диздарына]. И, получив вести от них об отправлении [в поход] хазрет хана, на сей раз на второй день хан, прибыв благополучно, расположился привалом напротив Азака. С выстрелами пушек и ружей из крепости довольствовались и ликовали. Затем с повелением хазрет хана войско связало плоты и начало переправляться через реку. В тот день, в ту ночь все войско переправилось полностью. А с переправой хазрет хана держало дальнейший путь. Ибо до Астрахани [Аждархан] остался путь в пять дней. Взяв двадцать пушек [ядер, топ] и набрав необходимое количество пороха, приготовив легкие телеги [еньгиль арабалар] и приставив в коше янычар с агой и одного из капубеков, велел, дабы спешно добирались из тыла [сзади]. Уповая на Аллаһа [Худа], передвигались в пути. В том походе [чабагул] был он [хан] вместе с аль-шейхом Эбубекиром-эфенди. Даже в то время, как войско расположилось в Астрахани, он напрямую отправился к благословенной могиле [меркад-и шерифи] некого азиза. И до тех пор, пока войско не вернулось обратно, у ней [могилы] совершил молитвы [ибадет] и прочитал суры из Корана [телявет]. Тогда собрался он уходить, как вдруг наткнулся на посох у изголовья могилы того азиза. А сей посох остался от рода почтен-

¹⁴⁵ «bu Deşt-i Qıpçaq tahtına Siziñ gibi bir padişah gelmiş degildir».

ного любимца Аллаха [Хазрет-и Хабиб-и Худа], предводителя пророков [сюрюр-и энбия], от хазрета Мухаммеда Мустафы.

Теперь же снова вернемся к нашему рассказу¹⁴⁶. По выходе в путь хазрет хан, найдя одного караула, стал выведывать у него вести, на что тот и отвечал:

– Не ведает народ Астрахани о Вас. Все они находятся в неведении.

Рано утром на рассвете войско, осадив крепость на берегу реки Эдиль [Волги] и со стороны холма у Астрахани, когда око видело око, выстрелили из пушки зарбзен. А народ Астрахани пребывал в ожидании, поднявшись с мест. И видели тогда все, но что же они видели – двадцать пушек зарбзен и около тысячи ружей выстреливали водночас. А витязи [эренлер] пошли маршем¹⁴⁷ со словами «Аллах, Аллах!». Призвав около двухсот тысяч шибе (?), осыпали стрелами. Ведали тогда Ягмурча-хан и беки, что пред ними стояло войско крымское. Засуетившись что есть мочи, тотчас усадив сыновей [огланов] и женщин в судна, едва ли (с трудом) успели спасти свои головы. В тот самый час пала Астрахань¹⁴⁸. И нашли тогда жен султанов и беков Астрахани, там же нашли сына казанского хана Сафы Герай-хана, было ему десять лет. Хазрет хан взял его к себе. И, отведя другие шатры для жен тех беков, назначив попечителями над ними своих верных и преклонного возраста людей, велел обеспечить их питание [таамлар, сулар], так что каждому был оказан достойный его положения почет. А состоятельных [малдар] городских мужей [ходжалар] было велено вывезти вместе с имуществом из города. А войско обогатилось владениями [маллар] народа Астрахани. А те, у кого был великий страх перед Аллахом, не позарились [не посягнули] на собственность мусульман. А владельцев имущества и всяческих благ часть за частью [часятми] хазрет хан доверил¹⁴⁹ своим бекам. И велел [хан] астраханцам [аждарханлы]: «Кто бы ни взял вашу собственность, найдите и приведите [их], верну вашу собственность». Так молвил. И так и учинили. И, вернув имущество прибывшим с подобной жалобой купцам [базаргянлар], так лишь пять-шесть дней принимали решение в крепости. Однако в деле отправления в Казань [Казган] сына казанского хана, опасаясь врага, решил [хан] оставить его у себя. Ибо Сафа Герай-султан был сыном старшего брата сего хана. И приготовив телеги [арабалар] для тех биимов и бикечей, и призвав их к себе, молвил [хан]:

– Нисколько не имейте страха в себе! Я буду относиться к вам, словно к своим собственным дочерям и невесткам. Коль ваши мужья явятся сюда

¹⁴⁶ «İmdi gerü biz sözümize gelelim».

¹⁴⁷ «yürüyüş etdiler».

¹⁴⁸ «Anı vaqıtde Ajdarhanı feth etdiler».

¹⁴⁹ «beglerine emanet verüb».

и, преклонив головы, станут нокерами [слугами], тогда каждому выделю эль [край] и виляет [землю]. А коль, не явившись сюда, станут просить вас, тогда каждую из вас с почтением и должным образом¹⁵⁰ отправлю обратно в ваши прежние места».

Они же, преклонив головы, благоволили. Затем завершил приготовления по переселению всего люда. И был написан ярлык с изложением положения дел¹⁵¹. И, выдав его [ярлык] вестнику [муштуджы], отправил того в Крым.

Вслед за тем овеванный славой хазрет хан, тронувшись в путь из владений Астрахани, прибыв в Азак, велел тому кочевому народу из каравана [кярбан халкы] предстать пред ним и выдал их собственность на руки, переселив и их. Тогда, вознамерившись держать путь в Кыпчак [азм-и Кыпчак], ехали медленными шагами¹⁵².

На сей же стороне вестник добрался до Бахчисарая, в то время все султаны пребывали в довольствии. Найдя их в одном месте, ударив челом, вручил он [вестник] благословенный ярлык. Весь дворцовый люд при виде фетхнаме¹⁵³ от хазрет хана приблизил его к своим очам для созерцания¹⁵⁴. А вестника, по положенной традиции, одарили кафтанамы [хиль'атлар], всяческими благами и подарками, молвив милостивые слова.

В тот час, когда они пребывали в радости¹⁵⁵, хазрет хан со всем своим войском в здравии и в благополучии добрался до своего престола. Всякий люд стекался к его месту [мекян]. А хазрет хан, крепко прижимая к груди сыновей [ханзаделер] и дочерей [махдумелер], целовал их лики. А обитатели гарема [махремлери], целуя его благословенную руку¹⁵⁶, были удостоены чести созерцать его благодатный лик¹⁵⁷.

А спустя три дня были приготовлены кушанья. И был проведен всеобщий корюнюш, на который явились все улема [ученые] и сулеха [праведники], состоятельные люди [бай] и бедняки [геда], горожане и странники, эимме [имамы] и хатипы [проповедники]. Так что корюнюш был насыщенным¹⁵⁸. И весь люд, учинив корюнюш, воздавал молитвы и благословения [дуалар ве сеналар]. После того был накрыт стол с кушаньями [таам], где

¹⁵⁰ «izzet ve ikram ile».

¹⁵¹ «ve yarlıg yazub, ahvalı beyân edüb».

¹⁵² «azm-ı Qıpçaq qılub, aheste-aheste gelmekde».

¹⁵³ Фетхнаме – торжественное письмо о победах, письменное уведомление о победах.

¹⁵⁴ «gözlerine sürdiler».

¹⁵⁵ «Bunlar şadlıqda iken».

¹⁵⁶ «dest-i şerifin bûs edüb».

¹⁵⁷ «mübarek cemaline müşerref oldılar».

¹⁵⁸ «görünüş malamal oldı».

все занялись трапезой, отовсюду возносилась хвала Богу. А затем хафызы приятным голосом читали [телявет] Священный Коран. Затем по желанию хазрет хана велели прочитать десять завершающих Хатм-ы Куран¹⁵⁹. А потом было исполнено красивое чтение [телявет] в благословенной мечети. А с роспуском корюнюша, каждый погрузился в свой повседневный мир. Хазрет хан остался на своем престоле в наслаждении и довольстве, а всеобщий люд – в благополучии и в покое¹⁶⁰. После того прошло некоторое время¹⁶¹.

*Продолжение – в следующем номере
«Крымского исторического обозрения»*

Сведения об авторе: Абдужемилев Рефат Рустем оглы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (Крым, Симферополь, 295015, Учебный пер., 8); младший научный сотрудник Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация): refatimus@gmail.com

Chronicle “Tarih-i Sahib Giray Khan” (“History of Khan Sahib Giray”). Part 3.

Refat Abduzhemilev

(Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of the ethnic groups of the Crimea in SBEEHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University»; Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences)

Abstract. To the attention of the readers is offered the Russian translation of the fragments from the chronicle «Tarikh-i Sahib Geray Khan» (XVI c.) The beginning of the work was published in the previous issue of the journal. The chronicle's author was a prominent scholar, a court astrologer at the court of

¹⁵⁹ Хатм-ы Куран (хатм – окончание) – прочтение всего Священного Корана целиком.

¹⁶⁰ «Han hazretleri tahtında ‘ayş u safada ve halq-ı alem devletinde asude».

¹⁶¹ «buniñ üzerine geçdi».

Sahib Geray Khan, Kaysuni-zade Mehmed Nidai, well known under the penname Remmal Khoja. Along with the factual component of the chronicle, the artistic specifics are also important. In comparison with the other works of historiography orientation, this work most clearly demonstrates the power of an artistic word, its aesthetic potential. The work is written in panegyric form, the author praises the heroic deeds being done during the Khanate of Sahib Geray. In the chronicle are revealed the traditions of Ottoman historiography. The translation was made from the Turkish edition of «Tarih-i Sahib Geray Han (“Histoire de Sahib Giray, Khan de Crimée de 1532 a 1551”, Ankara, 1973) ». The author of the translation tries to correlate the content of the translation with the content of the original, to convey the artistic embodiment of historical events, to preserve the style of the work, to preserve the realities of the language of the Khan’s era if possible. The text will be useful for specialist in the history and literature of the Crimean Khanate.

Keywords: Chronicle, Crimean Khanate, Sahib Geray, Remmal Khoja, Crimean Tatar literature.

For citation: Abduzhemilev R. R. Chronicle “Tarih-i Sahib Giray Khan” (“History of Khan Sahib Giray”). Part 3. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.147-174. DOI: 10.22378/kio.2019.1.147-174

About the translator: Abduzhemilev Refat Rustem ogly – Cand. Sci. (philology), senior researcher of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea in SBEEHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University»; junior researcher of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of AS RT (420111, Kazan, Baturin St., 7A, Russian Federation)); refatimus@gmail.com

Письма Исмаил-бея Гаспринского А. С. Суворину и П. П. Вяземскому

Илья Зайцев

(Институт востоковедения РАН)

Аннотация. В статье публикуются два неизвестных ранее письма Исмаила Гаспринского редактору газеты «Новое время» А. С. Суворину (1876) и начальнику Главного управления по делам печати П. П. Вяземскому (1882).

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский, история журналистики.

Для цитирования: Зайцев И. В. Письма Исмаил-бея Гаспринского А. С. Суворину и П. П. Вяземскому // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С.175-179. DOI: 10.22378/kio.2019.1.175-179

Как известно, среди исследователей творчества И. Гаспринского нет единого мнения о том, когда он начал свою публицистическую деятельность. Некоторые ученые утверждали, что это произошло в середине или даже начале 1870-х годов. Другие традиционно датировали первые шаги молодого журналиста 1879 г. В 2017 г. вышел в свет второй том Полного собрания сочинения Исмаила Гаспринского, в который вошла ранняя публицистика великого просветителя (1879–1886 гг.) [1]. Во вступительной статье к изданию составитель тома С.А.Сеиметова пишет: «Вполне вероятно, что будущий редактор-издатель газеты «Терджиман» публиковался в этот период и в османских периодических изданиях. Однако произведения, изданные им в первой половине 70-х гг., по сегодняшний день не выявлены и не введены в научный оборот» [3, с. 8].

Теперь у нас есть возможность подтвердить мнение о том, что Исмаил Гаспринский начал работать корреспондентом по меньшей мере одной российской газеты еще в середине 1870-х годов. В собрании Российского государственного архива литературы и искусства в Москве хранятся два письма, написанных Исмаилом Гаспринским в 1876 и 1882 годах двум русским общественным деятелям – журналисту и издателю Алексею Сергеевичу Суворину (1834–1912) и дипломату и литератору Павлу Петровичу Вяземскому (1820–1888).

Насколько мне известно, эти письма еще не были предметом рассмотрения исследователей жизни и творчества великого крымскотатарского

просветителя. Между тем, они дают много нового для ранней истории деятельности И. Гаспринского, когда происходило становление его взглядов. Письмо А. С. Суворину связано с работой И. Гаспринского в качестве корреспондента санкт-петербургской газеты «Новое Время», второе письмо было написано уже самостоятельным, хоть и начинающим, издателем «Терджимана» («Переводчика»).

В конце 1874 г. совсем еще молодой Гаспринский из Марселя приехал в Стамбул в надежде поступить в военное училище. В ожидании ответа на свое прошение, он «посещал различные деревушки Анатолии и школы Стамбула, совершенствовал свой османский язык и направлял полуфантастические статьи неополитического характера о жизни на Востоке в газеты Санкт-Петербурга и Москвы. Проведя около года в Стамбуле, после получения отказа на свое прошение Гаспринский вернулся в родной Крым» [2, с. 7].

Письмо А. С. Суворину было вызвано изменениями в редакции газеты «Новое Время», в которой в 1875 г. Гаспринский помещал свои корреспонденции из Стамбула («Письма с Востока»). В самом начале 1876 г. газета была приобретена А. С. Сувориным (вместе с В. И. Лихачевым). Гаспринский, узнав об этом, поспешил наладить отношения с новым издателем, предложив ему продолжить сотрудничество в качестве провинциального корреспондента, а также высылать газету в Бахчисарай, как это делалось и ранее.

Письмо Павлу Петровичу Вяземскому было написано Гаспринским 12 декабря 1882 г. К тому моменту Исмаил-бей уже больше трех лет был городским головой Бахчисарая. В это время П. П. Вяземский занимал должность Начальника Главного управления по делам печати (с 5 апреля 1881 г. по 1 января 1883 г.) – высшей цензурной инстанции Российской империи, образованной Высочайшим указом 6 апреля 1865 г. при МВД для наблюдения за деятельностью цензурных комитетов и отдельных цензоров по внутренней и иностранной цензуре, за бесцензурными изданиями, типографиям и проч. Именно в Главном управлении по делам печати согласовывалось решение об издании газеты («повременного издания») «Терджиман». Как известно, первый номер газеты вышел в свет почти через четыре месяца после написания письма Вяземскому, – 10 апреля 1883 г....

Оба письма публикуются по автографам. Орфография приведена в соответствие с современными нормами, подчеркивания в тексте сделаны И. Гаспринским.

I.

Письмо А. С. Суворину (Бахчисарай, 26 февраля 1876 г.)

Бакчисарай

26 февраля 1876 года

Милостивый Государь,

Алексей Сергеевич,

Весь прошлый год я имел честь состоять константинопольским корреспондентом «Нового Времени» (Письма с Востока), а с начала текущего года продолжал сотрудничество в качестве провинциального корреспондента из Бакчисарая. По соглашению с прежней редакцией за корреспонденции из Бакчисарая мне высылалось бесплатно «Новое Время».

Вам, Милостивый Государь, если угодно будет мое сотрудничество в качестве провинциального корресп., то прошу продолжать высылку мне Вашей газеты. Мне тем более будет приятно продолжение моего сотрудничества в «Новом Времени», что еще не сведены счета за сотрудничество из Константинополя.

Примите, Милостивый Государь, уверения в совершенном моем почтении.

И. Гаспринский

Адрес:

Бакчисарай, Таврич. Губ.

Бывшему учителю Гаспринскому [4].

II.

Письмо П. П. Вяземскому (Бахчисарай, 12 декабря 1882 г.)

Ваше Сиятельство,

По поводу ходатайства моего об издании в Бакчисарае листка «Терджиман» (Переводчик), осмеливаюсь обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что разумным словом и толковым, понятным объяснением можно рассеять многие предрассудки и предубеждения мусульман, дурно влияющие на успехи русской культуры и науки среди них в ущерб всему краю.

В этом случае печатное слово, как проводник просвещения и гуманных воззрений, имеет то сравнительное преимущество перед другими, что благодаря значительной грамотности мусульманок, — оно может проникнуть в самые строгие «гаремы», куда обыкновенное слово, пример, русская жизнь вовсе не проникают. Ободренный успехом моих отдельных изданий и решив ходатайствовать о праве на повременное издание, я руководствуюсь, что в

сказанном смысле, предполагаемое издание будет иметь свое *raison d'être*¹. К участию в издании будут приглашены русские ориенталисты и инспекторы инородческих школ и семинарий.

Имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою
Исмаил-бей Гаспринский
Бакчисарай, 12 декабря 1882 г. [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспринский И.* Полное собрание сочинений. Т. II. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. Казань–Симферополь, 2017. 384 с.
2. *Давлет Н.* Исмаил Гаспринский. Казань: Татарское книжное издательство, 2015. 63 с.
3. *Сеитмететова С.А.* Раннее творчество Исмаила Гаспринского: первые шаги в публицистике (1879–1886 гг.) // Гаспринский И. Полное собрание сочинений. Т. II. Ранняя публицистика: 1879–1886 гг. Казань–Симферополь, 2017. С. 7–28
4. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 459, оп. 1, ед. хр. 862
5. РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 4124

Сведения об авторе: Зайцев Илья Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, д. 12, Москва, Российская Федерация); ilyaAugust@yandex.ru.

İsmail Gasprali's Letters to Alexey Suvorin (1876) and Pavel Vyazemski (1882)

Ilya Zaytsev

(Institute of Oriental Studies of RAS)

Abstract: The Paper is a Publication of Two unknown Letters by İsmail Gasprali to Alexey Suvorin (1876) and Pavel Vyazemski (1882)

Keywords: İsmail Gasprali, Russian Journalism, History

¹ «Смысл существования» (франц.)

For citation: Zaytsev I. V. İsmail Gaspralı's Letters to Alexey Suvorin (1876) and Pavel Vyazemski (1882). *Krymskoe istoricheskoe obozrenie=Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.175-179. DOI: 10.22378/kio.2019.1.175-179

REFERENCES

1. Gasprinskiy I. *Polnoe sobranie sochineniy. T.II. Rannyyaya publicistika: 1879–1886 gg.* [Complete works. T. II. Early journalism: 1879–1886]. Kazan–Simferopol, 2017. 384 p.
2. Davlet N. *Ismail Gasprinskiy*. Kazan: Tatar book publishing house, 2015. 63 p.
3. Seitmemetova S.A. *Rannee tvorchestvo Ismaila Gasprinskogo: pervye shagi v publicistike (1879–1886 gg.)* [Early creative work of Ismail Gasprinsky: first steps in journalism (1879–1886)] *Gasprinskiy I. Polnoe sobranie sochineniy. T.II. Rannyyaya publicistika: 1879–1886 gg.* [Gasprinskiy I. Complete works. v. II. Early journalism: 1879–1886]. Kazan–Simferopol, 2017. Pp. 7–28
4. Russian State Archive of literature and art , f.459, in.1, storage unit 862
5. Russian State Archive of literature and art, f.195, in.1, storage unit 4124

About the author: Zaytsev Ilya Vladimirovitch – Dr. Sci. (history), professor of the Russian Academy of Sciences, leading scientific researcher at the Institute of Oriental Studies of RAS (107031, Rozhdestvenka str.,12, Moscow, Russian Federation); ilyaAugust@yandex.ru.

Новые издания: рецензии, отзывы

УДК 908 (477.75)

DOI: 10.22378/kio.2019.1.180-188

Удачный опыт памятниковедческого исследования.

Рецензия на: Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; под ред. Р. С. Хакимова. Т. 3: «Симферополь». Белгород: Константа, 2018. 392 с.

Дмитрий Ломакин

*(ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского»)*

Отмечена существенная роль Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан в деле изучения, сохранения и популяризации объектов культурного наследия Республики Крым. Представлен третий том «Свода памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар», посвященный древностям мусульманского происхождения города Симферополя, детально проанализировано его содержание. Указан ряд субъективных замечаний и пожеланий.

Ключевые слова: «Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар», Симферополь, объект культурного наследия, история изучения, Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Для цитирования: Ломакин Д. А. Удачный опыт памятниковедческого исследования. Рецензия на: Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; под ред. Р. С. Хакимова. Т. 3: «Симферополь». Белгород: Константа, 2018. 392 с. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С.180-188. DOI: 10.22378/kio.2019.1.180-188

В 2018 году вышел очередной, третий по счету, том «Свода памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар», посвященный городу Симферополю. В работе над изданием приняли участие сотрудники Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического института. Коллективное издание состоит из вступительной статьи и сорока четырех отдельных очерков о древностях города. Территориальные пределы определены современными границами города Симферополя. Исследование охватывает памятники конца XV – первой половины XX века.

Актуальность такого издания не вызывает сомнений. Необходимость каталогизации мусульманских древностей Крымского полуострова, обобщения и систематизации накопленных о них сведений назрела давно. К сегодняшнему дню уже имеется опыт проектов по сбору информации о древностях отдельных населенных пунктов или регионов Крыма, но ожидаемого результата они не принесли. В рамках подготовки к изданию Крымского тома «Свода памятников истории и культуры Украины», в соответствии с Постановлением Кабинета Министров Украины от 14 марта 1992 года № 131 «О дополнительных мерах по обеспечению издания томов Свода памятников истории и культуры Украины» Правительством Автономной Республики Крым была создана Рабочая группа Свода памятников истории и культуры Украины по АРК. К сожалению, из-за отсутствия должного финансирования итоги более чем двадцатилетней исследовательской работы группы не опубликованы. Ситуация кардинальным образом изменилась в 2014 году, когда в Бахчисарае был создан Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. Сотрудниками центра осуществляется регулярная плодотворная работа по изучению и популяризации культурного наследия Крыма. Менее чем за пять лет получены существенные результаты: положено начало грандиозному проекту по составлению «Свода памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар» (к настоящему моменту вышло из печати три тома [14–16]), основана книжная серия «Наследие Крыма», в рамках которой уже опубликованы работы О. Н. Акчокраклы [1] и У. А. Боданинского [4], регулярно издается научный журнал «Крымское историческое обозрение».

О начале систематического изучения отдельных мусульманских памятников полуострова можно говорить с середины XIX века (подвижничество Л. П. Колли, А. И. Маркевича, Н. Н. Мурзакевича, В. Д. Смирнова и др.) [10; 11]. Объемные работы по изучению золотоордынских древностей были проведены в 20-е годы XX века. Под руководством У. А. Боданинского осуществлен ряд этнографических экспедиций в отдаленные районы Крыма [2; 3], благодаря археологической экспедиции И. Н. Бороздина и А. С. Башкирова [5; 6; 9] мировой общественности продемонстрированы во многом уникальные древности Солхата, столицы Крымского улуса Золотой Орды. К работе с крым-

скими памятниками были привлечены лучшие отечественные специалисты, на полуострове выполняли обмеры, чертежи, осуществляли реставрационную деятельность сотрудники Централъных государственных реставрационных мастерских (И. Э. Грабарь, Б. Н. Засыпкин и др.) [7; 13]. Научные изыскания Османа Акчокраклы позволили ввести в оборот массу ценнейших эпиграфических источников [1]. По заданию КрымОХРИСа была начата зарисовка памятников художником К. Ф. Богаевским. В дальнейшем возрождение научного интереса к мусульманским памятникам региона произошло в послевоенный период. Ряд объектов культурного наследия поставлен на государственный учет, начаты систематические археологические исследования. Таким образом, более чем за полутораветковую историю изучения древностей накоплен обширный материал, требующий систематизации и обобщения.

Несмотря на постоянный неугасающий интерес к древностям полуострова, к сегодняшнему дню многочисленные памятники мусульманского происхождения не только остаются практически не исследованными, но и не включены в соответствующие реестры историко-культурного наследия. Ввиду этого за их состоянием не осуществляется должный надзор памятникоохранных органов полуострова, происходит их разрушение из-за воздействия природных и антропогенных факторов. Таким образом, регион может лишиться во многом уникальных объектов культурного наследия, которые при должном изучении способны устранить пробелы в отдельных сюжетах истории Крыма и крымскотатарского населения в частности.

Авторами «Свода» подчеркнуто, что «труд не претендует на роль завершеного исследования, поскольку является первым опытом комплексного описания соответствующего наследия и создавался в относительно сжатые сроки». Несмотря на такую достаточно скромную оценку видны результаты колоссальной работы. Зачастую авторам (Н. Абдульвапову, Р. Аирчинской и др.) удалось буквально по крупицам восстановить данные по истории функционирования и изучения различных объектов. К примеру, симферопольские мечети, заслуживающие пристального внимания, не были предметом специальных исследований. В целом история Акмесджита до основания Симферополя в крымской исторической науке продолжает оставаться *terra incognita*.

Вызывают некоторое недоумение критерии отбора памятников, включенных редакционной коллегией в данный том. С дворцом калги-султана, мечетями, мусульманскими кладбищами все логично – они являются типичными объектами культурного наследия, имеющими непосредственное отношение к крымскотатарской культуре. Эти памятники представляют значительный интерес, практически не изучены и явно нуждаются в проведении отдельных исследований по истории их создания и функционирования. При этом в «Свод» также включены очерки об объектах, наличие которых в издании вызывает ряд вопросов. Среди них прежде всего здания первых крымских высших учебных заведений (Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, Крым-

ского медицинского института, Крымского сельскохозяйственного института им. М. И. Калинина), Симферопольской мужской гимназии, строения, в которых ранее размещались КрымЦИК и Совнарком Крымской АССР, Наркомзем Крымской АССР и др. В очерках о них представлена, бесспорно, заслуживающая внимания история данных строений и располагавшихся в них учреждений, зачастую рассмотрены слабо изученные к настоящему времени сюжеты их функционирования. При этом данные памятники имеют крайне отдаленное отношение к «истории, архитектуре и культуре» крымских татар. Конечно, выдающиеся крымскотатарские деятели занимали должности преподавателей в крымских вузах (Осман Акчокраклы, Бекир Чобан-Заде и др.) или являлись их известными выпускниками (Герой Советского Союза Абдель Тейфук и др.), в Крымском государственном университете им. М. В. Фрунзе непродолжительное время функционировал восточный факультет. Но достаточно ли этого, чтобы считать подобные памятники архитектуры объектами культурного наследия крымскотатарского народа и включать в данный том? Возможно, подобные сюжеты требуют отдельных специальных исследований. К тому же истории крымских вузов посвящен ряд фундаментальных изданий сотрудников Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского [8; 12].

В предисловии к третьему тому «Свода» отмечено, что в нем «представлены материалы, касающиеся крымскотатарских историко-культурных памятников г. Симферополя периода конца XV – первой половины XX века». Авторами предпринята попытка «проследить эволюцию крымскотатарской части инфраструктуры города на протяжении последних пяти столетий его развития». Нижняя хронологическая граница логична и связана с предполагаемым периодом создания наиболее раннего мусульманского памятника Акмесджита – дворца калги-султана, материальные остатки которого до настоящего времени требуют фундаментальных археологических исследований. При этом нет логичного обоснования верхней хронологической границы, поэтому не ясно, чем руководствовались авторы издания. Можно предположить, что данный выбор был обусловлен депортацией крымскотатарского населения за пределы полуострова в 1944 году. Но подобное заключение вызывает ряд вопросов, т. к. на этом история мусульманских памятников отнюдь не была прекращена, даже несмотря на принятую официальной советской идеологией борьбу с «церковным инакомыслием» и уничтожение целого ряда культовых объектов в Крыму (мечети в селениях Шейх-Кой, Колечь-Мечеть и др.).

Заслуживает внимания обширное использование авторами очерков многочисленных архивных источников, большая часть которых впервые введена в научный оборот. При этом документы использованы исключительно из Государственного архива Республики Крым (Симферополь). Существенный интерес вызывает представленный авторами иллюстративный материал. Использовано более трехсот фотоснимков, чертежей и рисунков, отображающих различные этапы научного освоения памятников города. Часть из

них ранее не была опубликована. Иллюстративный материал разнообразен: уникальные планы XVIII – начала XX века, схемы, чертежи памятников архитектуры и их отдельных фрагментов. Значительный объем фотоснимков, представленных в книге, был выполнен в конце XIX – 20-х годах XX века и отображает начальный период исследования древностей Симферополя. Существенно могли бы дополнить издание материалы из центральных государственных и ведомственных архивохранилищ Российской Федерации – Государственного архива Российской Федерации, Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН, Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева и др.

Обращает на себя внимание объем книги – 392 страницы (при этом первый том «Свода» [14], посвященный памятникам Бахчисарая, на протяжении нескольких столетий являвшегося столицей Крымского ханства, объектов крымскотатарской культуры в котором на порядок больше, – лишь 168 страниц). По сравнению с предыдущими томами [14; 15] очерки стали более объемными и информативными, что, возможно, обусловлено использованием при подготовке большего количества источников и литературы (исходя из пристатейных списков).

К сожалению, оставляет желать лучшего качество печати. Несмотря на то, что большинство приведенного иллюстративного материала в оригинале выполнено в монохромном стиле, ряд размещенных авторами изображений (карты, планы, оригинальные рисунки) не только бы значительно украсили издание, но и существенно упростили ли бы работу с ними исследователю, будь они размещены в полноцветном формате. Явным достоинством тома является наличие современной карты г. Симферополя с обозначением всех представленных в издании объектов. Также приложением к сборнику является аэрофотоснимок города 1941 года, полученный из интернет-ресурса по истории г. Симферополя (Simfion.ru).

Фундаментальное начинание по созданию общего Свода памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар Крымского полуострова заслуживает пристального внимания. Вышедшие к настоящему моменту тома являются результатом обширной работы их авторских коллективов и представляют собой настольные книги не только научных сотрудников и чиновников в сфере охраны памятников, но и краеведов, любителей крымской старины. Авторам удалось не только впервые реализовать идею систематизации и классификации в одном издании информации по истории создания и функционирования мусульманских древностей отдельных городов и районов, но и заново «открыть» для широкой общественности ряд памятников, вернуть их из забвения, привлечь внимание к современному состоянию объектов, многие из которых остро нуждаются в пристальном внимании памятникоохранных организаций. Остаётся лишь надеяться, что данный грандиозный замысел будет полностью реализован и проект охватит весь Крымский полуостров, а также с нетерпением ждать выхода следующих томов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акчокраклы О. Н.* Избранные сочинения по истории, археологии, этнографии / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; под ред. Р. С. Хакимова. Симферополь: Форма, 2016. 216 с. (сер.: «Наследие Крыма»).
2. *Боданинский У. А.* Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму // Реконструкция народного хозяйства в Крыму. Симферополь, 1930. Вып. 2. 31 с.
3. [*Боданинский У. А.*] Крым много веков назад: работа этнографической группы научной экспедиции КрымЦИКа и СНК // Красный Крым. 1925. 23 августа. Издано под псевдонимом: Уссейн Б.
4. *Боданинский У. А.* Собрание сочинений / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; под ред. Р. С. Хакимова. Т. 2: «Дневники: 1923–1926 гг.». Белгород: Константа, 2018. 264 с. (сер.: «Наследие Крыма»).
5. *Бороздин И. Н.* Новые данные по золотоордынской культуре в Крыму: работы археологической экспедиции 1926 года / Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М.: Искра революции, 1927. 21 с.
6. *Бороздин И. Н.* Солхат: предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году / Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР. М.: Искра революции, 1926. 32 с.
7. *Ломакін Д. А.* Центральні державні реставраційні майстерні та дослідження комплексу мусульманських пам'яток XIII–XV століть у Старому Криму // Красзнавство. 2010. № 1/2. С. 137–142.
8. На пороге столетия: от Таврического университета – до Крымского федерального: история в документах и фотографиях / сост. Н. В. Багров, Е. Н. Чуян, В. В. Орехов. Симферополь: Ариал, 2014. 360 с.
9. *Непомнящий А. А.* Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2018. Т. 4(70), № 4. С. 40–83.
10. *Непомнящий А. А.* Арсений Иванович Маркевич // Вопросы истории. 2018. № 11. С. 29–48.
11. *Непомнящий А. А.* Начало научного этапа разработки источников по истории Крымского ханства: В. Д. Смирнов // Золотоордынское обозрение. 2015. № 3. С. 113–142.
12. *Непомнящий А. А., Кравчук А. С.* История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. Белгород: Константа, 2018. 352 с.
13. *Непомнящий А. А., Ломакин Д. А.* Документальное наследие Центральных государственных реставрационных мастерских – источник по истории изучения Крыма в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 114–125.

14. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; под ред. Р. С. Хакимова. Т. 1: «Бахчисарай». Симферополь: Форма, 2016. 168 с.

15. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; под ред. Р. С. Хакимова. Т. 2: «Бахчисарайский район». Симферополь: Форма, 2016. 184 с.

16. Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар / Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; под ред. Р. С. Хакимова. Т. 3: «Симферополь». Белгород: Константа, 2018. 392 с.

Сведения об авторе: Ломакин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»; старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (295000, пр. Вернадского, 2, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация); LomakinDA@mail.ru.

Successful experience of a research on studying of objects of cultural heritage. The review on: Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar [Arch of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars]. Vol. 3: Simferopol'. Belgorod. Konstanta Publ., 2018. 392 p.

Dmitriy Lomakin

(V. I. Vernadsky Crimean Federal University)

Abstract. The essential role of the Crimean Scientific Center of Shigabutdin Mardzhani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic Tatarstan in study, preservation and promotion of the cultural heritage of the Republic Crimea has been specified. The third volume of the «Set of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars», dedicated to the antiquities of Muslim origin of the city of Simferopol, has been presented, its content has been

analyzed in detail. A number of subjective remarks and comments have been indicated.

Keywords: «Set of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars», Simferopol, object of cultural heritage, history of study, Crimean Scientific Center of Sh. Mardzhani Institute of History of AS RT.

For citation: Lomakin D. A. Successful experience of a research on studying of objects of cultural heritage. The review on: *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [Arch of monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars]. Vol. 3: Simferopol'. Belgorod. Konstanta Publ., 2018. 392 p. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.180-188. DOI: 10.22378/kio.2019.1.180-188

REFERENCES

1. *Akhokrakly O. N. Izbrannye sochineniya po istorii, arkheologii, etnografii* [The selected compositions on history, archeology, ethnography]. Simferopol, Forma Publ., 2016. 216 p.

2. *Bodaninskiy U. A. Arkheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie tatar v Krymu* [Archaeological and ethnographic studying of Tatars in the Crimea]. *Rekonstruktsiya narodnogo khozyaystva v Krymu* [Reconstruction of the national economy in the Crimea]. Simferopol, 1930, vol. 2, 31 p.

3. [Bodaninskiy U. A.] *Krym mnogo vekov nazad: rabota etnograficheskoy gruppy nauchnoy ekspeditsii KrymTsIKa i SNK* [Crimea many centuries ago: work of ethnographic group of a scientific expedition of the Crimean Central Executive Committee and Council of People's Commissars]. *Krasnyy Krym* [Red Crimea], 1925, 23 avgusta [August 23].

4. *Bodaninskiy U. A. Sobranie sochineniy* [collected works]. Belgorod, Konstanta Publ., 2018. 264 p.

5. *Borozdin I. N. Novye dannye po zolotoordynskoy kul'ture v Krymu: raboty arkheologicheskoy ekspeditsii 1926 goda* [New data on the Golden Horde culture in the Crimea: works of an archaeological expedition of 1926]. Moscow, Iskra revolyutsii Publ., 1927. 21 p.

6. *Borozdin I. N. Solkhat: predvaritel'nyy otchet o rabotakh arkheologicheskoy ekspeditsii Krymsovnarkoma, Krymtsika i Nauchnoy assotsiatsii vostokovedeniya Soyuza SSR v 1925 godu* [Solkhat: the preliminary report on works of the archaeological expedition of the Crimean Council of People's Commissars, the Crimean Central Executive Committee and Scientific Association of Oriental Studies of USSR in 1925]. Moscow, Iskra revolyutsii Publ., 1926. 32 p.

7. *Lomakin D. A. Tsentral'ni derzhavni restavratsiyni maysterni ta doslidzhennya kompleksu musul'mans'kikh pam'yatok XIII–XV stolit'u Staromu Krimu* [The Central State restoration workshops and researches of a complex of Muslim monuments of the

XIII–XV centuries in the Stariy Krym]. *Kraeznavstvo* [Study of local lore], 2010, no 1/2, pp. 137–142.

8. *Na poroge stoletiya: ot Tavricheskogo universiteta – do Krymskogo federal'nogo: istoriya v dokumentakh i fot ografiyakh* [On the dawn of a century. From the Taurian University – to the Crimean Federal: history in documents and photos]. Simferopol, Arial Publ., 2014. 360 p.

9. *Nepomnyashchiy A. A. Aleksey Bashkirov v krymovedcheskikh kommunikatsiyakh pervoy trety XX stoletiya* [Alexey Bashkirov in communications on history of the Crimea of the first third of the XX century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo* [Scientific notes of the Crimean Federal University of V. I. Vernadsky]. 2018, vol. 4(70), no 4, pp. 40–83.

10. *Nepomnyashchiy A. A. Arseniy Ivanovich Markevich* [Arseniy Ivanovich Markevich]. *Voprosy istorii* [History questions]. 2018, no 11, pp. 29–48.

11. *Nepomnyashchiy A. A. Nachalo nauchnogo etapa razrabotki istochnikov po istorii krymskogo khanstva: V. D. Smirnov* [The beginning of a scientific development stage of sources on history of the Crimean khanate: V. D. Smirnov]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2015, no 3, pp. 113–142.

12. *Nepomnyashchiy A. A., Kravchuk A. S. Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentakh i fotografiiakh* [History of the Crimean Federal University of V. I. Vernadsky in documents and photos]. Belgorod, Konstanta Publ., 2018. 352 p.

13. *Nepomnyashchiy A. A., Lomakin D. A. Dokumental'noe nasledie Tsentral'nykh gosudarstvennykh restavratsionnykh masterskikh – istochnik po istorii izucheniya Kryma v 1920-e gg.* [Documentary heritage of the Central State Restoration Workshops – a source on history of studying of the Crimea in the 1920th.]. *Vestnik arkhivista* [Bulletin of the archivist]. 2019, no 1, pp. 114–125.

14. *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [Arch of the monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars]. Vol. 1: Bakhchisaray. Simferopol, Forma Publ., 2016. 168 p.

15. *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [Arch of the monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars]. Vol. 2: Bakhchisarayskiy rayon [Bakhchisaray district]. Simferopol, Forma Publ., 2016. 184 p.

16. *Svod pamyatnikov istorii, arkhitektury i kul'tury krymskikh tatar* [Arch of the monuments of history, architecture and culture of the Crimean Tatars]. Vol. 3: Simferopol'. Belgorod. Konstanta Publ., 2018. 392 p.

About the author: Dmitriy A. Lomakin – Cand. Sci. (History), researcher at the research center for history and archaeology of the Crimea (structural subdivision) FSAEI HE, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, senior researcher for the Museum of history of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (structural subdivision) FSAEI HE (295017, Crimea, Simferopol, V. I. Vernadsky Avenue, 4, Russian Federation); LomakinDA@mail.ru.

Рецензия на книгу: Неменко А. В. Крым 1941–1944. Обратная сторона войны. Отдельные аспекты истории оккупации Крыма. Симферополь: ООО «Издательство «Доля», 2018, 420 с., илл.

Рефик Куртсеитов

(ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»; НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма)

Аннотация. В статье рассматривается работа А. В. Неменко, посвященная периоду оккупации немецко-румынскими войсками Крыма в 1941–1944 гг. Автор анализирует содержание немецких, румынских и советских архивных источников, связанных с военными действиями на полуострове, с ходом организации и ведения партизанской войны, нацистской оккупационной системой управления, этнической политикой. Проведя сравнительный анализ различных источников по партизанскому движению, разоблачает миф о «татарском вопросе», созданный в послевоенное время для оправдания тотальной депортации крымских татар.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Крым, военные действия, оккупационная политика, военные архивы.

Для цитирования: Куртсеитов Р. Дж. Рецензия на книгу: Неменко А. В. Крым 1941–1944. Обратная сторона войны. Отдельные аспекты истории оккупации Крыма. Симферополь: ООО «Издательство «Доля», 2018, 420 с., илл. // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С.189-196. DOI: 10.22378/kio.2019.1.189-196

Вторая мировая война и ее составляющая Великая Отечественная война, несмотря на свою относительную удаленность по времени, продолжают привлекать интерес исследователей к своим малоизученным проблемам и в том числе периоду оккупации Крымского полуострова с ее сложными военными, этническими и социально-политическими процессами. И в этом отношении монография А. В. Неменко «Крым 1941–1944. Обратная сторона войны. Отдельные аспекты истории оккупации Крыма» не является исключением, более того использование военных источников периода войны, а именно немецких и румынских оккупационных документов позволяет по новому взглянуть на те проблемы, которые освещались в исторической литературе как послевоенного периода, так и последних 2–3 десятилетий.

Автор в своем обращении к читателям пишет: «В нашей истории есть периоды, к истории которых очень не хочется обращаться, но иногда это сделать крайне необходимо, чтобы избежать ошибок в будущем. Давно прошедшая война которую на западе зовут Второй мировой, а у нас Великой Отечественной, стала экстремальным испытанием для нашей страны».

Исходя из целей и задач, автор разделил свою работу на двенадцать глав по хронологии развернувшихся событий, начав с введения, перейдя к историографии вопроса с анализом источниковой базы. «Работа над книгой потребовала перевода огромного количества немецких документов, хранящихся в американском архиве NARA, в той или иной степени связанных с Крымом. В общей сложности это 97 микрофильмов, каждый из которых содержит 1100–1700 кадров», пишет исследователь А. В. Неменко, будучи автором большого количества работ по истории войны и в том числе шести монографий, хорошо ориентируется в истории военных действий на территории Европы и СССР, нацистской идеологии и методах ее применения на практике. Системный анализ позволяет ему выработать правильные методологические подходы к освещению сложных вопросов, связанных с жизнедеятельностью и поведением населения на оккупированных территориях СССР во время войны и в том числе в Крыму. Анализ первичных немецких документов позволяет ему с высокой точностью представить достаточно сложную систему немецкой военной администрации на оккупированных территориях, особенности установления «нового порядка» на территории Крымского полуострова и тех факторов, которые этому препятствовали и прежде всего длительностью военных действий, связанных с обороной Севастополя, военными действиями на Керченском полуострове, советскими десантами и одним из важнейших факторов – наличием партизанского движения с его сложными периодами.

Одной из целей автора было развенчание мифа о «народе-предателе». Рассматривая историю и причины происхождения мифа через призму системной, целенаправленной работы нацистской пропагандистской машины по принципу «разделяй и властвуй», А. Неменко проводит исторические параллели с последствиями Гражданской войны для общества и современными процессами «аналогичным образом старый миф о «предательстве» крымскотатарского народа, натравливая людей одной национальности на другую. Этот миф был сочинен немецко-фашистской пропагандой, но используется врагами многонациональной России до сих пор. Документы противника опровергают этот миф, но кому-то удобно вновь и вновь его реанимировать».

При рассмотрении военных действий и функционировании оккупационного режима на территории полуострова автор выделяет три хронологических периода. Первый связан с началом обороны Крыма, охватывает временной отрезок с сентября 1941 г. до июля 1942 г. (падение Севастополя), второй связан с действиями немецкой военной администрации с июля 1942 г. по сентябрь 1943 г. и третий с сентября 1943 г. по май 1944 г. (полное освобождение Кры-

ма). Аналогичную хронологическую структуру имеет и история партизанского движения полуострова.

Автором были определены цели исследования: уточнение хода событий на оккупированной территории включая партизанское движение, определение содержания оккупационной национальной политики по результатам работы с немецкими документами, уточнение и анализ информации по структуре оккупационной администрации и определение причинно-следственных связей между событиями, а также их временная и географическая привязка в Крыму. Автором был очерчен следующий круг задач исследования: анализ состояния историографической и источниковой базы, определение степени изученности проблемы, выявление основных факторов, оказавших влияние на процессы, связанные с оккупацией полуострова, определение форм, способов и тактических приемов противника по выполнению поставленных им задач. Исходя из определенных автором задач, был проведен историографический анализ изданий, начиная с первых послевоенных лет, включая как научные издания, так и большое количество мемуарной литературы. Автор указывает на то, что «главное внимание уделялось подвигам советских партизан, но не анализу боевых действий. За гранью исследований оставались иностранные источники и «острые» вопросы по данной теме». Как послевоенные работы, так и часть современных работ носят идеологический характер.

В первой главе «Крым накануне войны» дается анализ этнодемографической структуры населения Крымской АССР, имеющегося мобилизационного ресурса, базировавшихся на полуострове сухопутных военных формирований, возможностей Черноморского флота, военных образовательных учреждений, а также возможностей военной промышленности. Во второй главе «Война. Крым до начала боев на полуострове» автор раскрывает мобилизационные действия, организованные с первого дня начала войны. Мобилизацию по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 года военнообязанных 14 возрастов (1905–1918 гг. рождения), от 18 до 45 лет, суммарная численность которых составляла 74 240 человек, из них русских – 34 508 человек (45%), крымских татар – 17 254 (23%), украинцев – 13 587 (19%), евреев – 4786 (6%), прочих национальностей – 549 (7%). Все мобилизованные были направлены в части за пределами Крыма. Следующая волна мобилизации в соответствии с Указом ПВ Совета СССР была начата 10 августа 1941 г. военнообязанных 1890–1904 годов рождения, произведен досрочный призыв рожденных 1922–1923 гг. При этом необходимо учитывать, что согласно совершенно секретной Директиве командующего войсками Одесского военного округа № 4/2/00850 от 14 апреля 1940 г. военным комиссариатам запрещалось призывать в армию и на флот военнообязанных 16 национальностей (финны, немцы, поляки, латыши, греки, болгары, румыны, турки, чехи, итальянцы и др.) Таким образом, еще до начала войны этнические сообщества были разделены на «надежных» и «ненадежных». К «ненадежным» относились представители диаспор, пре-

жде всего тех, чьи материнские государства находились в союзнических отношениях с нацистской Германией.

Ставка Верховного ГК издает директиву 0091 от 14 августа 1941 г. «о формировании на территории Крымской АССР 51-й Отдельной армии. Автор приводит содержание секретного Постановления Совета по эвакуации от 15 августа 1941 г. об эвакуации из отдельных районов Крымской АССР. А именно прифронтовых районов населения без указания национальностей, в большинстве своем еврейского и немецкого. Эвакуированных не сопровождала вооруженная охрана.

В третьей главе автор кратко представляет военно-административную структуру вермахта, показывает «помимо армейских полицейских и жандармских частей, «партийную» многопрофильную службу – так называемые айнзацгруппы» со сложной внутренней системой. «Впервые айнзацгруппы были созданы в 1938-м, после включения в состав рейха новых территорий, но появление их в составе армии было новшеством». Нацистская Германия уделяла первостепенное внимание своей оккупационной политике на захваченных территориях, учитывая социально-экономическое состояние, этническую, идеологическую составляющую, особенности исторического развития и многие другие факторы, которые можно было использовать на практике. В этой главе представлена структура немецкой разведки – абвера, номера абверкоманд, которые выполняли разведывательную, контрразведывательную и диверсионную функцию и в том числе занимались вербовкой военнопленных с учетом их отношения к Советской власти. В четвертой главе автор детально представляет ход военных действий на территории полуострова, номера советских и немецких частей, их действия, потери. В следующей главе «Выход партизанских отрядов в лес (ноябрь 1941 года)» автор дает определение партизанского движения, рассматривает статьи Гагской конвенции (1907 г.), показывает сложные условия, в которых развивалось партизанское движение; «помимо того, что в Крыму действительно отсутствовали условия для ведения партизанской борьбы, само движение в большинстве партизанских районов было организовано из рук вон плохо. Одновременно с отступлением советских частей от Ишуньских позиций шел выход партизан в лес».

В данной работе, пишет автор, он пытается показать «общую ситуацию в Крыму чуть-чуть с другой стороны – со стороны противника. Она получается не столь однозначной, как ее принято видеть в советской и постсоветской литературе. Тема является спорной и скандальной в связи с тем, что количество достоверной информации минимально, особенно с советской стороны. Официальные боевые документы практически полностью отсутствуют, воспоминания, донесения и другие документы крайне противоречивы, что дает возможность для различных спекуляций на эту тему». Автор показывает время и причины сформировавшегося конфликта к началу 1942 года между «гражданским» руководством партизанского движения, организованного партийным, советским руководством и НКВД Крымской АССР и «армейским» руководством, представителями командования разбитых советских частей, перешедших к партизанской деятельности. «Размен-

ной монетой в этой «подковёрной борьбе» служили и межнациональные отношения». Автор показывает организационные мероприятия, проведенные Крымским ОК ВКП (б) совместно с НКВД Крымской АССР. СНК Крымской АССР (председатель Ибраимов Мемет) на нужды партизанского движения из бюджета республики было выделено 9 млн. 400 тысяч рублей, вся необходимая сумма. Организационные мероприятия больше проходили на бумаге. «Заблаговременно готовились только документы». «Организация большинства партизанских баз носит поспешный и неорганизованный характер», «Закладка складов продовольствия и оружия (за редким исключением) была выполнена в октябре 1941 года». В большой спешке, не соблюдая режима секретности. Руководитель партизанского движения в Крыму был назначен только 23 октября 1941 года, за неделю до оккупации значительной части Крымского полуострова. Продовольствие закладывалось на 3–4 месяца, за это время враг должен был быть полностью разгромлен. В этой главе дается картина организации партизанских отрядов, выхода их в лес, невыхода некоторых отрядов и их причины, которые в послевоенной литературе представлялись в негативном свете. Фактически они направлялись на выполнение других заданий при отступлении советских войск. Автор приводит противоречивые данные советских и немецких источников, раскрывает и развенчивает множество мифов, появившихся в годы войны и послевоенный период по этому поводу. Показывает причины разграбления партизанских баз, передачи части из них отступающим советским войскам. В послевоенный период в разграблении баз обвинялись крымские татары окрестных сел, что не соответствовало действительности. Потеря продовольствия партизанами и полное отсутствие его у «армейских» партизанских отрядов привело к вооруженному захвату продовольствия у гражданского населения, которое, в свою очередь, работая в колхозах, получало минимум на трудовые дни, а с началом войны все «излишки» были переданы фронту. Автор пишет: «Традиционно принято считать, что партизанские продовольственные базы были разграблены предателями. Анализ документов противника показывает, что такая точка зрения является очень предвзятой. Безусловно, подобные факты имели место, однако картина намного сложнее». Автор рассматривает эту проблему системно, по всем партизанским районам и отрядам, представляет значительный по объему фактический материал. Основными причинами утраты продовольственных баз и невыхода части личного состава в партизанские отряды считает две: плохая организация закладки баз и влияние боевых действий. Много продуктов ушло на питание войсковых частей, которые, соглашались остаться в партизанских отрядах, а получив продовольствие, отступали на Севастополь. Часть баз просто не могли найти, ко времени нахождения продукты приходили в негодность.

В следующей седьмой главе «Оккупационная администрация и начало создания коллаборационистских формирований (январь 1942 года)» автор рассматривает одну из самых острых и запутанных проблем, деятельность оккупационной администрации, ее особенности в Крыму. «Большинство ав-

торов, не понимая статуса Крыма и особенностей управления полуостровом в 1941–1944 гг., пытается использовать имеющуюся информацию по другим районам». Автор подробно останавливается на принципах, формах, методах формирования коллаборационистских формирований, вступает в полемику с авторами, которые опубликовали достаточно много работ по этой проблеме. А. Неменко определяет точную дату (3 января 1942 г.) начала формирования подразделений вспомогательной полиции. Объясняет это срывом нацистского плана молниеносной войны и возникшими в этой связи серьезными трудностями для немцев на фронте, которые потребовали переброски воинских частей на фронт, до этого они выполняли полицейские функции в Крыму. В результате этого появилась необходимость их замены на всякого рода вспомогательные подразделения. Высадка советских десантов в Керчи и Феодосии при продолжающейся осаде Севастополя, активность партизан также стимулировала привлечение дополнительных сил. «Именно тогда по инициативе О. Олендорфа и началось формирование «рот самообороны». Немецкие источники всех уровней тщательно подчёркивают, что создаваемые роты были татарскими, хотя по факту это было не так. Отряды частично были укомплектованы жителями Крыма нетатарского происхождения. Но везде во всех документах подчеркивалось национальное происхождение этих рот». «В пост перестроечное время появилось множество публикаций, направленных против крымскотатарского народа». Автор показывает, как крымские историки манипулируют цифрами: при подсчете количества коллаборантов различных формирований, действовавших в разное время учитывают как одновременно существовавших, то есть увеличивают их численность в разы. Приводят мифические цифры, которые вообще не подтверждаются документами. Научная ценность этой главы определяется тем, что автор показывает методы фальсификации численности коллаборантов, применяемые в большинстве случаев крымскими историками. Показывает пропагандистскую деятельность мусульманского комитета по завышению во много раз численности «добровольцев». Далее автор останавливается на «Докладе Зиферса», который системно используют крымские историки. «Приведенная цитата из русского перевода «Доклада Зиферса» используется практически всеми источниками почти слово в слово. Следует отметить, что перевод в некоторых местах сделан некорректно. К примеру, в начале цитаты слово «рекрутирование» заменено словом «вербовка» (в оригинале стоит слово «Rekrutierung»), т. е. искажен смысл». Автор показывает различное содержание (семантики) слов «вербовка» (добровольно) и «рекрутирование» (принудительно). Немцы вводят обязательную воинскую повинность, снижают призывной возраст до 17 лет. «Так что это было действительно именно рекрутирование, а не вербовка добровольцев». «Роты, сформированные из военнопленных, находились на казарменном положении». Автор раскрывает механизмы привлечения в ряды коллаборантов, методы манипуляции цифрами. Приводимая многими авторами цифра 15–20 тысяч коллаборантов, с оружием

в руках воевавших против партизан, на самом деле во много раз завышенная цифра. «В сумме общее количество тех, кто вольно или невольно пошел на сотрудничество с немцами, не превышало 3,5–4 тысяч человек, включая перешедших на работу в административный аппарат, дорожно-строительные, строительные и рабочие батальоны. В это же число вошли те, кто по тем или иным причинам возвращен в дулаги (лагеря). Однако следует понимать, что это не добровольцы, а «учтенное» население. Естественно, ни о каких «20 тысячах, добровольно перешедших на сторону врага» речь не идет.

В последующих главах автор детально рассматривает развитие партизанского движения, придерживаясь общепринятого деления его на три этапа. Выявляет причины ошибок и провалов в организации партизанского движения, замены руководства партизанским движением Крыма (А. Мокроусова, С. Мартынова) решением Крымского обкома ВКП(б) осенью 1942 г. изменения в организации управления партизанским движением, деятельность групп сопротивления в «добровольческих» подразделениях.

Автор показывает реальную численность «добровольческих» формирований. Влияние «добровольческих» подразделений различных национальностей, базировавшихся на Крымском полуострове, перешедших на сторону партизан, на усиление партизанских боевых действий. Дальнейшую судьбу после освобождения Крыма «добровольческих» формирований различных по этническому составу. Взаимодействие партизан и гражданского населения на всем протяжении партизанского движения. Автор приходит к выводу, что участие румынских войск в карательных операциях против партизан в советское время из-за идеологических соображений занижалось, Румыния входила в лагерь социалистических государств.

Работа А. Неменко – это новый этап в исследовании проблем Великой Отечественной войны на территории Крымского полуострова. Введение в научный оборот широкого круга немецких и румынских архивных документов позволило автору существенно дополнить и в определенной мере восстановить картину военных действий, становления и развития партизанского движения в Крыму. Значительный интерес представляет реконструкция деятельности государственных и партийных органов Крымской АССР на начальном этапе и в ходе войны. Обоснованная и содержательная полемика с рядом исследователей партизанского движения в Крыму делает работу наиболее ценной для понимания сложных и противоречивых процессов. Автор дает наглядный анализ методов информационной войны нацистской пропагандистской машины, целью которой было разобщение общества по этническому признаку.

К недостаткам работы можно отнести наличие опечаток, несоответствие инициалов руководителей Крымской АССР и другие незначительные огрехи, закономерно сопровождающие такого рода работы. Отсутствие рецензентов в данной работе вызовет определенную критику оппонентов, которые естественно, найдутся, и автор должен быть готов к достаточно острой дискуссии.

Сведения об авторе: Куртсеитов Рефик Джаферович – историк, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, старший научный сотрудник отдела истории НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» (295015, пер. Учебный, 8, Симферополь, Крым, Российская Федерация); kurtseitov@mail.ru.

**Book Review: Nemenko A.V. Crimea 1941–1944.
The reverse side of the war. Separate aspects of the
occupation history of the Crimea. Simferopol:
OOO Publishing House Dolya, 2018, 420 p., ill.**

Refik Kurtseitov

*(SBEEHE RC “Crimean Engineering and Pedagogical University”;
Research Institute of the Crimean Tatar Philology, History and Culture
of the Crimean ethnic groups)*

Abstract. The article deals with the work of A. V. Nemenko, devoted to the period of occupation of the Crimea in 1941–1944 by the German-Romanian troops. The author analyzes the content of German, Romanian and Soviet archival sources related to the military actions on the peninsula, with the course of organization and conduct of the guerrilla war, the Nazi occupation system of governance and ethnic policy. By conducting a comparative analysis of various sources on the partisan movement, the author exposes the myth of the “Tatar issue”, created in the postwar period to justify the total deportation of the Crimean Tatars.

Keywords: Great Patriotic War, Crimea, military operations, occupation policy, military archives.

For citation: Kurtseitov R. J. Book Review: Nemenko A.V. Crimea 1941–1944.

The reverse side of the war. Separate aspects of the occupation history of the Crimea. Simferopol: OOO Publishing House Dolya, 2018, 420 p., ill. Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 1, pp.189-196. DOI: 10.22378/kio.2019.1.189-196

About the author: Refik Dzhaferovich Kurtseitov – Cand. Sci. (Sociological sciences), historian, associate professor, head of the department of social and humanitarian disciplines, senior researcher at the department of history of the Research Institute of the Crimean Tatar philology, history and culture of ethnic groups of the Crimea, SBEEHE RC “Crimean Engineering and Pedagogical University” (295015, Crimea, Simferopol, Uchebnyi lane, 8, Russian Federation); kurtseitov@mail.ru.

Хроника

Презентация книг Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми и круглый стол «История Золотой Орды и татарских ханств в трудах Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми»

(Казань, 21 февраля 2019 г.)

В настоящее время особо активизировались научные исследования в области истории Золотой Орды и татарских ханств. 21 февраля 2019 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ в Казани состоялась презентация новых источников и круглый стол по этой тематике. Участникам мероприятия были представлены произведения Утемиша-хаджи «Кара Таварих» и Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-Ахбар».

С приветственным словом выступили заместитель директора института, доктор исторических наук Р. Р. Салихов, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии наук Республики Татарстан И. Р. Тагиров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН В. В. Трепавлов, кандидат исторических наук, заведующий Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, доцент кафедры истории ГБОУ ВО РК КИПУ Э. Х. Сейдаметов. Новые издания Института истории были представлены кандидатом исторических наук, руководителем Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ И. М. Миргалеевым. Он отметил ценность данных источников для изучения истории Улуса Джучи и постордынских государств.

Сочинение Утемиша-хаджи представляет собой источник средневековой тюрко-татарской истории, известное также как «Чингиз-наме». Настоящее издание было подготовлено по списку Риаэтдина Фахретдина, хранящемуся в архиве Заки Валиди Тогана в Турции. Второй источник – сочинение «Умдет ал-

Ахбар» крымского автора, ученого и государственного деятеля Абулгаффара Кырыми. Оно особенно ценно тем, что сам автор был свидетелем многих исторических событий Восточной Европы и, прежде всего, Крымского ханства XVIII в. Издания подготовлены под общей научной редакцией И. М. Миргалеева.

После презентации состоялся круглый стол «История Золотой Орды и татарских ханств в трудах Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми», где ведущие специалисты в области тюрко-татарской истории поделились научными достижениями в области исторического источниковедения. Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ представляли: руководитель центра Э. Х. Сейдаметов и старший научный сотрудник Э. И. Сейдалиев. Э. Х. Сейдаметов отметил важность изданных трудов в контексте написания многотомной истории крымских татар, которая готовится на базе Крымского научного центра. Э. И. Сейдалиев в совместном докладе с аспирантом кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», сотрудником ГБУРК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» Р. Р. Кадыровым подготовили доклад о сиджиях Крымского ханства как источнике по исторической географии Крыма и сопредельных территорий в XVII в. После докладов состоялись обсуждение и дискуссия по изложенным проблемам.

*Информация подготовлена
старшим научным сотрудником Э. И. Сейдалиевым
(Крымский научный центр Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ)*

Презентация новых книг, изданных Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ

(Симферополь, 14 марта 2019 г.)

14 марта в зале научно-технической библиотеки ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет» состоялась презентация книги «Усеин Боданинский. Собрание сочинений. Дневники 1923–1926 гг. Том II».

Второй том из собрания сочинений У. Боданинского – выдающегося крымскотатарского ученого-этнографа, археолога, художника, подвижника музейного дела в Крыму, основателя и первого директора Бахчисарайского дворца-музея, содержит ранее не опубликованные в полном объеме его рукописные дневники, которые являются ценнейшими источниками по истории и этнографии крымских татар, а также археологии и развитию музейного дела в Крыму.

В мероприятии приняли участие ученые-историки, этнографы, востоковеды, сотрудники научных центров, музеев и библиотек Крыма, преподаватели и студенты Крымского инженерно-педагогического университета.

С изданием книги авторский коллектив поздравили заместитель министра культуры Республики Крым И. Заатов, заместитель Муфтия Крыма и Духовного управления мусульман Крыма и г. Севастополя А. Исмаилов, генеральный директор ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник» В. Мартынюк.

Презентацию книги «Усеин Боданинский. Собрание сочинений. Дневники 1923–1926 гг. Том II» представили руководитель Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Э. Сейдаметов и составитель тома Р. Эминов. Выступающие отметили, что Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани АН РТ подготовил издание к публикации совместно с учеными Крымского инженерно-педагогического университета и сотрудниками Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.

В рамках мероприятия также был представлен перевод на русский язык средневекового труда известного историка эпохи Крымского ханства Абдул-гаффара Кырыми. Перевод рукописи и издание книги под названием «Умдет ал-Ахбар» были подготовлены Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани.

Данное издание представляет собой перевод основной части труда Абдул-гаффара Кырыми «Умдет ал-Ахбар», посвященного истории Чингизидских политий и Крымского ханства. Переданная автором история основывается на свидетельствах средневековых придворных летописцев и легендарных известий – «народной версии» прошлого. Многие сюжеты, относящиеся к XVIII в., могут считаться свидетельством от первого лица, так как крымских ученых был непосредственным их участником.

В завершение мероприятия к. фил. н. Н. Р. Абдульваапов и к. фил. н. Р. Р. Абдужемилев познакомили присутствующих с историческим сочинением «Умдет ал-Ахбар» и трудами выдающихся историков эпохи Крымского ханства.

*Информация подготовлена
младшим научным сотрудником С. А. Сеитметовой
(Крымский научный центр Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ)*

Однодневная экспедиция в Северо-Западный Крым

*(Черноморский и Раздольненский район Республики Крым,
7 апреля 2019 г.)*

7 апреля 2019 г. состоялась однодневная ознакомительная поездка в Северо-Западный Крым (населенные пункты Черноморского и Раздольненского районов) с целью фиксации объектов истории, архитектуры и культуры крымскотатарского народа. Обезд объектов был совершен по предварительно согласованному плану-маршруту, разработанному исследователем С. Апазовой. В осмотре объектов и их фотофиксации приняли участие сотрудники Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия», общественности. Всего 10 человек (Сейдаметов Э., Сейдалиев, Э., Сейтумеров Ш., Усеинов М., Саранаев М., Кадыров Р., Османов Дж., Апазова С., Ибрагимов И., Ниязиев Л.).

Во время обезда были обследованы территория исчезнувших сел Учкю Кыпчак и Чокрак, с остатками фундаментов и стен жилых и хозяйственных построек, развалины культовых объектов и старых мусульманских кладбищ с тамгами, осмотрены мечеть 1882(3) года строительства и здание сохранившейся крымскотатарской довоенной школы села Кирлеут (Водопойное). В окрестностях села Бай-Кият (современная Владимировка) были зафиксированы вырубленные в скале старинные колодцы глубиной 30–35 метров, с остатками сооружений, использовавшихся для подъема воды. Были произведены замеры и фотофиксация обнаруженных старинных объектов.

Поездка по Северо-Западному Крыму показала, что в степном регионе полуострова еще сохраняются представляющие научный интерес объекты культурного наследия позднесредневекового и нового времени. При этом было установлено, что камень со строений и старинных мусульманских кладбищ бывших сел Крымского ханства, входивших в Кезлевское каймаканство, в настоящее время нередко используется для хозяйственных нужд.

*Информация подготовлена
старшим научным сотрудником Ш. С. Сейтумеровым
(Крымский научный центр Института истории
им. Ш. Марджани АН РТ)*

30-летие научной деятельности в области истории крымоведения профессора А. А. Непомнящего

Научная общественность Крыма широко отметила 30-летие деятельности на поле исторического крымоведения, которое совпало с 50-летием крупного историка, председателя Союза краеведов Крыма, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ведущего научного сотрудника Крымского научного центра Института истории им Ш. Марджани Андрея Анатольевича Непомнящего. Этому событию посвящена статья об ученом, подготовленная кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Д. А. Ломакиным, и публикация его избранной библиографии на страницах «Ученых записок Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки» (2019. № 1). Научной деятельности Андрея Анатольевича были посвящены недавно прошедшие в Феодосии на базе Центра подводных исследований совместно с кафедрой исторического регионоведения и краеведения КФУ им. В. И. Вернадского «Черноморские чтения» – международная научная конференция. Научная библиотека КФУ подготовила к 50-летию ученого и 30-летию его первой научной публикации, которая, кстати, была напечатана на страницах крымскотатарского журнала «Йылдыз», выходившего тогда в Ташкенте, прекрасно изданный объемный биобиблиографический указатель «Непомнящий Андрей Анатольевич» (составители Н. И. Кадуха, В. И. Тараилова, редактор Н. В. Чигрина). Издание включает материалы биографического характера, литературу о жизни и научной деятельности Андрея Анатольевича, информацию о его научной школе и статью кандидата политических наук О. Н. Тыняновой «Люди и книги профессора Непомнящего: пространство России в пространстве частной библиотеки».

Завершением цикла юбилейных мероприятий в честь уважаемого профессора стала презентация биобиблиографического справочника и специально подготовленного к этой дате издания А. А. Непомнящего «Судьбы книг и людей в автографах личной библиотеки» – содержательного каталога (Белгород, 2019. 264 с.), которая прошла в Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского. Одновременно была открыта книжная выставка «Открывать, познавать, опубликовать», посвященная научным трудам профессора. Мероприятие открыл проректор по академической и административной деятельности вуза, профессор В. О. Курьянов. Он отметил роль А. А. Непомнящего в подготовке научных кадров высшей

квалификации, как руководителя научной школы истории крымоведения (А. А. Непомнящим подготовлено 23 кандидата исторических наук по четырем специальностям, которые трудятся на профильных кафедрах как крымских вузов, так и в институтах других государств). Особенно велика роль профессора А. А. Непомнящего в подготовке юбилейных фундаментальных научно-справочных изданий, выпущенных к 100-летию первого крымского университета. Профессор А. А. Непомнящий рассказал об идее создания каталога автографов собственной библиотеки, цели данного издания и ее реализации, роли книги для биобиблиографии крымоведения. Выступавшие на презентации ведущие крымские ученые (Л. А. Орехова, Н. В. Чигрина, А. Г. Герцен и др.) отметили вклад Андрея Анатольевича в различные аспекты исторического крымоведения.

Коллектив Института истории им. Ш. Марджани, в свою очередь, поздравляет А. А. Непомнящего с юбилеем и 30-летием научной деятельности и выражает надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

Редакция журнала «Крымское историческое обозрение»

Список сокращений

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан.

ВКП (б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков).

ГБОУ ВО РК КИПУ – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет».

ЗООИД – Записки Одесского Общества Истории и Древностей.

Крымская АССР – Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика.

КрымОХРИС – Крымский областной комитет по делам музеев и охране памятников старины и искусства.

КрымЦИК – Центральный исполнительный комитет Крымской АССР.

Наркомзем – Народный комиссариат земледелия СССР.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

ООИД – Одесское общество истории и древностей.

РАН – Российская академия наук.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

СНК – Совет народных комиссаров.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

ЦИК СССР

ВОА – Başbakanlık Osmanlı Arşivi (Османский архив при Премьер-министре Турецкой республики)

NARA – National Archives and Records Administration (Национальное управление архивов и документации (США)).

Подготовка и издание журнала осуществлены
в рамках государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности
татарского народа (2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal
were carried out within the framework
of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity
of the Tatar People (2014–2019)”

Правила для авторов см. на сайте CRIMEANREVIEW.RU
Instructions to authors look at the website CRIMEANREVIEW.RU
<http://crimeanreview.ru/index.php/ru/trebovaniya-po-oformleniyu-statej>
<http://crimeanreview.ru/index.php/ru/trebovaniya-po-oformleniyu-annotatsij>

КРЫМСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ CRIMEAN HISTORICAL REVIEW

№ 1. 2019

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, Казань, ул. Батурина, 7А.

Цена свободная.

Подписано в печать 10.07.2019 г.
Дата выхода в свет 10.10.2019 г.
Формат 70×100 1 / 16
Усл. печ. л. 16,25. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»:
308010, Белгородская обл.,
Белгородский р-н, п. Северный, ул. Березовая, 1/12

Рис. 1. Крымскотатарские санджаки (XVII в.), Варшавский музей¹.

На санджаках изображены исламские символ: хилял (полумесяц), йылдыз (звезда); Три полумесяца – три континента (Европа, Азия, Африка); меч Зульфикар с раздвоенным лезвием на черном фоне (цвет санджака-шерифа).

¹ Иллюстрации к статье Рефат Абдужемилев. «Национальные символы в публикациях О. Акчокраклы (комментарии к статье “К вопросу о флаге”))» (Рис. 1–3; Стр. 135–146).

Рис. 2. Переправа османских и крымских войск через Дунай во время кампании против венгров в 1566 г.

Рис. 3. Миниатюра, изображающая молодого Мехмед-Герая, еще не хана, в роли союзника турок. Иллюстрация изображает переправу османских и крымских войск через Дунай во время кампании против венгров в 1566 г. Турецкие воины изображены в верхней части композиции, а крымские – внизу. В руках у татар видны санджаки (знамена) красного и зеленого цвета.

Автор миниатюры – Локман бен Хусайн аль-Ауури (*Lokman, Tarih-i Sultan Süleyman ("Zafarnâma")*, *History of Sultan Süleyman*, Dublin, chester Beatty Library, MS 413, fol. 82A, 1579).

**Презентация книг Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми и
круглый стол «История Золотой Орды и татарских ханств
в трудах Утемиша-хаджи и Абдулгаффара Кырыми»
(Казань, 21 февраля 2019 г.)**

**Презентация новых книг изданных
Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ**
(Симферополь, 14 марта 2019 г.)

Однодневная экспедиция в Северо-Западный Крым
(Черноморский и Раздольненский район Республики Крым, 7 апреля 2019 г.)

**30-летие научной деятельности в области истории
крымоведения профессора А. А. Непомнящего**